

О-ля-ля!

ФРАНЦУЗСКИЕ СЕКРЕТЫ
ВЕЛИКОЛЕПНОЙ
ВНЕШНОСТИ

«Уроки
безупречного
стиля!»

Cosmo.ru

Д Ж Е Й М И К Э Т К А Л Л А Н

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «ФРАНЦУЖЕНКИ НЕ СПЯТ В ОДИНОЧЕСТВЕ»

О-ля-ля!

**ФРАНЦУЗСКИЕ СЕКРЕТЫ
ВЕЛИКОЛЕПНОЙ
ВНЕШНОСТИ**

«Уроки
безупречного
стиля!»

Cosmo.ru

ДЖЕЙМИ КЭТ КАЛЛАН

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «ФРАНЦУЖЕНКИ НЕ СПЯТ В ОДИНОЧЕСТВЕ»

Джейми Кэт Каллан

**О-ля-ля! Французские секреты
великолепной внешности**

Jamie Cat Callan

Ooh La La! French Women's Secrets to Feeling Beautiful Every Day

Copyright © 2013 by Jamie Gat Gallan

© Новикова Т. О., перевод на русский язык, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Женщиной не рождаются. Женщиной
становятся.*

Симона де Бовуар

Посвящается Джессике Ли

Вступление

Когда я собиралась писать эту книгу, произошло забавное событие.

Впрочем, возможно, и не очень забавное. Но уж точно *интересное*.

В один из прекрасных осенних вечеров, когда я гостила в Тулузе у своих друзей, мы отправились в город поужинать. Но тут на моем пути оказался здоровенный камень. Носок моей туфли попал под него, ногу заклинило, я поскользнулась, и в щиколотке что-то хрустнуло. И ведь на мне были туфли на низком каблуке! Боль была такой сильной, что я мгновенно потеряла сознание. Когда я пришла в себя, рядом со мной на коленях стояли друзья. Я слышала вой сирены «Скорой помощи» – машина пробиравась по узкой улочке мне на помощь. Меня положили на носилки, доставили в местную больницу, где я и провела девять дней. Так как я ухитрилась сломать щиколотку в двух местах, мне понадобилась серьезная операция. И теперь я с чувством гордости могу заявить, что к моей щиколотке шестью болтами привинчена металлическая пластина!

Полагаю, вы уже поняли: если я что-то делаю, то берусь за это всерьез!

Поскольку на больничной койке мне пришлось провести немало часов, у меня появилось достаточно свободного времени, которое я посвятила размышлениям о том, в чем же заключается секрет французских женщин.

Перед тем как я попала в больницу, я целый месяц колесила по Франции и беседовала с француженками – близкими подругами, просто знакомыми и с теми, с кем я встречалась ради книги, – но раскрыть секрет обаяния французских женщин мне так и не удалось. У меня были все фрагменты головоломки, но воедино они не собирались. Чего-то не доставало.

И вот я лежала в постели с загипсованной ногой, смотрела в окно, любовалась белыми облаками на необыкновенно синем небе Тулузы и вспоминала свою французскую бабушку. В детстве я часто проводила лето у нее. Мы сидели на крылечке ее дома, пили лимонный чай со льдом, а дедушка работал в саду. После обеда она всегда отправляла меня спать. До сих пор помню, как она укладывала меня в гостиной на диван, приносила мне пару подушек и бесшумно опускала шторы, чтобы солнце не светило мне в глаза. И гостиная погружалась в мягкую тень. Бабушка шептала, что я должна постараться заснуть, и выходила из комнаты.

Мне ничего не оставалось, как тихо лежать и смотреть на маленькую картину в рамке, что висела напротив дивана. Я до сих пор помню эту картину. Возможно, вы тоже ее видели. Это гравюра с картины Ги Дессата «Мулен-Руж», на которой художник изобразил заснеженные улицы зимнего Парижа. Эту гравюру и сегодня можно купить, прогуливаясь по Левому берегу Сены. Но в детстве она казалась мне совершенно особенной. Помню, как лежала на диване, стараясь не заснуть, и внимательно рассматривала мельчайшие детали. Помню знаменитую красную мельницу над танц-холлом и большую яркую вывеску «МУЛЕН-РУЖ». Веки мои становились тяжелыми, и непосредственно перед тем, как провалиться в сон, я начинала представлять, как вхожу в этот театр. Там наверняка будут танцы. Конечно же, красивые женщины. Перья. Блестки. Яркие огни. Да, и музыка!!! Каждый вечер – великолепное шоу. Должна сказать, что во время Великой депрессии бабушка, дед, мама и дядя работали в труппе театра «Водевиль». Наверное, именно поэтому изображение Мулен-Руж на гравюре так меня манило. Проведя месяц во Франции, я окончательно уверилась в том, что эта картина – важнейший ключ к познанию моего собственного ooh la la.

Нет, я не призываю вас искать ваше ooh la la, глядя на картину с изображением Мулен-Руж или путешествуя по Франции.

Вы можете найти ooh la la на ферме в Канзасе, за роялем или на теннисном корте. Может быть, оно ожидает вас на катере посреди моря, или в центре Чикаго, или в институтской аудитории в Японии. А у кого-то ooh la la возникает в саду или библиотеке.

Лично я нашла свое ooh la la во Франции, но для этого потребовалось приложить усилия и, возможно, даже сломать щиколотку. Только после этого я поняла то, что все это время было у меня перед глазами.

Мне понадобилось побродить по Парижу, уехать на север Франции почти до границы с Бельгией, проехать через всю Нормандию, провести время в Руане, где погибла Жанна д'Арк, а потом укатить на юг, в маленький городок Овиллар и большую Тулузу – и все для того, чтобы понять, почему во всем мире французских женщин считают загадочными, сексуальными, красивыми и уверенными в себе.

Я многое узнала о духах, уходе за кожей, стиле, моде, белье и макияже.

Но узнала я и о том, что невозможно перевести в маленькие косметические советы вроде *«каждый вечер перед сном сбрызгивайте кожу минеральной водой Evian»*. (Хотя одна моя французская подруга клялась, что именно так и делает – и кожа у нее превосходная!)

После всех этих интервью и встреч я начала понимать, что в красоте, элегантности и загадочности французских женщин есть нечто более глубокое. И советы модельеров и косметологов понять это не помогут. Да, я действительно узнала много тонкостей, используя которые можно сохранить хорошую кожу и подобрать макияж, который подходит только тебе (и об этом вы узнаете из моей книги), но мне открылось и нечто более глубокое и неуловимое. Нечто такое, что больше физической красоты. И это нечто я решила назвать *ooh la la*.

Обаяние француженки проистекает из того, что она – и это совершенно очевидно – позволяет себе быть самой собой. Это ощущение нужно развивать в себе в течение всей жизни.

Все мы слышали это выражение. Оно появилось во Франции в 20-е годы, и многие американцы и по сей день пользуются им, чтобы сказать, что что-то шикарно, сексуально, забавно или просто прелестно. Когда я начала писать книгу о красоте, свойственной французским женщинам, то очень быстро поняла: мы считаем их такими привлекательными и обаятельными не просто потому, что они красивы. В них есть нечто большее.

Беседуя с женщинами и изучая свои заметки, я начала понимать, что обаяние француженки проистекает из того, что она – и это совершенно очевидно – позволяет себе быть самой собой. Это ощущение невозможно найти во флаконе духов, баночке с кремом или пробнике. Его невозможно добиться с помощью инъекций и пластических операций. Это ощущение нужно развивать в себе в течение всей жизни. Для этого потребуются терпение, смелость, любовь и богатое воображение. Но в *ooh la la* есть и нечто замечательное – оно доступно любой женщине: живете ли вы в России или Бразилии, богаты ли вы или бедны, путешествуете ли по миру или никогда не выходили за пределы собственного дома. Это ощущение доступно любой женщине, которая готова отбиться от стаи и быть самой собой – прекрасной самой собой.

Раз уж вы читаете эту книгу, то, надеюсь, вы сразу же начнете искать собственное *ooh la la*. И мои истории помогут вам в этом путешествии. Моя цель – сделать так, чтобы секреты французских женщин, которыми я с вами поделюсь, открыли вам двери собственного сердца. И тогда вы обретете смелость и любовь, необходимые, чтобы всегда быть самой собой – в лучшем смысле этого слова. Я хочу, чтобы вы всегда были самой счастливой, самой мудрой, самой сексуальной, самой красивой и щедрой женщиной в мире!

Глава 1

Мое путешествие начинается...

Bonjour

В один из теплых сентябрьских дней, проведенных мною в Париже, я ожидала в приемной, когда освободится моя подруга Изабель. Этой девушке еще нет и тридцати, но она мудра не по годам.

Я сижу на небольшом диванчике, откуда хорошо видны лестницы и лифты. Мне представилась прекрасная возможность понаблюдать за тем, как ведут себя французские мужчины и женщины в повседневной жизни. Даже на первый взгляд было ясно, что работающие французы – по крайней мере, работающие парижане – одеваются более элегантно, чем американцы. Для них не существует понятия *свободной пятницы*^[1], которая плавно перерастает в *свободную неделю*. Нет, не подумайте, что все были в деловых костюмах. Я видела женщин в джинсах – но в джинсах стильных и хорошо сшитых. И с этими джинсами женщины надевали красивые блейзеры, шелковые блузки – и обязательно шарфы. Я видела много юбок в сочетании с сапогами. Юбки чуть приоткрывали колени, и можно было заметить фактурные чулки. Это было очаровательно, элегантно и интригующе.

И вот появляется Изабель. Я поднимаюсь, чтобы поздороваться с ней. Она нежно прикасается к моему плечу и так быстро поворачивает голову, чтобы поцеловать меня в обе щеки, что я ощущаю легкое дуновение. У французов принято приветствовать друг друга поцелуями в щечку.

– Привет, Джейми! – радостно говорит она.

Имя мое она произносит на французский манер – *Джими*, и оно звучит настолько очаровательно, что у меня не хватает духу поправить ее. Ей нравится совершенствовать с моей помощью свой английский, но сегодня я останусь Джими.

Мы разговариваем, и я замечаю, что за время, прошедшее после нашей последней встречи, Изабель сильно изменилась. Она сделала короткую стрижку и золотистое мелирование. Мы едем на метро в ее квартиру в Булонь-Бийанкур, и по дороге Изабель рассказывает мне о мадам Жози Мерме, у которой она прошла имидж-сессию. Она говорит, что Жози

изменила всю ее жизнь!

И это действительно так. Я чувствую, что с момента нашей последней встречи Изабель стала совершенно другой. Да, ее волосы теперь короче, в них появились элегантные золотистые блики, но дело не только в этом: появилось что-то еще... Изабель стала счастливее. Когда мы входим в ее квартиру, она говорит мне:

– Это был не просто *цветовой анализ внешности*^[2].

Изабель приносит небольшой чайничек с травяным чаем и тарелочку с бисквитами.

– Жози Мерме способна прочитать твою душу, – говорит она. – *Она понимает, кем ты должен быть в этом мире. Это очень глубокий анализ!*

От скольких забот мы избавляемся, когда принимаем решение перестать быть чем-то и стать кем-то.

Коко Шанель

Изабель передает мне небольшую чашку на блюде и продолжает: «У нее огромный жизненный опыт, и она отлично все понимает». Эти ее слова кажутся мне особенно приятными. Я на двадцать пять лет старше Изабель, и такое почтительное отношение мне очень нравится. Оказывается, не только я учусь у француженок, но и они могут кое-чему у меня поучиться. Хотя я и американка! Ведь я действительно *все понимаю!*

Изабель отставляет свою чашку и продолжает рассказывать:

– Она сказала, что мне нужно *смешивать стили, чтобы проявить свою индивидуальность*. И она говорит, что у меня красивое лицо, и мне нужно показать его. Она занимается *хромопсихологией*. Джими, ты должна с ней познакомиться.

Изабель идет к своему столу и достает папку с какими-то бумагами и рисунками. А я откусываю кусочек печенья и понимаю, что это вовсе не бисквит – это крекер.

– Вот мой хромопсихологический профиль, – говорит Изабель, присаживаясь рядом и протягивая мне рисунок и схему цветов. – Стилист сказал, что мне нужно больше использовать коричневые тона – цвет ржавчины, теплые оттенки коричневого, золотистый.

Изабель проводит рукой по шелковистым темным волосам. Видишь? И я вижу: это прекрасно, и цвет волос отлично подходит к ее глазам.

Оглядывая квартиру Изабель, я понимаю, что она приняла эти советы

близко к сердцу. На стенах много постеров с изображением волков (Изабель обожает волков), но появился и постер с дельфинами и английским слоганом «Живи свободно». И еще один постер – фотография пляжа с пальмами в оранжевом закатном свете. Квартира Изабель буквально купается в оттенках коричневого, золотого и темно-зеленого. Сразу видно, что эта девушка любит природу и часто бывает за городом.

Я рассматриваю хромопсихологические рисунки Изабель. На каждом схематично изображено женское лицо в виде сердечка. Цвета нанесены на губы, щеки и глаза. Рядом пометки с названиями конкретных цветов и косметических продуктов. На первый взгляд, рисунки кажутся мне обычными схемами макияжа, но потом я понимаю, что это *нечто более глубокое*. Жози Мерме эскизно набрасывает стили одежды, прически и цветовой решение имиджа. Она использует аксессуары, которые не только льстят коже и типу фигуры женщин, но еще и отражают ее индивидуальность. Ее рекомендации учитывают происхождение женщины, ее детство, профессию, мечты и планы на будущее.

Изабель говорит, что Жози выделила тридцать типов. Сама она относится к типу «гранит». И Жози отметила, что Изабель любит помогать другим людям. И это действительно так – ведь, заметив, что у меня кончился чай, она тут же налила мне еще.

Солнце садится, сгущаются сумерки.

– Я – Овен, восходящий знак^[3] – Весы, – говорит Изабель, показывая мне листы с перечнем косметики, типов сумочек, соответствующих ее индивидуальности, эскизами украшений, поясов, туфель, шарфов...

А на очередном листе я вижу заголовок: «Десять предметов, которые обязательно должны быть в вашем гардеробе». Жози Мерме посоветовала Изабель одеваться более романтично, сочетая кожу с мягкими, летящими тканями. И я понимаю, что это действительно очень идет моей подруге.

Изабель поворачивается ко мне и энергично заявляет:

– Джими, ты просто обязана познакомиться с Жози Мерме! Она поможет тебе работать над книгой!

Я согласна. Мне необходимо познакомиться с мадам Жози Мерме! Я должна узнать все о ее хромопсихологическом методе!

* * *

Итак, телефонные переговоры завершены, встреча назначена. Я должна встретиться с Жози в ее офисе, расположенном на Правом берегу, неподалеку от знаменитого универмага Printemps.

Но сначала мне нужно туда добраться, а это нелегко, потому что понадобится сделать несколько пересадок в метро: перейти с темно-желтой линии на Левом берегу на светло-фиолетовую, доехать до «Станции Инвалидов», выйти и пересестись на ярко-зеленую линию, по которой я смогу доехать до станции «Осман-Сен-Лазар» на Правом берегу. Я так подробно пишу о цветах, потому что на схеме парижского метро присутствует три оттенка зеленого, а любой маршрут зависит от цвета линии и направления, в котором ты движешься. Более того, все линии еще и пронумерованы! Честно говоря, французское метро такое запутанное! Мне постоянно кажется, что я сдаю трудный экзамен: приходится следить за ветками, которые где-то начинаются, потом разветвляются, потом снова разветвляются, а я шагаю по бесконечным ярко освещенным коридорам, ощущая себя шариком в настольном бильярде, который носится туда-сюда. Я поднимаюсь и спускаюсь по бесчисленным лестницам, иду по коридорам, обклеенным рекламными плакатами Галереи Лафайет^[4], кружу и кружу... И наконец я на месте! Все же должна признаться – мне нравится ездить на метро!

Вот так, в прекрасный солнечный день, я стою перед витриной парикмахерской Франсиса Эль Рода Haute Coiffure Francaise на улице Тетбу, любуюсь собственным отражением. Девушка из салона посмотрела на меня так, словно собиралась спросить: «Что это за американка таращится на нас через окно?» Я заглянула в свой маленький блокнот. Да, все верно, это здесь. И тут в уголке витрины я увидела небольшую табличку: здесь дает консультации Жози Мерме. Наконец-то я добралась!

Я вошла в салон и сказала, что пришла к мадам Мерме. Мне предложили подождать, присев на белый кожаный диван. Не хочу ли я минеральной воды? Я отказалась. Примерно через десять минут ко мне подошла другая женщина, разговаривающая по-английски с сильным французским акцентом. Она сказала, что ее зовут Селина, она – помощница мадам Мерме, и она проведет меня к мадам. Селина просто ослепительна. Платиновые волосы с темными корнями подстрижены очень коротко. Весь ее облик поражал стильностью – и одновременно удивительной простотой. На ней было поблескивающее платье стального цвета до колен, которое необычайно шло этой стройной женщине. Но мне сразу же бросились в глаза ее туфли – серебристые оксфорды со шнурками. И еще я заметила серебряные браслеты. Хотя Селина была блондинкой, ее волосы имели серебристый оттенок. Мне показалось, что эта девушка может схватить меня за руку и потребовать, чтобы я танцевала с ней чарльстон.

Но танцевать нам не пришлось. Вслед за Селиной я поднялась

по винтовой лестнице. Во Франции очень много винтовых лестниц: куда бы вы ни отправились, в какой-то момент вам обязательно придется подниматься или спускаться по винтовой лестнице. Селина улыбнулась и предложила мне немного подождать – я расслышала только слово *attendez*^[5]. А потом она скрылась за черной бархатной шторой, а я оказалась на очередном белом кожаном диване.

Я попыталась угадать, что скрывают эти бархатные шторы. Но вдруг они распахнулись, и я увидела ее – мадам Мерме. Передо мной появилась миниатюрная женщина в черном – черные прямые джинсы, черный топ, черный пиджак. Выглядела она слегка андроженно, но очень стильно и ухоженно. Иссиня-черные волосы были подстрижены очень коротко и элегантно уложены. Но больше всего меня поразила ярко-красная помада на полных, чувственных губах, обведенных черным контурным карандашом. Выглядела эта женщина необычно, но – совершенно фантастически!

Я сглотнула и поднялась, чтобы поздороваться. Мадам Мерме расцеловала меня в обе щеки и заговорила так тихо, так сладко, что на какой-то момент мне показалось, что я говорю с Майклом Джексонем.

Впрочем, времени на то, чтобы осмыслить все это, у меня не оказалось, потому что Селина уже придерживала штору, чтобы я могла войти. Следом за Селиной и Жози я прошла в небольшую комнатку, где в кружок стояли три красных кресла в стиле Людовика XIV. Я села между Жози и Селиной. Я пыталась не рассматривать Жози, но это было нелегко. Она выглядела очень необычно и драматично – взгляд притягивали не только ярко-красные губы с черной подводкой, но еще и выразительные карие глаза с черными стрелками и великолепные брови. Под правым глазом у Жози была небольшая родинка. Признаюсь честно, я просто не могла оторвать от нее глаз. В ней сразу чувствовалась невероятная сила, удивительная для столь миниатюрной женщины.

Тем не менее я собралась с силами, достала свой маленький блокнот и раскрыла его на чистой странице. И начала задавать вопросы. Много вопросов.

* * *

Мадам Мерме рассказала, что начала заниматься изменением внешнего облика людей тридцать лет назад. Какое-то время она работала исключительно с фирмой L’Oreal и много путешествовала по миру, формируя новый имидж. У нее обширные знания и богатый опыт не только

в этой области, она изучала также и морфопсихологию^[6], которая соотносит индивидуальность человека с типом его фигуры. И в результате ей удалось создать собственную науку, которую она назвала *хромопсихологией*.

Вот как это работает: сначала мадам Мерме просто смотрит на женщину, которая обратилась к ней с просьбой изменить имидж. Клиентка не должна ни говорить, ни задавать вопросов. Ее просят встать, пройтись, сесть, снова встать. Мадам определяет костную структуру тела, фактуру волос, телосложение и морфопсихологический тип – форму тела, походку, то, как женщина показывает себя миру. Я спросила у мадам, почему она не позволяет клиенткам задавать вопросы, и она ответила так, словно это совершенно понятно.

– Я работаю интуитивно, – сказала она. – Я делаю вас самой собой.

Она объяснила, что отталкивается от истинной индивидуальности женщины.

Правильно подобранные цвета помогут вам засиять. И это касается не только цветов в одежде, аксессуарах, макияже, оттенка волос, но еще и убранства дома и рабочего места.

Правильно подобранные цвета помогут вам засиять. И это касается не только цветов в одежде, аксессуарах, макияже, оттенка волос, но еще и убранства дома и рабочего места.

– *Важен даже цвет вашей машины,* – заявила мадам Мерме. – *Правильно подобранный цвет полностью изменит ваше настроение!*

* * *

Я стала расспрашивать мадам Мерме о ее детстве, о том, как и когда начало проявляться ее увлечение – помогать женщинам открывать свое истинное «я». Она рассказала, что выросла в небольшом городке Шомержи во Франш-Конте. В детстве мадам Мерме обратила внимание на то, что ее старшие сестры, которые были всего на год старше ее, совершенно на нее не похожи. Одна была рыжей, другая – блондинкой. И даже у ее матери цвет волос был другим. Но маленькой брюнетке Жози приходилось донашивать платья более высоких и светловолосых сестер, то есть носить одежду, которая ей совсем не подходила.

Став подростком, Жози еще более остро стала ощущать эти различия. Она начала экспериментировать, изменяя внешний облик бумажных кукол, которые она вырезала из модных журналов. Она могла лицо одной модели заменить на лицо другой. Жози увлеченно меняла лица, тела, одежду,

обувь, сумочки и аксессуары. Она собирала все элементы, стараясь найти идеальный и абсолютно гармоничный облик.

Я записывала ее слова, но мадам Мерме начала говорить очень быстро. Селине пришлось помочь нам с переводом. Селина работает с мадам Мерме больше восемнадцати лет и глубоко уважает эту удивительную женщину. Должна признаться, что и меня она очаровала. Мне страшно захотелось получить ее совет, что же мне делать. Мне захотелось уйти отсюда, точно зная, к какому типу я отношусь. Я понимала, что я не «гранит», как Изабель.

Изабель сказала, что сама мадам Мерме слегка «драматична», и я поняла, что и к этому типу тоже не отношусь. «Драматизм» мне свойствен, но не такой, как у мадам Мерме. Кроме этого, я чувствовала себя настоящей американкой. Мне было интересно, найдется ли среди тридцати типов мадам Мерме тип, который соответствовал бы мне. У меня уже начало складываться неприятное ощущение, что меня вообще нельзя отнести ни к какому типу.

И тут мадам Мерме, словно прочитав мои мысли, неожиданно сказала:

– *Мы уважаем различия!*

Она посмотрела мне прямо в глаза, прямо в сердце. Мне показалось, что она действительно читает мои мысли. И тогда я спросила про физические недостатки. Что делать, если женщина не отличается стройностью?

– А даете ли вы советы по диете и физическим упражнениям? – спросила я. – Это входит в хромопсихологию?

Мадам Мерме ответила, что хромопсихология не дает советов по изменению веса, но часто случается так, что женщина, которой нужно сбросить несколько килограммов, сбрасывает их безо всяких усилий. Ее внешность настолько меняется, она начинает слышать столько комплиментов, что полностью примиряется с собственным «я». И ей сразу начинает хотеться быть максимально здоровой и красивой.

Американские женщины занимаются собой и своей внешностью сами. Француженки так не делают. Они стараются найти нужного человека – наставника, который раскроет им все тонкости и поможет создать собственный, уникальный стиль.

– А если у нее есть явный недостаток? – продолжала настаивать я. – И если ее нельзя назвать красивой в привычном смысле слова?

Я почувствовала, что задела мадам Мерме за живое. Ее глаза блеснули, и мне даже показалось, что из золотисто-карих они стали зелеными.

Она выпрямилась – удивительно, ведь ее осанка и до этого была безупречной! Неожиданно эта миниатюрная женщина стала по-настоящему высокой. И на долю секунды я увидела ее маленькой девочкой из небольшого городка. Я представила, как высоко она несла голову, страдая из-за того, что ей приходится донашивать убивающие ее красоту платья старших сестер, имевшие бледные, пастельные цвета.

– Мы выявляем недостаток и превращаем его в достоинство! – сказала мадам Мерме, махнула рукой и добавила: – Мы боремся со стандартами красоты! Они убивают оригинальность и истинную красоту.

Признаюсь, она меня несколько озадачила. Я же пришла не за этим. Я хотела узнать секреты красоты француженок. Я хотела получить список из десяти волшебных приемов, которые откроют любой женщине дверь к французскому очарованию, а мне заявляют: *«Стандарта красоты не существует!»* Но мне снова показалось, что эта женщина заглянула мне в сердце.

* * *

Когда рядом с вами человек, который действительно знает, какое место он занимает в этом мире, это непередаваемое ощущение. Я часто испытывала такое чувство, встречаясь с известными актрисами. Когда-то я работала в театральной мастерской, для которой писала пьесы. И как-то раз, когда я ждала окончания спектакля, чтобы вместе с другими отправиться домой, меня остановила в коридоре женщина-режиссер. Она приняла меня за актрису и сразу же стала давать советы, какие роли лучше всего мне подойдут. Внимательно рассмотрела мое лицо, тело, волосы, одежду и красные туфли на плоской подошве и заявила:

– Вы не звезда. Нет, вы – симпатичная девушка, живущая по соседству. Вы забавная.

Эти слова могли показаться оскорбительными, но когда их произнесла та женщина, я сразу почувствовала, что они справедливы. Я действительно симпатичная девушка, живущая по соседству. Мне даже не хочется быть идеально красивой звездой.

Если хочешь узнать правду, не жди, что она окажется приятной.

В Париже я не собиралась искать работу в телевизионном ситкоме. Но мне стало интересно, а не похож ли подход той женщины-режиссера к подходу мадам Жози Мерме. Я задумалась: не можем ли мы помочь себе сами, если будем смотреть на свое изображение в зеркале так же, как режиссеры смотрят на актеров. Не стоит ли нам задать себе вопрос:

«А какую роль должна играть женщина, отражение которой я вижу?» Она мрачная и суровая? Милая и веселая? Яркая и непростая? Где она будет смотреться наиболее гармонично? В горах? В бассейне в Лос-Анджелесе? На необитаемом острове? В большом городе? И что нужно заказать костюмерам? Да, и еще: она – героиня современного фильма или ее лучше перенести в 20-е годы и подобрать ей изысканное платье в том стиле?

Понимаю, ответы на эти вопросы не заменят поездки в Париж и встречи с великолепной Жози Мерме, но начать с этого можно.

Франция – страна, ориентированная на обслуживание. Америка – страна индивидуалистов, и у нас предпочитают самообслуживание. Я сужу по себе. Я не всегда доверяю женщинам-продавцам, и многие мои близкие подруги, да и не только близкие, относятся к ним точно так же. (Хотя есть одно исключение – в *Nordstrom*^[7] девушки очень любезны и дают хорошие советы!) И все же мы с подозрением относимся к продавцам, которые пытаются помочь нам подобрать даже самые простые товары, например, новую губную помаду. Думаю, мы считаем, что они просто хотят нам что-то продать – все равно что – и им нет никакого дела до того, что действительно нам подходит (то есть, им вовсе не хочется подчеркнуть наши достоинства). И это очевидно: ни продавщица, ни официант, ни консультант по косметике не считают свою работу занятием на всю жизнь. Расписывая нам преимущества нового косметического продукта, они думают о том, что в пять часов закончится их рабочий день и можно будет помчаться на прослушивание или кастинг. И когда им удастся проникнуть в Голливуд – прощай, надоевший универмаг!

Во Франции все не так. Работники сферы обслуживания гордятся своей работой. Их опыт ценят, их работа пользуется уважением в обществе. И это относится к официантам и продавщицам!

Американские женщины занимаются собой и своей внешностью сами. Француженки так не делают. Они стараются найти нужного человека – наставника, который раскроет им все тонкости и поможет создать собственный, уникальный стиль. Да, французские женщины похожи на нас – они тоже читают модные журналы и статьи о красоте. Но им гораздо важнее найти опытную наставницу, с помощью которой они найдут тот облик, который подходит только для них.

Должна заметить, что все француженки, с которыми я беседовала, придают большое значение таким вещам, как очищение ауры. Они посещают экстрасенсов и даже гадают на картах Таро. Причем интересуется их не только будущая любовь или карьера, но и красота

и стиль. Нет, нет, я не призываю вас немедленно броситься за колодой карт Таро и погрузиться в мир оккультизма. Но мне показалось интересным, что красота для француженок имеет не только физическую, но и духовную составляющую, опираясь на которую, они настраиваются на свою личность, свою уникальность и даже на знание своего предназначения в этой жизни. Прояснив эти фундаментальные вопросы, они с легкостью определяют, подойдет ли им блестящая розовая помада, стоит ли носить бархат и нужно ли сделать ультракороткую стрижку, надеть узкие черные джинсы, накрасить губы алой помадой и обвести ее черным контурным карандашом.

Итак, вот первый урок французского – найдите себе наставника. Найдите женщину, которой вы можете доверять. Найдите стилиста, который сможет дать советы, которые подойдут только вам. Найдите парикмахера, который почувствует тип ваших волос и создаст ваш уникальный стиль. И не забудьте, отправляясь к парикмахеру, стилисту или шопперу, одеться соответственно. Будьте такой, какой хотите стать – даже если вам будет казаться, что вы играете роль. Так вы покажете миру свое подлинное «я» и откроете путь к становлению такой, какой всегда хотели быть.

Попробуйте стать режиссером, подбирающим актеров на роли в новом фильме. Подумайте, какую роль вы хотели бы сыграть в картине, называемой «Жизнь». И станьте звездой!

Или симпатичной соседкой, если это вам больше нравится!

Глава 2

Цвет новой жизни

Мишлен Танги назначила мне встречу в своем любимом кафе, расположенном в Маре – историческом квартале Парижа, славящемся своими художественными галереями, модными ресторанами и шикарными маленькими магазинчиками. Мишлен выбрала именно это кафе, чтобы мы смогли попрактиковаться в своеобразной французской игре – *Le Regard*, которую американцы называют *People-Watching*. Проще говоря, мы собирались понаблюдать за людьми. Она пообещала, что мы детально разберем все особенности французского облика и поймем, что же делает французских женщин столь привлекательными. И я воспользовалась метро и вышла на станции Отель-де-Виль.

С Мишлен я познакомилась в Париже несколько лет назад на званом ужине в стиле *Paris Soirée*^[8]. Патриция Лаплан-Коллинз, организующая эти великолепные ужины, попросила меня выступить и рассказать о моей книге экспатам, живущим в Париже. На вечеринке присутствовало и несколько французов, в том числе и Мишлен. После моего выступления, когда я уже собралась уходить, она подстерегла меня прямо в гардеробе.

– Я должна с вами поговорить! – воскликнула она, широко улыбаясь и сверкая глазами.

Мишлен очень миниатюрная женщина – темные волосы, темные глаза, оливковая кожа. В тот вечер на ней была классическая белая блузка и черная юбка-карандаш. Разумеется, высокие каблуки. В ней чувствовалась такая энергия, что мне показалось, она вот-вот взорвется.

– Джейми, я должна вам кое-что сказать! – прошептала она мне в ухо так страстно, что я, честно говоря, слегка испугалась.

После выхода моей первой книги «Француженки не спят в одиночестве»^[9] ко мне часто подходили француженки и говорили:

– *Извините, но я – настоящая француженка, и хочу вам сказать: я сплю одна!*

Цвета, как черты лица, отражают смену эмоций.

Пабло Пикассо

И вот снова!

Но Мишлен собиралась сказать мне совсем о другом. Она хотела поговорить о более важном. О природе любви. О секрете счастья. О том, что это такое – быть женщиной. Признаюсь, эта очаровательная женщина мне очень понравилась. Мы примерно одного возраста, но в ней чувствовалась такая энергия и энтузиазм, что мне казалось, я разговариваю с гораздо более молодой и мудрой женщиной. Она посмотрела на меня и сказала:

– Секрет в том, что вы – Женщина! – и она постучала по груди своим маленьким кулачком. – И будьте ею!

Я была покорена. Этой француженке явно найдется, о чем мне рассказать. И когда я снова приехала во Францию, мы договорились о встрече. Мишлен решила помочь мне понять простоту «бытия». Ей хотелось объяснить, как французские женщины обретают уверенность в себе, окутывают себя тайной и становятся невероятно очаровательными.

В Америке мы назвали бы Мишлен консультантом по имиджу, хотя создание имиджа – это лишь часть того, что она делает для клиента. Мишлен называет себя «экспертом по харизме». Скорее ее деятельность действительно напоминает работу имидж-консультанта, но не только: Мишлен помогает деловым женщинам и мужчинам, приехавшим во Францию, быть обаятельными и преодолевать культурные барьеры, разделяющие Францию и их родные страны.

Совершенно очевидно, что сегодня во Франции осуществляется деятельность, охватывающая разные культуры. В метро я видела множество рекламных объявлений, которые буквально кричали: *Ayez la langue bien perdue?* Я думала, что они рекламируют услуги специалистов, помогающих людям избавиться от акцента – ведь дословно это выражение означает «*Вы уже потеряли язык?*». Но внизу имеется надпись «Изучайте английский, на котором говорит Уолл-стрит» и фотография очень привлекательного мужчины, а чаще – очаровательной молодой женщины с высунутым языком, раскрашенным в цвета американского флага. Я поняла, что английский язык Уолл-стрит победил в конкурсе популярности. Смысл был ясен: если хочешь добиться успеха в условиях современной экономики, нужно учить английский. У меня возникает ощущение, что французы преподносят идею изучения делового английского как нечто слегка сексуальное. А может быть, и не слегка... А может быть, и очень сексуальное...

Мы встретились с Мишлен в кафе. На ней был серый жакет с рукавом

три четверти, брюки того же тона и ослепительно белая блузка, выгодно оттенявшая ее загар и темные волосы.

Мишлен сказала, что помогает людям раскрыть свою харизму, открывая им *savoir faire*^[10] – секреты искусства одеваться, двигаться, говорить, словом, все, что позволяет быть привлекательными, светскими и обаятельными. Но меня больше всего интересовало, как стать привлекательной. Мне было интересно, как Мишлен учит харизматичности и не в этом ли кроется секрет *ooh la la*.

Мы устроились за столиком, расположенным прямо на улице под навесом. Была среда, одиннадцать часов. Народу в кафе было немного. Асфальт на улице блестел от утреннего дождя, который только что кончился. Прохожие с сумками спешили по своим делам. Мы расположились так, что крохотный столик оказался между нами. Улица была видна как на ладони. Мы с Мишлен заказали эспрессо. Я еще и понять ничего не успела, как наша тренировка началась. Мы стали наблюдать за людьми.

Несколько минут Мишлен молчала, и я решила спросить, какими духами она пользуется.

– «Белый лен» от Эсте Лаудер, – ответила она.

– Американские духи? – поразилась я.

Мишлен пожала плечами и ответила:

– Почему бы и нет?

И действительно, почему бы и нет?

Мы снова стали смотреть на улицу. Мимо нас проходили мужчины и женщины – в основном в одном направлении. Они определенно шли куда-то. Возможно, рядом находится офисный центр? Я заметила в этих людях некую утонченность. Они явно выглядели более элегантно, чем американцы. Я попыталась понять почему. Да, конечно, шарфы играют большую роль. Это не просто цветовой акцент, сочетающийся с ремнем, туфлями или портфелем. Это заключительный штрих. Шарф для женщины – все равно что галстук для мужчины.

Мишлен сказала, что шарф защищает, произнеся это слово по слогам: «за-щи-щает», повторила еще раз и указала рукой на горло. Я поняла, что шарф – это не только защита от холода, но еще и своего рода щит, оберегающий женщину от неизвестных злодеев, придворных интриг и всяческого недоброжелательства.

Шарфы играют большую роль. Это не просто цветовой акцент, сочетающийся с ремнем, туфлями или портфелем. Это заключительный

штрих. Шарф для женщины – все равно что галстук для мужчины.

Да, в тот день мое воображение разыгралось. Со мной такое всегда случается в парижских кафе. А тут еще рядом была Мишлен! Она посоветовала мне обратить внимание на обувь одной женщины.

– Видишь, туфли не новые, но очень красивые! Она ухаживает за ними! А теперь мы оцениваем походку другой женщины.

– У нее прекрасная осанка – осанка все меняет, верно?

Я киваю, обдумываю сказанное и быстро расправляю плечи и поднимаю голову.

– Очень важно быть привлекательной, в первую очередь, для себя, – говорит Мишлен. – Нам нужно стремиться к этой цели в повседневной жизни. И речь идет не только о внешности. Это еще и самооценка, и уверенность, и уважение к себе.

Неожиданно мы обе обращаем внимание еще на одну женщину. На ней фиолетовые леггинсы и потрясающее фиолетово-черное платье с геометрическим орнаментом. А волосы выкрашены рыжей хной.

– Ooh la la! – говорю я, поворачиваясь к Мишлен.

Мишлен достает сигарету из маленького портсигара из синей эмали.

– Нет! – отвечает она.

– Она не француженка? – изумляюсь я.

Мишлен зажигает сигарету, поэтому отвечает не сразу. Она думает.

– Я бросаю курить, – говорит она, ладонью развеивая сигаретный дым. – Я уже дошла до трех сигарет в день. На это нужно время.

Она поворачивается к женщине в фиолетовом.

– Может быть, она и француженка, я не знаю. Вполне возможно, что она француженка. Не в этом смысл. *В конце концов, француженки тоже носят ужасные платья.*

Я недоверчиво смотрю на нее. Неужели она действительно так считает? Если да, то весь мой мир рушится. Я не знаю, что мне делать. Если я не смогу видеть во француженках гуру моды, то что же мне делать?

Мишлен тушит сигарету.

– Женщина должна жить в согласии, – говорит она.

– В согласии с чем? – не понимаю я.

– С самой собой! Со своим представлением о себе. Если она француженка, то и должна быть француженкой. Если ты – американка, будь американкой, но

всегда оставайся самой собой. Пусть твою историю рассказывает стиль.

Мишлен объясняет мне, что француженки совершенно четко осознают, что не могут управлять своим будущим. Все меняется, и единственное, что в наших силах, – позаботиться о настоящем.

– Вы можете ничего не принимать на веру, – говорит она. – Очень важно работать с тем, что у нас есть. Ваше эго и ваше сердце разговаривают друг с другом. И этот разговор никогда не прекращается, и неважно, говорим ли мы о шоколаде или о новом платье.

Я смотрю на Мишлен и понимаю, что не так уж и часто я живу настоящим, и из-за этого у меня столько проблем в жизни. Я перескакиваю на что-то новое и не умею ценить то, что находится прямо передо мной. Отчасти проявлением такого поведения является жизнь в кредит. Француженки не привыкли обращаться с кредитными картами так, как мы. У них есть так называемые Carte Bleu – нечто вроде наших дебетовых карт, за которые банк не взимает процентов.

Мы расплачиваемся. Прежде чем выйти на улицы квартала Марэ, Мишлен бросает на меня понимающий взгляд. Она шагает быстро, искусно огибая прохожих, попадающихся на пути, и показывает мне достопримечательности. Мы идем по улице Франк-Буржуа, рассматриваем витрины магазинов, а потом сворачиваем в исторический еврейский квартал, выходим к центру Помпиду, и вот мы уже возле ресторана Le Hanger. Мы устраиваемся за столиком в уличном кафе. Отсюда нам отлично видны прохожие, а кроме того, нам подают отличный обед – утиная грудка и салат (от сырной тарелки мы решили отказаться), к которому полагается традиционный бокал вина: белого – для меня, красного – для Мишлен. И еще эспрессо и лимонный шербет.

После обеда наступает время покупок! Мишлен проводит меня через внутренний дворик, и мы оказываемся в очень элегантном магазине. Мишлен говорит, что научит меня разбираться в цветах. Цветовая гамма играет важнейшую роль в женском гардеробе – и в облике этой удивительной женщины. Мы останавливаемся перед столом, на котором разложены шарфы. Мишлен берет шарф сливового цвета и прикладывает к моему лицу. Я смотрюсь в зеркало. Кошмар! Цвет полностью лишает меня индивидуальности. Это по-настоящему страшно. Сначала мне кажется, что Мишлен не разбирается в цветах, если ей кажется, что сливовый цвет может пойти блондинке с голубыми глазами и ирландски бледной кожей. Но очень скоро я понимаю, что она задумала.

– Ужасно, верно? – спрашивает она и откладывает кошмарный шарф в сторону. – А теперь выбирай ты.

Я чувствую, что задача непростая. Мне нравится красный цвет. Правда,

правда! Я всегда любила красное – еще с детства. Я даже в школу практически каждый день ходила в красном хлопковом платье – ну или хотя бы столько раз в неделю, сколько мне удавалось. Я носила это красное платье летом – оно было без рукавов и с застежкой впереди, как халат. Зимой оно превращалось в сарафан – я надевала его и на белую блузку, и на белую блузку в мелкий красный горошек, а еще поверх черного свитера. Сочетание красного и черного нравится мне до сих пор. Из книг по фэншуй я узнала, что такое сочетание символизирует удачу и силу. В общем, я носила красный цвет столько, сколько себя помнила. А еще я пользовалась красной губной помадой. Ярко-красной. И мне было неважно, модно это или нет. Я буду пользоваться красной помадой, потому что мне это нравится. К этому меня приучила Бригитта, моя подруга, с которой я познакомилась в Лондоне сразу после окончания колледжа. Она всегда пользовалась красной помадой и была невероятно изысканной и красивой. Бригитта дала мне помаду, купленную в Marks&Spencer, и я так ее и не вернула.

Француженки совершенно четко осознают, что не могут управлять своим будущим. Все меняется, и единственное, что в наших силах, – позаботиться о настоящем.

Хотя, нет, я чуть-чуть лукавлю. Если у меня возникнет кризисная ситуация и я потеряю уверенность в себе, я спрошу у мужа, не стоит ли мне перейти на менее яркий и броский макияж. Я знаю, что он мне ответит, потому что он всегда говорил мне, что я должна сохранить верность красной помаде, так как это делает меня счастливой. И вот, стоя во французском магазине рядом с настоящей француженкой, наблюдающей за тем, как я тянусь за ярко-красным шарфом, я гадаю, что же она скажет. Мишлен стоит за моей спиной и оценивает мои нежные отношения с красным цветом.

Я смотрю в зеркало и вижу себя – женщину, которая старается, но как-то чересчур. Может быть, это связано с красным цветом? Почему меня к нему так тянет? Это же не красная помада, не Бригитта и даже не маленькое красное платье из моего детства. Это что-то еще, но мысль о том, чтобы с этим расстаться, меня тревожит. Посмотрим, что произойдет.

Мишлен поджигает губы, качает головой и роняет:

– Нет!

Нет? Нет красному? Нет красной помаде? Нет той мечте, что воплощает для меня красный цвет? Но прежде чем я успеваю задать

эти вопросы, Мишлен берет голубой шарф, прикладывает его к моей груди, разворачивает меня лицом к зеркалу и улыбается. Да! Должна признаться, я делаю глубокий вдох, потому что мне открывается истина. Голубой – вот мой цвет. Я отлично смотрюсь в голубом. Я выгляжу спокойной, умиротворенной – и уверенной. Да, забыла сказать, это отнюдь не скромный, пастельный голубой цвет. Это цвет настоящей Атлантики. Это цвет семьи моей французской бабушки, которая в XVI веке отплыла из Нормандии в Новый Свет, в Канаду. Это опасный голубой. Смелый голубой. Королевский голубой. Решительный голубой. Авантюрный голубой. *Я уже начинаю думать, что этот голубой – новый красный!*

Мишлен явно очень довольна собой.

Мы бродим по магазину, разыскивая все голубое. Голубые платья, голубые свитера, голубые юбки, голубые брюки. Страшно интересно! Девушки из магазина знают Мишлен и ничего не имеют против того, что мы так долго что-то выбираем. Вот что мне так нравится во французских магазинах и вообще в Европе, так это то, что продавщицы действительно разбираются в одежде. Они не просто работают в магазине, убивая время, пока их не заметит голливудский режиссер. Нет, их работа пользуется всеобщим уважением, и они относятся к ней очень серьезно. Вы можете довериться им в вопросе выбора цвета, ткани и стиля, который подойдет именно вам.

Да, очень часто цвет организует все. И все во Франции *очень* организовано. Одежда в магазине развешана не кое-как, а размещена очень элегантно. И, поскольку я уже серьезно задумывалась о том, чтобы что-нибудь купить, я не могу не замечать маленькие ценники. Одежда здесь такая дорогая! Мишлен выбирает кобальтово-синее платье-свитер с короткими рукавами. Вообще-то это не платье, а нечто такое, что можно надеть поверх черного приталенного топа. Или водолазки. По крайней мере, я так вижу. Платье стоит почти 200 евро. Я не собираюсь его покупать. Мне это сразу же становится ясно. Во-первых, цена. Во-вторых, мне не хочется запихивать его в свой чемодан и таскать по всей Франции.

Я говорю платью «нет». Я – практичная женщина.

Однако, когда появляется ярко-голубое боа из перьев... Да, да, нечто такое, что могла бы надеть танцовщица из Фоли-Бержер... Я становлюсь совсем другим человеком. Я фланирую по магазину в этих перьях. Я фотографирую себя у зеркала в этом боа. Все соглашаются, что выгляжу я просто потрясающе. Мишлен улыбается, но я вижу, что она недовольна. Она бы предпочла, чтобы я купила платье-свитер. Нечто практичное. Ведь она привыкла работать с деловыми людьми. *Но я не деловая женщина,*

так почему я должна быть практичной?

Я покупаю боа из перьев. Потому что я – именно такая. И к тому же оно голубое. Это уже большой прогресс.

Найдите свой фирменный цвет. А если цвет у вас уже есть, то подумайте, не пора ли его сменить. Да, да, очень важно определить, какие цвета вам идут. Но еще важнее понять, какие цвета делают вас самой собой. Никогда не поздно рискнуть и открыть себя заново. Спросите себя, чего вы хотите от жизни? Какова ваша истинная цель? На самом деле в ответах на эти вопросы вы найдете значительно больше того, что сблизит вас с модой, красотой и стилем, чем вам кажется. Француженки убеждены, что красота идет изнутри, а не снаружи. Так почему бы не заглянуть в свое сердце и не открыть свою истинную красоту? Начните видеть в себе героиню собственной жизни.

Возможно, вы еще не понимаете, в чем заключается ваша истинная индивидуальность, но если вы каждый день будете находить время, чтобы насладиться собственной красотой, то понемногу вам откроется ваше истинное «я». И тогда родится ваш уникальный стиль!

Если вы можете себе это позволить и у вас есть место, купите большое трехстворчатое зеркало в полный рост. Это замечательная вещь – вы сможете увидеть себя такой, какой вас видят окружающие. Вы почувствуете, что смотрите на себя совершенно объективно, словно на актрису в кино – на звезду фильма своей жизни. Вы действительно звезда!

Будьте готовы к *changer les idées*. Это французское выражение означает «смену идей», но в нем заложен и более глубокий смысл. Попробуйте «очистить» собственный разум и увидеть новые возможности. Французские женщины делают это каждый день – они ходят на работу новыми дорогами и покупают продукты на новых рынках. А еще они умеют освежать и украшать обычную, повседневную жизнь. И делают они это каждый день, не ожидая какого-то великого дня, когда в вашей жизни произойдет кардинальное изменение – например, вы сделаете пластическую операцию или получите огромное наследство.

Поэтому я призываю вас: будьте готовы понемногу меняться каждый день. Идите на риск. И, наконец, попробуйте добавить немного так необходимого вам голубого цвета (или зеленого, или розового, или желтого, или коричневого, или фиолетового) в свой гардероб!

Глава 3

Искусство заботы о себе

Сегодня я встречаюсь со своей подругой-американкой в знаменитом кафе La Deux Magots на Левом берегу. Здесь всегда очень много туристов, зато из него легко добраться до любого центра французской красоты, косметики и искусства *sa bien reau*, то есть умения чувствовать себя в своей тарелке.

Моя подруга давно живет во Франции и зовут ее Хизер Штиммлер-Холл.

В некотором смысле ее имя многое говорит о ней. В таких двойных фамилиях есть нечто такое, что сразу заставляет вспомнить о девушках из высшего американского общества, прапрапрабабушки которых приплыли на «Мэйфлауэре»^[11]. Девушках, которые учились в школе мисс Портер и в Брин-Мор^[12]. А зовут ее Хизер. Очень современно. Помолодому. Имя совсем не соответствует высокопарной двойной фамилии, но это совершенно неважно. Имя придает ей особый колорит. Делает ее непредсказуемой. Словно в день ее рождения родители вдруг вспомнили про Гринвич-Виллидж, неожиданно решили выступить против семейной традиции и категорически отказались от приличных светских имен, которыми называли кузин малышки. Полли, Пейдж и Пайпер были отвергнуты раз и навсегда. И родители назвали свою новорожденную девочку Хизер.

Впрочем, все это – игра моего воображения. Хизер родилась в Аризоне, но выглядит и ведет себя так, словно выросла в Новой Англии. Она – просто красавица с умопомрачительными скулами и головокружительной фигурой! И меня восхищает в Хизер то, что *она знает, какое впечатление производит на людей, поэтому ведет себя очень достойно и элегантно*. И еще ей свойственна здоровая ирония.

На самом деле в ее элегантности всегда присутствует нотка озорства. Но настолько тонкая, что нужно очень постараться, чтобы ее уловить.

Я впервые увидела Хизер несколько лет назад, когда вышла в свет ее книга «Порочный Париж: Путеводитель для дам по самому сексуальному городу». Нас познакомил Этан Гилсдорф, автор книги «Фрики фантазий

и заигравшиеся чудаки». Мы обе присутствовали на конференции в Бостоне. Да, я знаю, французские женщины и обитатели виртуальной реальности – очень странное сочетание.

Этан сказал, что я просто обязана познакомиться с его подругой Хизер. И я познакомилась. Сначала мы встретились в Нью-Йорке, потом в Париже. Хизер проводит экскурсии для групп, индивидуальных туристов, только для женщин – и для всех остальных. Ей принадлежит экскурсионное бюро «Секреты Парижа». Я уже говорила, что она высокая, стройная и очень стильная женщина? Да, она именно такая.

Я еду из 17-го округа, где навещала свою подругу Нэнси. Погода пасмурная, и того и гляди пойдет дождь, поэтому я решила добираться на метро. Когда я вышла на станции «Мабийон» близ Сен-Жермен-де-Пре, тучи стали совсем черными и дождь все-таки полил. Я никогда не видела ничего подобного. Настоящий ливень – и так неожиданно. Я не могла не подумать, что это – очень французский дождь. Страстный, сильный и загадочный. По бульвару Сен-Жермен текла цветная река из зонтов. Удивительно, но зонты в Париже гораздо ярче, чем в Нью-Йорке. Я почти не видела обычных черных зонтов. Мне сразу стало понятно, почему моя учительница французского Марселина настаивала на том, что зонты должны быть яркими – они поднимают настроение в мрачные, дождливые дни.

Наступает такой возраст, когда женщина, чтобы ее любили, должна быть красивой. А потом приходит время, когда она должна быть любимой, чтобы оставаться красивой.

Франсуаза Саган

К сожалению, у меня вообще нет зонта – ни яркого, ни простого. И поэтому я останавливаюсь на пяточке у лестницы в метро, надеясь на то, что дождь скоро перестанет идти. Рядом со мной стоят парижане и туристы. Каждый раз, когда кто-то входит в метро, мы теснимся и прижимаемся друг к другу. Впрочем, французы относятся к этому легко – кажется, что неожиданная смена погоды им даже нравится.

Но я, конечно же, волнуюсь. Мне не хочется опаздывать на встречу. Впрочем, рядом с этими счастливыми людьми я тоже успокаиваюсь. В небе сверкают молнии, неожиданно раздается раскат грома. И знаете, что делают мужчина и женщина, стоящие рядом со мной? Они начинают хохотать! *C'est la vie!*^[13] Силы природы приводят их в восторг. Они радуются тому, что погода решительно вмешивается в наши так

называемые важные планы. Я расслабляюсь и спокойно жду. И вдруг гроза проходит. Я перехожу бульвар и вижу, что Хизер уже ожидает меня под навесом перед кафе.

На ней классический, но просто шикарный костюм. Твидовая юбка, черный кашемировый свитер и классический плащ. И маленькая шляпка. Она-то не забыла взять зонтик. «Практичная девушка», – думаю я и тут замечаю зашнурованные ботинки. Я понимаю, что о своем озорстве эта девушка не забывает ни на минуту.

Мы проходим мимо небольших уличных столиков, входим внутрь и заказываем два *chocolat chauds*. Да, это горячий шоколад, но совсем не такой, как дома. В нем меньше молока и больше шоколада. И подают его в серебряном кофейнике с красивыми фарфоровыми чашечками на блюдцах. Хизер говорит, что сначала мы зайдем к ее косметологу, Веронике. Мы допиваем шоколад и выходим на улицу. Снова пошел дождь, и мне приходится буквально прижиматься к Хизер, чтобы поместиться под ее зонтиком. Мы переходим бульвар, проходим несколько переулков и оказываемся у дома номер 3 по улице Бюси в шестом округе. Поскольку это Латинский квартал, старинный Латинский квартал, нам приходится пробираться по мощенным булыжником улицам, старательно обходя лужи.

И вот мы здесь – в Институте косметологии Бюси. Мы звоним в звонок, поднимаемся на две ступеньки, проходим через дворик, где я могу заглянуть в витрины, и, наконец, оказываемся в офисе – вернее, в салоне. Но этот салон совершенно не похож на наши американские. Мне кажется, что я оказалась у кого-то дома. Моя подруга Нэнси живет в Париже с 80-х годов. Она замужем за французом. Она рассказала мне, что традиционно магазины, офисы и ателье располагаются в собственных домах. Ее муж – врач, и его кабинет находится непосредственно в их доме.

Нэнси считает, что это создает более интимную атмосферу. И поэтому французские женщины привыкли к тому, что внимание уделяется им лично. Это касается всех сторон их жизни, будь то посещение врача или косметолога, выбор платья или туфель, планирование ужинов и даже поход на рынок за сыром. Для французов все это – взаимодействия, отношения между людьми. Вот почему считается очень грубым не поздороваться при входе в магазин. И немного не поболтать. Если вы молча войдете и начнете показывать пальцем на то, что вы хотите купить, это будет воспринято, как будто вы, не говоря ни слова, вошли в соседский дом и начали готовить себе чай на чужой кухне. Думаю, в этом мы больше всего отличаемся от французов.

Американцы привыкли к независимости и самообслуживанию. Французы же ценят внимание и общение. Сервис – это все!

Увидев Веронику, я совсем не удивилась тому, что она посвятила нам с Хизер столько времени и с увлечением рассказывала о своей работе. На Веронике изящный розовый халатик. Она проводит нас в свой кабинет и предлагает выпить *Peggie*. Она не похожа на невероятно худых французских женщин – я бы назвала ее пухленькой. Чуть-чуть. У нее светлые волосы и стильная короткая стрижка.

Вероника – хозяйка Института косметологии Бюси. Вот уже двадцать лет она здесь работает. За это время ее первые клиентки выросли, вышли замуж и завели детей. А теперь к ней приходят их дочери.

– Я для них ближе, чем парикмахер, – говорит Вероника. – Вы понимаете, восковая эпиляция – дело сугубо личное.

Хизер поясняет, что француженки не бреются. Это слишком грубо. Воск – это именно то, что нужно. Когда я спрашиваю у Вероники, занимается ли она интимной эпиляцией, она отвечает, что бразильский воск всегда пользуется популярностью, но и *Jardin à la Française* – французский воск – тоже востребован. При такой процедуре остается маленький треугольничек – и все. Во Франции для удаления нежелательных волос используют розовый воск, напоминающий жевательную резинку. Он совершенно не похож на наш зеленый воск, и мне говорили, что процедура менее болезненна. Я спрашиваю у Вероники о других спа-процедурах, маникюре и педикюре, но она отвечает, что француженки предпочитают массаж и уход за лицом.

Большинство француженок ухаживает за ногтями самостоятельно или совсем не пользуется лаком.

Затем мне рассказывают о лимфодренажном массаже. Эта процедура очень популярна во Франции. Она даже была придумана французом еще в 30-е годы на Ривьере. Считается, что она способствует циркуляции лимфы по телу. Общаясь с французскими женщинами, я постоянно слышала о том, что им хочется расслабиться и от чего-то избавиться. Некоторые француженки говорили, что ходят к психотерапевтам, чтобы избавиться от травм прошлого. Другие увлекались «очищением ауры». А теперь мне рассказывают о циркуляции лимфы. Хотя я не уверена, что точно понимаю смысл, но мне инстинктивно понятно, что подобное освобождение – это часть тайны французской женщины, которая всегда умеет сохранять ощущение равновесия. Даже если такой массаж не создает

ощущения ooh la la, но уж наверняка открывает к нему дверь.

Француженки не делают пластику. Они стареют естественно, но делают все, чтобы оставаться красивыми. Пусть не молодыми, но красивыми.

Когда я спрашиваю о пластической хирургии, Вероника неодобрительно качает головой. Хизер шепчет мне на ухо: «Француженки не делают пластику». Они взрослеют естественно, но делают все, чтобы чувствовать себя красивыми. Не молодыми, но красивыми.

– Ведь так лучше, правда? Более естественно? – поясняет Вероника.

Вероника замечает, что ее всегда интересовали красота и уход за кожей. В детстве она брала кукол, смывала всю краску с их лиц и начинала экспериментировать с маминой косметикой. Ее совет, касающийся макияжа, очень прост: «Что бы вы ни делали, ни в коем случае не перегибайте палку». Говоря об уходе за кожей, Вероника рассказывает, что, несмотря на обилие лосьонов, тональных кремов и заполнителей, французские женщины их не очень любят. Даже в уходе за кожей для француженок главное – наслаждение и приятные ощущения. Поэтому они предпочитают массажи, кремы и лосьоны. Как и многие косметологи, в своем салоне Вероника продает собственные средства по уходу за кожей.

Я спрашиваю, замечает ли она какую-то разницу между макияжем француженок и американок. Вероника отвечает:

– Американские женщины хотят красиво смотреться со стороны. Француженки хотят быть красивыми с близкого расстояния. Для них важно, чтобы к ним хотели прикоснуться.

Это кажется мне очевидным, но, вспомнив наших знаменитостей, прибегнувших к ухищрениям пластической хирургии, я не могу не подумать о том, что они хороши со стороны, на тщательно обработанных журнальных фотографиях, но вблизи производят впечатление застывших, ледяных красавиц, к которым не хочется прикасаться. И еще наше любимое выражение – «дело сделано». Французы всегда заменяют «дело» чем-то приятным. Вот почему сезонные посещения спа для них так важны.

Вероника какое-то время молчит. Она сидит, скрестив ноги, но вдруг наклоняется ко мне и, понижая голос, говорит:

– *Француженки хотят быть красивыми для своих мужей, – шепчет она. – Мы хотим их удержать.*

Хизер согласно кивает.

Я удивлена. Разве американские женщины этого не хотят? Но потом я понимаю, что американки, заполучив своих мужей, уже не думают о том, чтобы их удержать. А ведь мы должны! Может быть, француженки знают что-то о человеческой природе – или, правильнее, о природе мужчин – такое, чего мы не знаем или предпочитаем не знать?

Я замечаю, что Вероника мельком посматривает на мое кольцо. Она ловит мой взгляд и говорит:

– Выйдя замуж, нельзя расслабляться. Напротив, нужно прикладывать еще больше усилий.

Я киваю, торжественно признавая мудрость этих слов.

Ведь муж мой сейчас в Австралии, на другом конце света. И слушая рассказ Вероники о любви, чувственности, об уходе за телом и кожей во имя сохранения любви, я чувствую томление во всем теле.

* * *

Но мы не можем сидеть здесь бесконечно. У нас с Хизер назначена очередная встреча. Мы отправляемся в «Травницу Гиппократ», в дом 42 по улице Сент-Андре-дез-Артс. Это недалеко. Дождь уже кончился, и мы пробираемся по узким переулкам без зонта. Я надела маленькие балетки без каблучков и то и дело поскальзываюсь на мокрой брусчатке. Поэтому я иду очень осторожно, с трудом поспевая за длинноногой, энергичной Хизер.

– Тебе здесь понравится, – говорит она мне, открывая тяжелую деревянную дверь.

Звякает маленький колокольчик, закрепленный на двери. Помещение обставлено явно в духе Гарри Поттера. В комнате темно, у стен стоят шкафы темного дерева. На полках – сотни, может быть, тысячи маленьких темных бутылочек. Только через несколько секунд мои глаза привыкают к свету – или скорее к его отсутствию. На задней стене я вижу бархатную штору, и она медленно отодвигается. Выходит пожилая женщина и торжественно приветствует нас:

– Bonjour!

Мы с Хизер обмениваемся с ней приветствиями, а потом Хизер рассказывает ей о проблемах с желудком – ей нужно что-то очистительное. Я не совсем уверена, что она имеет в виду, Хизер быстро говорит по-французски, и я теряю нить разговора. Впрочем, это неважно, потому что я могу целиком погрузиться в свои мечты и фантазии. Эта комната, эти бутылочки с красивыми французскими названиями – мне начинает

казаться, что я попала в дом доброй волшебницы. На каждой бутылочке аккуратная белая этикетка с названием и предназначением состава. Взгляд мой останавливается на бутылочке с надписью «*Tonique Sexuel*».

Может быть, это только я такая, но стоит мне увидеть слово «сексуальный», как во мне сразу же пробуждается интерес. А когда оно написано или произнесено по-французски, то становится интересно вдвойне! Хизер и пожилая дама поворачиваются ко мне, чтобы узнать, не хочу ли я что-то купить. Конечно, хочу! Я хочу этот самый *Tonique Sexuel* – за его бутылочку, за этикетку, за саму идею, за мысль о том, что я вернусь домой с маленькой темной бутылочкой любовного эликсира № 9, *a la francaise*!

Но тут мадам говорит:

– *Bien sur!*^[14]

Я и опомниться не успеваю, как она скрывается в задней комнате, а мы с Хизер из-за бархатной шторы подглядываем, как мадам изготавливает *Tonique Sexuel* для меня: она берет бутылочку за бутылочкой и тщательно смешивает компоненты. Вернувшись, она позволяет мне посмотреть, прежде чем закрыть бутылочку крышкой. По виду жидкость напоминает яблочный сок. Она и пахнет, как яблочный сок, только слегка забродивший. Похоже, это можно даже выпить. Вау! Мое воображение взмывает в воздух, делает сексуальный пируэт и приземляется на розовые пуанты прямо перед кассой. За удовольствие приходится заплатить тридцать евро, то есть около сорока пяти долларов.

Я плачú за счастье. Я чувствую себя Гарри Поттером, только что вошедшим в Тайную Комнату. Только представьте: всего за сорок пять долларов можно почувствовать себя страстной и сексуальной, а либидо изменится раз и навсегда. Ooh la la!

Должна вам честно признаться. Я знаю, что никогда не попробую даже две капли этой волшебной микстуры, потому что, честно говоря, боюсь, что, как тот человек из песни *Love Potion № 9*^[15], начну бегать по Парижу, целуя всех, кто попадется мне на пути! Но бутылочка мне нравится, этикетка тоже. Да и само посещение этой лавочки нравится мне просто безумно!

Мы с Хизер доходим до станции метро «Конкорд», расположенной на Правом берегу, а оттуда идем по улице Риволи в магазин. Я плохо помню этот поход. Мы заходим в обувной магазин, и Хизер примеряет пару ботинок на шнуровке и высокой платформе. Ботинки итальянские, сделаны из роскошной кожи и стоят целое состояние. Хизер не может себе

их позволить, я тоже. Но я понимаю, что должна купить их для нее. Я должна сделать глоток *Tonique Sexuel* и купить эти ботинки. И, пока запал не пропал, нужно купить пару для себя и отправиться дальше вдоль Сены, махая проплывающим мимо туристическим корабликам и напевая *La Vie en Rose*^[16]. Представляете, какой сильной я себя чувствую!

У француженок есть выражение «*prendre soin de soi*», которое означает «заботиться о себе». То есть заботиться о своем теле, регулярно ходить на массаж и другие процедуры, после которых чувствуешь себя прекрасной. Французские женщины верят в то, что нужно беречь то, чем одарил их Бог. Поэтому вы никогда не встретите француженку, которая позволила бы пустить все на самотек. На французском телевидении нет шоу, в которых женщины менялись бы на глазах усилиями гримеров, парикмахеров и стилистов – французские женщины сами делают это каждый день.

Посмотрите со стороны на то, как вы ухаживаете за собой. Подумайте, в чем разница между тем, что помогает вам прекрасно выглядеть, и тем, что помогает прекрасно себя чувствовать. Может быть, хороший массаж и скраб с солью не так ярки и заметны, как новый лак для ногтей, но они дарят ощущения, пронизывающие все ваше тело. И когда вы почувствуете истинную связь с собственным телом, то сразу же станете более чувственной женщиной.

У француженок очень индивидуальный подход к процедурам, касающимся их красоты: одни сбрызгивают лицо водой *Evian*, другие питают приверженность к определенным кремам для лица или скрабам. Но все француженки постоянно ухаживают за собой. Они стремятся не к тому, чтобы казаться красивыми (хотя это становится неизбежным результатом). Они хотят чувствовать себя прекрасно. Хотят, чтобы к ним хотелось прикасаться. И это способствует их любовной жизни. И тогда совсем необязательно будет отправляться к травнице за *Tonique Sexuel*. Вы и без того почувствуете себя невероятно сексуальной!

Глава 4

Чувственная женщина

Солнце снова скрылось, и я опять стою возле станции метро на улице Монж. Сегодня я встречаюсь с Патрицией Желлентер, у которой у меня запланирован сеанс особого индийского массажа. Она – дочь моего друга, Терренса Желлентера. Терренс уже много лет живет в Париже, и именно он посоветовал мне поговорить с Патрицией о француженках, уходе за собой, о красоте, потому что она – настоящий кладезь информации. И я с радостью согласилась.

Патриция не француженка. Она приехала в Париж из Испании и уже давно живет здесь. Она отлично знает французов и рада поделиться со мной своими знаниями.

Вся эта встреча вылилась в целое приключение. Может быть, даже в драму. Сначала мы несколько раз обменялись электронными письмами. Согласовав время и дату, мы начали договариваться, где именно нам встретиться. Но, в конце концов, все решилось. Метро «Монж». Десять тридцать. Я вышла из метро вовремя. Патриции нигде не было видно. Я стала ждать, наблюдая за людьми. Прошло пятнадцать минут, и вот она идет. Патриция – очень красивая молодая женщина. Ей чуть-чуть за тридцать, но, возможно, еще и нет тридцати. У нее длинные темные волосы, которые она, как и многие француженки, собирает в изящный пучок. Такая прическа всегда выглядит элегантно и шикарно. К тому же создается ощущение, что достаточно вытащить одну шпильку, и блестящие локоны рассыплются по плечам. *Très romantique!*^[17]

Пока мы идем по улице, Патриция рассказывает мне о том, что вызывает у меня интерес и даже кажется слегка забавным.

– Посмотри, – она указывает мне на свою сумочку. – Я всегда ношу сумку именно так, на локте, словно маленькую корзинку. Это очень женственно. И все видят, какая красивая у меня сумочка.

К сожалению, у меня нет сумочек, которые можно носить на локте. Мои сумки всегда висят на плече прямо на груди – я опасаясь воров в метро. И все же должна признаться, что в такой манере носить сумочку что-то есть. Это действительно очень женственно и очень сексуально –

словно отправляешься с корзинкой на рынок.

Я знаю, что оставаться элегантной и одновременно быть внимательной и осторожной очень нелегко. Я помню, как муж моей подруги, Жан-Пьер, взял у Беатрис сумочку и повесил ее на плечо, когда мы гуляли по не самому лучшему району города. Интересно заметить, что американские мужчины ни за что в жизни не возьмут в руки дамскую сумочку.

Однако у меня нет времени думать об этом. Мы уже пришли во французский «спортзал». Очень весело! Я так привыкла к американским залам – огромным ангарах, заполненным сотнями тренажеров, установленных перед телевизорами. У нас вечно стоит шум от беговых дорожек и эллипсов, топота кроссовок, скрипа велотренажеров. В американском зале возникает ощущение, что ты попал в другую вселенную, где сила и пот – это наше все, и тот, кто потеет сильнее всех и дышит чаще всех, и есть победитель.

Французский зал показался мне пустым. Ну, не совсем пустым. В нем был один мужчина – очень красивый, очень стройный француз во всем черном. Он стоял за черным полированным столом и выглядел слегка раздраженным. В зале имелось несколько тренажеров.

В центре зала стояло десять-одиннадцать потрепанных велотренажеров – и все. Интересно, что тренажеры стояли лицом друг к другу, образуя идеальный маленький круг. Я обратила внимание на интересное освещение. Оно сразу же создавало настроение. А стекла зеркальные – ощущение такое, что смотришь в дымчатые зеркала. И еще тихо играет джаз. Мне показалось, что мы пришли в стильный ресторан и сейчас будем заказывать аперитив, а не заниматься гимнастикой и аэробикой.

Только в этом ресторане нет людей. Патриция объясняет, что зал только что открылся, а концепция зала с тренажерами французам внове.

– *Танцы – это другое дело, –* говорит она. *– Это артистично, интеллектуально... А вот потеть вместе с другими французы не любят.*

Это меня страшно удивляет. Мне всегда казалось, что люди ходят в спортзалы, чтобы заниматься вместе с теми, кто делает то же самое. Но именно поэтому лично я и не люблю ходить в спортзал. Взгромоздишься на какой-нибудь тренажер, начнешь пыхтеть, сопеть и потеть, а рядом с тобой тем же самым занимается еще кто-то. Для меня это слишком интимно – и слишком близко. Думаю, я во многом похожа на француженку. Я не люблю потеть. А уж если и потею, то делаю это в приватной обстановке. Или с кем-то одним. В спальне. С собственным

мужем.

Французские женщины не доверяют упражнениям, выполняя которые требуется все время потеть, упражнениям, вызывающим гримасу недовольства на лице. Вы когда-нибудь видели, как люди бегают? Я знаю, это полезно... Но посмотрите на их лица. Они ужасны! И это – не для французских женщин. Они тоже занимаются спортом, но каким-нибудь приятным и жизнеутверждающим, не заставляющим страдать.

Однако Патриция говорит мне, что спортивные залы начинают все же появляться во Франции – преимущественно в Париже. Впрочем, Франция все равно еще очень далека от того спортивного бума, какой мы переживаем в Америке. Я убеждена, что наши залы очень маскулинны. Это своеобразная этика. Наши залы – места утилитарные, грубые и шумные. Мужчины и женщины занимаются вместе. Очень нелегко найти такой укромный уголок, где у тебя над ухом не будет пыхтеть какой-нибудь толстяк.

Французские мужчины и женщины не тренируются вместе. И французские мужчины не качаются – мужчина, встретивший нас в зале, тому доказательство. Никто не заморачивается насчет мышц.

Мы с Патрицией спускаемся в раздевалку. Мне снова приходится приспособливаться к приглушенному освещению. Патриция проводит меня в комнату с массажным столом. Играет спокойная музыка. Патриция зажигает несколько благовонных свечей, просит меня раздеться, лечь на стол и накрыться простыней. Интересно, что здесь нет специальной раздевалки, шкафчика для сумочек и халатов. Все очень откровенно. Снимай одежду и ложись под простыню. Я слышала от моих французских подруг, что у врачей все происходит точно так же. Раздеваешься прямо на глазах у доктора. Предполагается, что ты не должна смущаться или бояться чего-то непредвиденного в общении с профессионалом.

И действительно, рядом с Патрицией мне очень спокойно. Ее голос и поведение помогают мне расслабиться. Я ложусь на стол. Она спрашивает, нет ли у меня каких-нибудь медицинских проблем, о которых ей нужно знать. Я отвечаю, что со мной все в порядке, я просто устала и чуть-чуть простыла – уж очень много пришлось бегать в последнее время. Патриция слушает очень внимательно, кивает и улыбается. Она рекомендует мне принимать куркуму, которая полезна для костей. Я запоминаю и закрываю глаза. Я знаю, что массаж будет замечательный, но мне этого не хватит. Сейчас я бы с удовольствием целую неделю провела в спа. Я так устала.

Патриция начинает с головы и делает мне массаж глубоких тканей...

К сожалению, я только что вымыла волосы и уложила их феном, но c'est la vie^[18].

Массажное масло пахнет очень приятно. Я спрашиваю у Патриции, что это за масло, и она шепотом отвечает:

– Миндаль и жасмин.

Патриция довольно долго массирует мне голову, потом переходит к спине, плечам, рукам, ногам – и животу! Да, она массирует, разминает и поглаживает мой живот! Должна признаться, это заставляет меня нервничать. Мне никогда не массировали живот. Но, в конце концов, я же во Франции!

После массажа я чувствую себя прекрасно. От меня так приятно пахнет, но кожа все еще чуть липкая. Душа здесь нет. Патриция говорит, что смывать эти замечательные масла с кожи просто преступление. Я смотрю в зеркало – боже мой, мои тщательно распрямленные волосы выглядят просто чудовищно! Я похожа на львицу с гладкими рыжеватыми волосами, вставшими дыбом. Я изо всех сил стараюсь хоть как-то их уложить, но Патриция замечает, что ей нравится и что я всегда должна носить такую прическу.

– Это – настоящая ты, – говорит она.

Я не уверена, честна ли она или просто смеется надо мной. Но потом я подумала, что она права. Может быть, мне и правда стоит изменить прическу? Может быть, пришло время отказаться от фена и позволить волосам жить своей жизнью. Ведь укладывать волосы, распрямлять эти непокорные кудри так утомительно...

И вот мы снова на улице. Мы направляемся на остров Сен-Луиз и устраиваемся в кафе с видом на Сену. Мы заказываем чай. Ну не совсем... Патриция пьет травяной чай, а я – кофе с молоком, потому что все еще никак не могу отказаться от молока, хотя это сделала уже вся планета. Я спрашиваю Патрицию, почему в зале никого нет. Она отвечает, что французы предпочитают заниматься гимнастикой:

– Это так грациозно и женственно. Французские женщины умеют ухаживать за собой. Они не стремятся к совершенству и не переживают из-за этого. Американки слишком озабочены. Они слишком много внимания уделяют спорту. И бегают слишком много.

Я спрашиваю у Патриции, в чем секрет красоты, и она говорит, что самое главное – перестать стремиться к совершенству.

– Заботься о себе. Подбери себе подходящие цвета. Не переедай. Развивайся. Одевайся для себя, а не для других.

Советы Патриции очень приземленные. Она говорит, что каждое утро пьет горячую воду с лимоном. Она делает маски из яичных белков, меда и йогурта. Она массирует лицо с розовой водой и кладет ледяные кубики под глаза, чтобы они не отекали.

На вопрос, как ей удастся оставаться такой стройной, Патриция сказала, что ест понемногу, всегда покупает свежие продукты и никогда не перекусывает между трапезами. А упражнения? Патриция ходит. А как сбросить вес? Патриция считает, что главное в этом деле – регулярный массаж. Неудивительно, ведь она – массажистка. Но потом она добавляет, что француженки регулярно ходят в хаммам (баню в североафриканском стиле). Это не очень дорого и очень приятно. А кто-то ездит на воды за город. Большой популярностью пользуются Нормандия и Эвиан, но на побережье Франции есть множество других замечательных маленьких курортных городков. Морская вода обладает целительными свойствами, поэтому мужчины и женщины отправляются на море на несколько дней, делают обертывания водорослями, принимают грязевые ванны и наслаждаются водой. Все это называется «талассотерапия». Моя подруга Нэнси уверяет, что все француженки, родив ребенка, сразу же начинают этим заниматься. Многие проходят курс три-четыре раза в год. Талассотерапия отлично расслабляет, не требует упражнений, но отлично выводит токсины и снимает стресс. Дамы целыми днями разгуливают в халатах, плавают, принимают массаж и просто расслабляются! О, это именно то, что мне нужно!

Я даю себе обещание проверить целительную силу этих процедур на себе. Я сто лет не занималась грязелечением, меня никогда не обертывали водорослями и не погружали в горячий источник с магниевой-кальциевой минеральной водой. Патриция продолжает рассказывать, а я унеслась мыслями в Нью-Мексико, где мы купались в Охо-Калиенте. Тогда еще это место не превратили в спа-центр. Вокруг источников стояли маленькие домики, где и селились приехавшие отдохнуть. Все было очень просто, но очень чувственно. Летом 2002 года я отправилась в колонию художников в Таос, а мой муж, который в то время еще не был моим мужем, остался в Нью-Йорке. Мы тогда еще не пользовались Интернетом, и каждый день я бегала к почтовому ящику за письмом, написанным им от руки. Письма эти были весьма и весьма романтическими – до сих пор их помню. Погрузившись в воспоминания, я как-то отключилась...

– ...и конечно же, секс очень полезен.

– Полезен для чего? – спрашиваю я.

– Для красоты. Для здоровья. В этом и заключается секрет француженок. Вот почему они такие стройные!

Так вот, оказывается, в чем секрет! Я торжественно киваю и даю клятву, вернувшись домой, уделять больше внимания мужу.

Ходите на массаж. Даже если вы будете делать это лишь в день рождения, вы непременно почувствуете разницу. Француженки часто делают массаж, готовясь к новому сезону. А если вы не можете себе это позволить, запишитесь на курсы партнерского массажа, чтобы иметь возможность делать массаж партнеру и расслабляться под его руками.

Постарайтесь понять свою сущность. Может быть, все дело в ваших непокорных волосах, очаровательной улыбке или громком смехе. Будьте самой собой.

И, наконец, если вам не нравится ходить в спортзал, не ходите. Найдите что-то такое, что помогает вам чувствовать себя прекрасной и счастливой, и занимайтесь этим. Попробуйте заниматься танцами (я обожаю танцевать). Знаете, есть танцевальные группы для женщин любого возраста. Честное слово! Старайтесь больше ходить. Поменьше ешьте. Займитесь йогой. И наслаждайтесь своим собственным телом.

И вот еще что: носите сумочку на локте, словно вы – дама, возвращающаяся с рынка с самыми свежими, самыми восхитительными, самыми неземными персиками. А если сумка слишком тяжела, попробуйте позволить своему мужчине помочь вам!

Глава 5

Принцип наслаждения

Представьте себе. Я – начинающий писатель, у которого недавно вышла первая книга. Меня пригласили на вечеринку по случаю завершения недельного семинара другой писательницы, гораздо более знаменитой. И вот я вижу ее: она в центре внимания, окружена многочисленными поклонниками. На меня, естественно, не обращает никакого внимания. С какой стати ей проявлять ко мне особый интерес и дружелюбие? В конце концов, я – всего лишь гостя одной из ее поклонниц.

И вот я выхожу на балкон. Стоит прекрасная парижская ночь. Моя подруга – поклонница этой знаменитой писательницы – знакомит меня с ее бывшей ученицей, которая спокойно сидит, держа на руках четырехмесячную малышку. Взглянув на меня, она неожиданно восклицает:

– О, мне так нравится ваша книга! Она чудесная! Не могу поверить, что вы сейчас рядом со мной!

Подобные случаи со мной происходят редко. Неудивительно, что, услышав слова этой молодой женщины, я вся обратилась в слух. Нет, она хвалит не меня, а мою книгу. И мне кажется, что ее давным-давно написал кто-то другой, например, моя двоюродная сестра, которая живет в другой стране.

Эта женщина – ей где-то около тридцати – американка. Ее зовут Сильвия. Она живет во Франции уже несколько лет. И она хочет помочь мне! Она знакомит меня со своим мужем, который присел рядом и уже успел взять у нее малышку. А Сильвия начинает рассказывать мне, как ей нравится Париж, и рынки со свежими продуктами, и парки, и архитектура, и белье! Она так очаровательна – стройная девушка с длинными темными волосами. Она спрашивает, где я остановилась в Париже. Я отвечаю, что сейчас живу у подруги в Ванве, но через несколько дней собираюсь вернуться в Париж. И она приглашает меня поселиться в ее доме в очень престижном 17-м округе.

Да уж, округ действительно престижный! Через неделю я тащу свой чемодан к кованым железным воротам дома с видом на Эйфелеву башню. Дом – одно из роскошных творений барона Османа: впечатляющий фасад

и шикарный вестибюль с красными коврами. Я звоню консьержке, которая сидит в маленькой комнатке у самого входа. Консьержка провожает меня к лифту – маленькая кабинка, украшенная золотыми листочками. Нелегко разместиться здесь с чемоданом.

Я понимаю, что во Франции просто невозможно быть толстой – иначе не поместишься во французском лифте, не усядешься на маленьком диванчике в метро и не втиснешься в крохотную ванную комнату. А уж про узкие винтовые лестницы и говорить нечего!

В общем, я поднимаюсь на четвертый этаж, который на самом деле пятый, но это уже другая история.

Сильвия встречает меня у дверей. Она держит ребенка на руках в белом льняном слинге. Она выглядит немного сонной, как и положено женщине, которая еще не привыкла к заботам материнства. Я убеждена, что глубокое спокойствие молодых матерей связано с тем, что они постоянно сидят, кормят детей грудью, прислушиваются к младенческому воркованию и смотрят в окно. Босая Сильвия велит мне снять обувь, я подчиняюсь, и она ведет меня в гостиную.

Окна!

Много окон!

Скругленные!

От пола до потолка!

С видом на Эйфелеву башню, окруженную роскошными белыми облаками! Мне кажется, что меня поместили в объемную открытку с видом залитого солнцем Парижа. Это настоящее 3D! Такое ощущение, что башня всего в нескольких дюймах от меня. Я могу выглянуть из окна и коснуться стальной паутины, притянуть ее к себе, перевести дух и обнять – по-американски, по-дружески. Если бы она могла говорить, я сказала бы ей: «Спасибо за статую Свободы!»

Хорошо, что Сильвия действительно немного сонная. Она вроде бы даже и не заметила моего потрясения. Ах да, она же молодая мать... Я помню это время, но это было уже так давно... А недавно моя дочь вышла замуж за отличного парня. Вскоре цикл повторится, и я стану бабушкой. Но пока что я просто *a femme d'un certain age* – женщина определенного возраста, которая путешествует по Франции, а мой второй муж добывает кораллы на пляжах западной Австралии. Вы можете подумать, что мне уже порядком надоело вечно колесить по Франции. Но это не так. Мне всегда мало. Я завидую американке Сильвии, которая живет здесь и на собственном опыте понимает, что это такое – родить

ребенка в стране, в которой дети так воспитаны, что не плюются едой^[19].

Лучший макияж для женщины – это страсть.

Ив Сен-Лоран

Пожалуй, моя дочка кидалась едой, но я давным-давно об этом забыла. В конце концов, ей уже двадцать семь.

Как бы то ни было, сейчас я в Париже, и Сильвия рассказывает мне о своей жизни во Франции. Больше всего меня интересует, как ей удастся сохранять отношение *ooh la la* после рождения ребенка. Да, я забыла сказать, что ее старшему сыну уже три года, так что Сильвия – очень занятая женщина. И в этом ее очарование – несмотря на то, что она только что родила второго ребенка, Сильвия в прекрасной форме. Она медитирует и занимается йогой. Она пишет мемуары. Кроме этого,

она только что записалась на курс процедур, которые французы называют физиотерапией – или вагинальным возрождением. Большинство молодых матерей во Франции прибегает к этой процедуре, и она оплачивается французским правительством.

Мы стоим на кухне. Сильвия готовит чай и рассказывает мне о том, что ее так интересует.

– Мне всегда хотелось почувствовать себя по-настоящему француженкой, поэтому я и записалась на эту французскую процедуру. Это важно.

– И ты уже знаешь дату? – спрашиваю я, беря у нее чашку и усаживаясь за стол.

– Конечно, – отвечает она, предлагая мне печенье, но тут же выходит из кухни, потому что ее ребенок только что проснулся.

Вернувшись, она говорит, что может отправить мне свой рассказ об этой процедуре по электронной почте, чтобы я могла его использовать, поскольку этот опыт неразрывно связан с *ooh la la*.

Я с радостью соглашаюсь. И разговор переходит к другим темам. Она рассказывает мне о своей книге, о путешествиях по миру. Она много ездила, прежде чем выйти замуж и осесть в Париже. Мне очень хорошо с ней. А уж как приятен вид, открывающийся из этого окна, можно и не говорить!

Через несколько недель я получила от Сильвии письмо с описанием послеродовых процедур. К этому времени я уже исколесила всю Францию, беседуя о стиле жизни *ooh la la* с разными женщинами. И все же письмо Сильвии произвело на меня необыкновенное впечатление. Настолько

необыкновенное, что я спросила у Сильвии разрешения привести его в книгу целиком. И она разрешила.

Вот что она мне написала:

«Итак, я приехала к врачу. В приемной сидело много женщин. Всех возрастов. Молодых и старых. Молодых матерей и бабушек. Здесь всегда многолюдно. На стенах висели прекрасные картины с изображениями женского тела. Я почувствовала себя в приемной старого доктора 60-х годов, которую он делит с психотерапевтом, поклонником Фрейда. Каждый сеанс длился около двадцати минут. Курс состоит из десяти сеансов.

Когда я пришла сюда в первый раз, то меня поразило, насколько все интимно. Симпатичная женщина-врач укладывает тебя на стол, вводит в тебя пальцы и просит сжимать тазовые мышцы. Упражнения Кегеля. Но не простые упражнения, а очень интересные. Сначала напрягаешь мышцы изо всех сил, потом слегка расслабляешься и снова напрягаешься. Потом те же упражнения в положении стоя с поднятой ногой. Потом во время ходьбы на месте. Потом лежа, потом во время приседания. И пальцы этой замечательной женщины все время внутри тебя. Она нажимает на особые точки и работает с мышцами. Это абсолютно невероятно!

Через десять минут достаешь «электрический дилдо» – это устройство можно купить в аптеке по рецепту врача! Его включают и вводят внутрь. Начинаешь выполнять упражнения Кегеля с этой пульсирующей штуковиной внутри. На мониторе можно наблюдать за результатами и соответственно корректировать происходящее.

Врачи говорят, что эта терапия направлена на предотвращение «недержания мочи» – такое случается после беременности и с возрастом. Честно говоря, у меня такой проблемы не было. Уверена, что и у большинства пациенток тоже. Эта процедура направлена на укрепление тазовых мышц и улучшение лимфотока. Думаю, что все разговоры о «недержании» ведутся только для того, чтобы правительство продолжало за это платить. Или страховые компании. Это такая французская хитрость.

Когда я спросила у своего врача, почему в Соединенных Штатах нет подобных процедур, она ответила очень просто: «Ваше общество слишком пуританское».

Лично мне пуританство совершенно не свойственно. Я с радостью выбросила свои «бабушкинские» послеродовые штаны и вновь вернулась

к соблазнительным трусикам».

Я просто обязана спросить: почему, ну почему молодые матери в Америке лишены подобных процедур?! По личному опыту знаю: нас выписывают из больницы через пару дней, выдают малыша в коляске, а когда мы приходим на первый гинекологический осмотр, врач мельком спрашивает: «Вы делаете упражнения Кегеля?» Не знаю, как вы, но никто не объяснял мне, как нужно выполнять эти упражнения и насколько это важно. После родов я думала только о ребенке. Я любила свою девочку точно так же, как любая энергичная американская женщина. Но вспоминая этот опыт сейчас, когда за плечами уже столько лет и столько стран, могу твердо сказать:

нам надо гораздо больше внимания уделять тому, чтобы тела молодых мам возвращались в прежнюю форму.

В Америке мы думаем только о внешности. Мы видим большие глянцевые фотографии наших кинозвезд на обложках женских и развлекательных журналов. Мы обсуждаем, как Джессика, Риз, Джулия или Кейт вернулись к прежней форме после беременности, как классно они выглядят! Но мы сосредоточены только на внешности. Мы забываем о тех органах, которые остаются невидимыми для мира – и вспоминаем о них только тогда, когда нам уже за пятьдесят, и Вупи Голдберг напоминает нам о специальных прокладках, которые избавят нас от мелких, но неприятных проблем.

Должна сказать, что в Америке есть нечто подобное – лазерное влагалищное омоложение, но ведь к нему прибегают лишь тогда, когда точка невозврата пройдена, когда необходима серьезная и дорогая процедура. И никто не просвещает женщин, не рассказывает им о том, что они сами могли бы позаботиться о своем сексуальном здоровье.

Мне кажется, что наша система здравоохранения не направлена на то, чтобы полностью взять на себя заботу о женском здоровье. Это большой бизнес, который, используя наши незнание, извлекает из этой ситуации прибыль.

Но, возможно, что права та женщина-врач, к которой обратилась Сильвия. Мы не предлагаем молодым матерям десять сеансов вагинального возрождения не потому что нам нет дела до женского здоровья. Просто подобные процедуры кажутся нам слишком сексуальными. А что произойдет, если каждая молодая американская мать получит собственный «электрический дилдо»? Вы думаете, она начнет

думать о сексе?! Или отправится покупать себе сексуальное белье? Вы думаете, она будет получать удовольствие?

Да!!! И именно поэтому мы не предлагаем молодым матерям (и любым другим женщинам) эти десять сеансов. В этом и есть разница между жизнью во Франции и жизнью в Америке. Удовольствие во Франции – это нечто хорошее и полезное. Удовольствие в Америке – это нечто грязное и недопустимое.

Мне стало интересно: «А не в этом ли заключен секрет *ooh la la*?» Может быть, все так же просто, как вагинальное возрождение? Я думала об этом, спускаясь по лестнице, шагая по залитой солнцем улице и направляясь в метро. На глаза мне попался рекламный плакат: Джулия Робертс в фильме «Ешь. Молись. Люби». Во Франции фильм вышел в прокат довольно поздно, но все же вышел. На плакате Джулия Робертс сидела на скамейке в итальянском парке и ела мороженое. Она выглядела счастливой – пластиковая ложечка зажата в губах, чувственное наслаждение пронизывает все ее существо. Но все же чего-то не хватало. Я остановилась перед плакатом и задумалась. *Ешь*. Да, Джулия ест мороженое. Ей нравится ее мороженое, а в Италии она выглядит очень сексуально. Значит, *Люби* на плакате тоже так или иначе отображено. Но где *Молись*?

Я вспомнила американский плакат этого же фильма. В американском варианте на той же скамейке рядом с Джулией сидела монахиня, а на заднем плане виднелся величественный собор. В американском варианте монахиня тоже ела мороженое. Может быть, именно оно и должно было символизировать «молитву», а всем нам следовало считать, что в поедании мороженого есть некий символический духовный опыт? И в следующий раз, когда я найду повод, чтобы купить мороженое – итальянское или огромный стакан американского, – я тоже смогу пережить духовное просветление?

Но на французском плакате к фильму «Ешь. Молись. Люби» монахини не было! Что же это значит? Я не знала. Но я не могла оторвать взгляда от Джулии Робертс, которую фотограф показал в момент наслаждения: ложечка во рту, рассеянный взгляд, носки туфель без каблуков смотрят внутрь – невинное наслаждение, маленькая радость жизни. И никакой монахини рядом! Никакого искупления! Только наслаждение!

В этом и заключен секрет французского отношения к жизни – секрет *ooh la la*. Француженки не терзаются чувством вины.

Если вы спросите меня, то я скажу, что в этом и заключается

серьезнейшее различие между американской и французской культурами: когда мы испытываем наслаждение, за нами наблюдает монахиня. Думаю, нам нужно бороться с этим подходом. Мы стремимся получать духовное, физическое и эмоциональное наслаждение от радостей жизни. Мы не умеем наслаждаться просто так. Для нас нет удовольствий ради удовольствия. Поэтому в Америке рядом с Джулией Робертс появилась монахиня – только так она могла по-настоящему наслаждаться мороженым, помня, что нужно будет отмаливать собственные грехи. Во Франции мороженое – это мороженое. И никто не должен стоять за твоим плечом и напоминать, что мороженое мороженым, но потом придется расплатиться. И никто не говорит, что сегодня ты заслужила небольшую радость. В конце концов, раньше или позже ты все равно будешь страдать, так что можешь немножко расслабиться.

Вот в этом-то и заключен секрет французского отношения к жизни – секрет *ooh la la*. Они не терзаются чувством вины. Недавно я разослала французским женщинам небольшую анкету. И один из вопросов был таким: *«Что вы делаете, когда терзаетесь чувством вины?»* Я думала, что можно винить себя за переедание, за покупку слишком дорогих туфель или за отношения с мужчиной, который не заслуживал любви. Но большинство француженок просто не ответило на этот вопрос! А одна написала: *«Чувство вины за что?»*

Я поняла, что идея вины абсолютно чужда французским женщинам. Они не склонны к излишествам, поэтому не чувствуют себя виноватыми. Но есть и другая причина. Они не чувствуют вины, поэтому не позволяют себе излишеств. А поскольку в их жизни нет излишеств, они не терзаются чувством вины.

А что, если и нам избавиться от чувства вины? Представьте, что мы решили наслаждаться тем, что есть здесь и сейчас. Разве это не революция?

Найдите способ доставлять себе удовольствие и не терзаться чувством вины. Начните с малого. Качество важнее количества. Но, чтобы стать по-настоящему чувственной женщиной, вы должны доставлять себе эти маленькие радости постоянно, каждый день. Выберите время, когда можно предаться чему-то приятному и чуть-чуть сексуальному. Возможно, это будет восхитительное мороженое, а может, ванна с пеной. А возможно, это будет сон после обеда или встреча с подружками в кафе. Это может быть и нечто такое, что вызывает смущенный румянец на щеках – но лишь чуть-чуть.

Для начала проведите небольшое исследование. Постарайтесь понять,

что именно доставляет вам истинное наслаждение. В конце концов, не все женщины готовы душу продать за мороженое. Очень важно осознать, что вселяет в вас ощущение восхитительной чувственности. Мы живем в стране, где вознаграждение получают только за упорный труд, борьбу и страдания. Но у такого подхода есть и обратная сторона – мы не умеем по-настоящему расслабляться и радоваться жизни, и тогда переходим в другую крайность и предаемся излишествам. И в результате возникает чувство вины.

Пообещайте себе каждый день себя немного баловать. Поймите, что приносит вам истинную радость, что дает вам возможность почувствовать, что вы действительно любите себя.

И, наконец, не забывайте о внутреннем состоянии собственного тела. Не ограничивайтесь одной лишь внешностью. Спросите у врача, как можно укрепить тазовые мышцы. Подумайте, не помогут ли вам определенные позы йоги. И даже если вы не можете пройти курс вагинального возрождения и у вас нет специального электрического оборудования, думаю, ваш муж не откажется помочь вам на пути к наслаждению и жизни в стиле ooh la la!

Глава 6

Мой ужин с Коко

На Париж спустился вечер. Я иду на встречу со знаменитой Коко. Я в восторге, потому что очень много слышала об этой женщине. Как утверждает моя американская подруга Мелани, Коко – воплощение *ooh la la!* А Мелани можно верить: ведь она когда-то была замужем за Питером, который сейчас женат на Коко. И все же Мелани искренне восхищается французской женой своего бывшего мужа.

– Ты просто обязана познакомиться с Коко! – заявила она мне по телефону. – Она – живое воплощение француженки. Она всегда великолепно одета, всегда с шарфом! Когда будешь в Париже, тебе нужно с ней встретиться. Я обо всем договорюсь!

И вот я в Париже. Я подхватываю купленную в подарок коробочку шоколада и спешу в Фобур Сен-Оноре, где живут Коко с Питером. Вечер прекрасный, небо ясное, снова стало тепло.

Харизма – это свобода быть самой собой.

Мишлен Танги

За большую медную ручку я открываю тяжелую дверь, вхожу во внутренний двор старинного здания, прохожу через него, подхожу к лифту и поднимаюсь наверх. Дверь открывает Питер – симпатичный, хорошо одетый мужчина средних лет. Очень ухоженный. И это неудивительно – ведь он много лет работал в журнале *Vogue Hommes*. Он проводит меня в квартиру, и у меня перехватывает дыхание. Квартира более всего напоминает декорацию к фильму. Очень романтическому фильму – если бы мне нужно было бы снимать сцену соблазнения, то я выбрала бы именно эту квартиру. Все выдержано в бордовых и красных тонах. Одна стена целиком выкрашена в красный цвет. Повсюду лежат ярко-розовые атласные подушки. На стенах – зеркала и маленькие лампы, украшенные хрустальными подвесками. А какая музыка звучит! Соблазнительный джаз. И, судя по всему, на кухне готовится что-то вкусное. Острое. Питер говорит, что он готовит отличные ребрышки.

– Как вам нравится наш город? – вежливо интересуется Питер.

Я отвечаю, что прекрасно провожу здесь время. Я не спрашиваю,

где его жена, потому что не хочу показаться навязчивой. Но на какую-то долю секунды мне кажется, что я оказалась в Марокко, перенеслась через Сену, и теперь меня соблазняет настоящий султан. Питер невероятно обаятелен. Он проводит меня в гостиную, берет мой жакет и исчезает с ним, а потом неожиданно появляется вновь. Говорит он очень быстро: сообщает, что Коко, ее сестра Изабелла и их мать вот-вот придут. Он проходит к бару – и открывает холодное шампанское. Питер наполняет высокий, узкий бокал, ждет, когда спадет пена, и передает бокал мне. Потом наливает шампанское себе, предлагает мне попробовать и придвигает ко мне маленькую тарелочку с самой тонко нарезанной салями, какую я когда-нибудь видела.

И еще оливки. Очень по-французски. Питер свободно переходит с английского на французский, с Парижа на Кейп-Код, с Мэна на Нью-Йорк и снова на Париж. Я вся в предвкушении встречи с Коко.

– О, вас ждет истинное наслаждение, – говорит Питер.

Я рада, потому что мечтаю об этой встрече. Но время идет, а Коко все нет.

– Коко великолепна, – продолжает Питер. – Она – истинная француженка!

Он поднимает свой бокал, мы чокаемся, и он говорит:

– Santé!

Я отпиваю шампанского и смеюсь над шутками Питера. Я представляю, как Коко входит в дверь. Что она подумает, увидев меня на барном стуле, распивающей шампанское и обсуждающей французское белье с ее американским мужем? Эта мысль меня немного тревожит. Я же слышала, что Коко очень непредсказуема. Она может взорваться. А вдруг ей не понравится дружеское общение мужа со странной женщиной, которая приехала неизвестно зачем? Вдруг она начнет кричать на меня по-французски, а я даже не пойму ее? А вдруг она вцепится мне в волосы, повалит на пол, разобьет бокалы...

Пока я так размышляла, хлопнула дверь, и появилась благоухающая духами Коко со множеством пакетов в сопровождении своей сестры Изабеллы и матери. И тут же начались bisou bisou – поцелуи, поцелуи. Расцеловав меня в обе щеки, Коко начала тараторить по-французски. Впрочем, наверное, мне лишь показалось, что она говорит очень быстро – сама-то я едва свожу слова со словами, а для Коко этот язык родной.

– Enchantée!^[20] – говорит она.

И я тоже очарована ею.

На Коко идеально сшитый жакет, юбка-карандаш, туфли на высоких

каблуках. Она говорит без умолку – рассказывает, как много сегодня было работы, что говорили судьи в палатах и так далее, и тому подобное. При этом она расхаживает по квартире, снимает жакет. Я чувствую, что она сказала мужу что-то смешное о своей работе, но что именно – не понимаю. Коко и Изабелла – адвокаты. У обеих есть частная практика, но у них общий офис и секретарь. После работы сестры встретились с матерью и отправились купить продукты к ужину. Коко проходит на кухню, проверяет ребрышки в духовке, хвалит Питера за то, какой он великолепный шеф-повар.

– Я люблю тебя, mon mag^[21]! – восклицает она, посылая ему воздушные поцелуи из кухни.

Раздается шум воды, стук дверцы холодильника, шелест пакетов. На столе появляются тарелки. Я и опомниться не успеваю, а стол уже накрыт, свечи зажжены, мы сидим за столом, а перед нами тарелки с роскошной едой – ребрышки элегантно сервированы, в большой салатнице *haricot vert* – зеленая фасоль – и молодой картофель.

Коко очень оживлена. Она жестикулирует, смеется, а то и хмурится – сурово, но очень соблазнительно. Питер искренне восхищается этим вечным двигателем – своей женой. Я тоже. И наша трапеза продолжается. Мы пьем красное вино, потом белое вино. Потом наступает очередь салата и еще одного вина – на этот раз дижестив к сырной тарелке. А этот сыр! Я никогда не пробовала ничего подобного! Такой нежный, ароматный, с тонким лимонным вкусом. Коко, Изабелла и их мать рассказывают мне о своей маленькой ферме на юге, где они разводят коз и делают собственный сыр. Надо же! Этот восхитительный сливочный, пикантный козий сыр – их собственный! Эта женщина – высокооплачиваемый адвокат, женщина, имеющая обо всем свое мнение, такая стильная и сексуальная на каблуках и в кашемировом свитере – делает собственный сыр!

– Мы не из Парижа, – объясняет Коко. – Мы приехали из маленького городка Сен-Жюльен-сюр-Шер.

– У семьи Коко есть собственная ферма экологически чистых продуктов, – поясняет Питер. – Этот сыр – с семейной фермы.

– Он просто восхитителен! – искренне хвалю я.

– Он называется «Сель-сюр-Шер», – говорит Коко. – У нашей семьи семьдесят пять коров, сорок коз и еще куры!

– Веаусюр^[22] кур! – добавляет Питер.

– Мы – деревенские девушки! – объявляет Коко, отрезает еще сыра

и хохочет.

И я понимаю, что

в этом и заключен секрет ее ooh la la. Она веселая, шумная, и чувствуется, что эта женщина живет в ладу с собой. Она совершенно не похожа на наше стереотипное представление о француженке. И тем не менее она – настоящая француженка. Она неуловима. Ее невозможно отнести к какой-то категории. Она совершенно уникальна. И, кроме того, весела, жива и энергична!

Коко, ее сестра и мать любят поесть! Как это не похоже на наше представление о французских женщинах. Нам кажется, что они должны нехотя щипать листик салата и закуривать сигарету на десерт. А мы уплетаем яблочный пирог, хотя я и пытаюсь сказать, что больше не в состоянии съесть хотя бы кусочек. Меня никто не слушает. Пирог нарезан и разложен на элегантные маленькие тарелочки. Разговор продолжается, а мы пьем эспрессо. Питер позволил жене блистать в огнях рампы, а сам принес гитару и начал что-то наигрывать. Я узнаю песню Леонарда Коэна Hallelujah. Да, да, «Аллилуйя»!!!

Какой дивный вечер!

Возвращаясь на такси к другой моей французской подруге, я размышляла. Изабелла называет такие моменты Тайным Садам – то время, когда можно просто смотреть из окна, мечтать, думать и расслабляться. Она говорит, что очень важно не упускать эти моменты и не портить их другими занятиями – проверкой электронной почты, к примеру. Я бы сейчас непременно стала просматривать свой ящик, если бы у меня был Интернет. Но я решила путешествовать по Франции вообще без телефона, поэтому Тайный Сад был к моим услугам.

Я думаю о Коко. Она не вписывается в стандартное представление об идеальной француженке. Она очень дружелюбна и гостеприимна. Но при этом она остается истинной француженкой – очаровательной и интригующей. Ей не свойственна красота американских кинозвезд. Ее нельзя назвать очень худой. Ослепительно красивой и привлекательной ее делают уверенность и чувство собственного достоинства, страсть и любовь к жизни. И ее муж обожает ее за это – и за многое другое. Коко – такая сложная женщина!

Об этом я думаю, пока такси везет меня по бульвару Сен-Жермен, а потом по узким улочкам, где снуют парижанки, постукивая каблукчиками по тротуарам.

Мне кажется, что во Франции – и не только в Париже, но и во всех

маленьких городках — я получаю совершенно иной посыл, не тот, что в Америке. Во Франции я чувствую, что *достаточно хороша*.

У меня складывается впечатление, что вся Франция — это один большой фан-клуб ЖЕНЩИН. И не только восемнадцатилетних красоток, но и зрелых женщин. В Америке я часто чувствую, что меня критикуют за мои недостатки. Во Франции меня не критикуют, а подталкивают к тому, чтобы я лучше заботилась о себе, хорошо одевалась, хорошо питалась и получала удовольствие от всего, что только попадется на моем пути. Потому что я — ЖЕНЩИНА! *Vive la différence!*

Да здравствует различие!

Не думаю, что красивыми и таинственными этих женщин делает только то, что они просто живут во Франции. В Америке и других странах мира я встречала женщин, которые обладали этим уникальным даром, в которых чувствовались и тайна, и уверенность, и *ooh la la*.

И все же Франция кажется мне эпицентром *ooh la la*. Или моего личного *ooh la la*. Я все еще в поиске. Но я верю, что в воздухе, которым я дышу во Франции, есть нечто такое, что взбадривает мои молекулы и заставляет меня желать стать лучшей женщиной.

Когда я выходила из такси, на мое лицо упали первые капли дождя. Мне повезло — я успела забежать в подъезд, прежде чем полил дождь.

Устройте ужин. Не нужно слишком суетиться. И совсем не нужно подавать собственный сыр, как это сделала Коко. Можете запечь мясо, потушить овощи, а все остальное купить в магазине. Купите пирожные в соседней кондитерской. Для женщины очень важно, чтобы ее окружали люди. Рядом с людьми мы можем позволить себе повеселиться и побыть легкомысленными. Не может каждый день быть рабочим. Добавив в свою жизнь немного веселья, вы очень скоро откроете замечательный дар — получать удовольствие от развлечений, общения, а может быть, и от музыки!

Культивируйте свой Тайный Сад. Забудьте о смартфонах и электронной почте. Наслаждайтесь теми моментами, когда вы можете побыть в тишине и покое наедине с собой, когда не нужно ничего делать и можно просто смотреть в окно. Это так же важно для вашей психики, как и моменты смеха и развлечений. Женщинам всегда необходимо маленькое зеркальце, в котором можно увидеть свою истинную красоту. Когда будете наслаждаться обществом друзей, а они — вашим, вы увидите отражение своего обаяния в их глазах. Мы созданы, чтобы быть частью большого

мира. А ужин – это прекрасный повод выйти на сцену театра жизни.

Глава 7

I am a camera, или Искусство замечать красоту вокруг

[23]

На следующий день дождь перестал. Над Парижем ярко светило солнце. Тем не менее на улицах повсюду блестели лужи. Это был мой последний день в Париже: на следующее утро я уезжала на север. Поэтому я решила сделать себе прическу – вымыть волосы с шампунем и уложить феном. Увидев симпатичную парикмахерскую на бульваре Сен-Жермен, я зашла и спросила у очаровательной девушки за стойкой, сможет ли кто-нибудь принять меня без записи, и получила утвердительный ответ.

И вот она уже представляет меня стильному молодому человеку со светлыми искрами в светло-русых волосах. Его зовут Бенжамен. Бенжамен проводит меня по коридору, предлагает пеньюар, усаживает и моет мои волосы. Он спрашивает, идет ли все еще дождь. Я отвечаю, что дождь уже перестал, и мы пускаемся в обсуждение резиновых сапог и моды. Должна заметить, мой новый парикмахер Бенжамен – настоящий кладезь информации, особенно по вопросу популярности резиновых сапог во Франции! Он приносит мне маленькое блюдечко с фиалковыми леденцами из Тулузы, и пока мои волосы сохнут, рассказывает мне историю резиновых сапог – веллиз.

Несколько лет назад веллиз (сокращенное от Веллингтонз) стали настоящим пискom моды в Америке. В дождливые дни на улице можно было увидеть резиновые сапоги самых разных цветов и фасонов. Однако прежде, как рассказал мне Бенжамен, резиновые сапоги были скучными, темно-зелеными – и никакими другими. Прочными. Практичными. Надежными. Незапоминающимися.

Резиновые сапоги появились в Англии более ста лет назад. Они не промокали и были названы в честь герцога Веллингтона. Такая обувь прекрасно подходила для работы в саду, ходьбы по грязи, прогулок по болотам и погони за чистокровными охотничьими собаками.

– Так продолжалось довольно долго, – говорит Бенжамен, – пока на парижской улице не заметили очаровательную французскую

супермодель Инес де ла Фрессанж. Шел дождь, и она надела свои веллиз!

Обычные, темно-зеленые резиновые сапоги.

Откуда она взяла эту блестящую модную идею? Наверное, увидела во время последней поездки в Англию. Но, как утверждал мой парикмахер с Левого берега, это Инес привила Парижу и всему миру любовь к резиновым сапогам. Только она решилась выйти на улицу в этих необычно простых, но очень привлекательных сапогах. Они были настолько старыми, что успели стать новыми. Произошла переоценка классики. И мода на веллиз мгновенно распространилась по всей Франции, а затем и по Соединенным Штатам – и по всему миру. И даже англичане взглянули на свои веллингтоны по-новому.

– Дело в том, – говорит Бенжамен, – что в Париже мода рождается на улицах. Улица – место отдыха для людей.

Бенжамен останавливается, отводит фен в сторону и задумчиво улыбается. Теплый воздух дует ему прямо в лицо, играя светлыми волосами. Бенжамен улыбается. Он ничуть не торопится. На какое-то мгновение мне кажется, что он забыл обо мне и начал укладывать собственную прическу. Он смотрит на меня в зеркало и пытается сосредоточиться на мне.

– Знаете, – продолжает он, – во французских новостях всегда говорят о людях, которые следуют моде. Это особенность Парижа – здесь любят наблюдать за людьми из кафе. Это своего рода спорт. В Лондоне и Штатах такого нет. А здесь мы берем что-то самое обычное, например, резиновые сапоги, и превращаем их в нечто другое. Иногда это срабатывает. Иногда нет. Но мы всегда движемся вперед. Это очень важно.

Он возвращается к моим волосам, расправляет завитки пальцами, работает феном. Бенжамен рассказывает, что журналисты съезжаются в Париж со всего света, чтобы увидеть то, что «вот-вот выстрелит». А потом те особенности стиля, что впервые были замечены на улицах Парижа, находят свое отражение в новых коллекциях известных модельеров, на страницах модных журналов – и на кинозвездах.

Больше всего мне нравится то, что изменить моду могут самые обычные женщины. Да, конечно, на таких дам, как Инес де ла Фрессанж, обращают больше внимания. Но если мода действительно начинается на улицах, то каждая женщина может повлиять на мир и на то, что мир считает красивым. Важно лишь вступить в разговор.

А мода – это и есть разговор. Это разговор, который ведется

с незапамятных времен, когда первобытная женщина решила что-то изменить и стала носить свои шкуры на одном плече.

А другая костяной иглой сшила две шкуры вместе. И вдруг так стали одеваться все обитатели саванны! В Древней Греции придумали туники и драпировки, а мадам Грез в 30-е годы XX века вспомнила об античности и создала из матового шелка свои модели, в которых чувствовалось влияние классических греческих колонн и архитектуры.

Мне нравится сцена из фильма «Дьявол носит «Прада», в которой Мерил Стрип, исполняющая роль главного редактора модного журнала, дает своей помощнице маленький урок по истории моды:

«Я понимаю. Тебе кажется, что это не имеет к тебе никакого отношения. Ты открываешь свой шкаф и выбираешь... ну, не знаю... этот мешковатый синий свитер, например... Потому что ты пытаешься сказать миру, что воспринимаешь себя слишком серьезно, чтобы думать о том, что на тебе надето. Но ты не знаешь, что этот свитер не просто синий, не просто бирюзовый. Это лазурь. И ты уж точно не знаешь, что в 2002 году Оскар де ла Рента представил целую коллекцию платьев цвета лазури. А потом – по-моему, это был Ив Сен-Лоран... кто-то показал жакеты в стиле милитари цвета лазури. Думаю, нам нужен жакет. А потом лазурь мгновенно появилась в коллекциях восьми разных модельеров. Потом лазурь прошла через универмаги и оказалась в том дешевом магазине, где ты наверняка выловила свой свитер из корзины с уцененными вещами. Но за этим синим цветом стоят миллионы долларов и бесчисленное количество рабочих мест. Смешно, что тебе кажется, что твой выбор не связан с модной индустрией. Ведь на самом деле на тебе свитер, который был выбран для тебя из целой кучи вещей теми, кто работает в этой комнате».

Но теперь мне хочется уйти на шаг дальше. Представьте, что помощница редактора покупает этот свитер, приносит домой, а на следующий день решает надеть его задом наперед или наизнанку или прорезает в рукавах отверстия в форме сердечек. Представьте, что она надевает его с узкой черной юбкой-карандаш и зеленой шляпкой своей бабушки. Одеваясь, она вспоминает виденный недавно старый фильм. Ее вдохновляет Луиза Брукс. И она создает свой ансамбль, выходит на улицу, где ее замечает фоторепортер модного журнала. Или Билл Каннингэм спрыгивает с велосипеда и достает свою камеру. И вот уже ее снимок красуется в модном разделе крупнейшей газеты. А может быть, у нее есть подруга, которая изучает фотографию в художественном

институте Сан-Франциско. И эта подруга решает сфотографировать ее в новом ансамбле. Потом она размещает фотографию на своей страничке в Facebook, а другая подруга пишет об этом необычном имидже в своем блоге. Вспомните блог четырнадцатилетней Тави Style Rookie или фотографии очаровательных восьмилетних красоток в блоге Advanced Style.

Что я хочу сказать? Именно так начинается модный разговор и так возникают тенденции. Модельеры подхватывают этот разговор – и вот идеи оказываются во всех магазинах. Но все началось с вас и вашего воображения.

Вернемся на Левый берег. Я прощаюсь с парикмахером и выхожу на улицу. День просто прекрасный – солнечный и слегка прохладный. Ни за что не догадаться, что только вчера лил дождь. После нашего разговора в парикмахерской я смотрю на мир новыми глазами. Я обращаю внимание на всех французов – и на мужчин тоже! Я смотрю на них по-новому. Мужчина в слегка помятом плаще возле газетного киоска напоминает мне моего отца, который в 60-е годы работал на железной дороге. Дама, закутанная в синий шарф, заставляет меня вспомнить о бабушке – она всегда защищала свежую прическу шелковым шарфом, завязанным под подбородком. Двухлетняя девушка, стоящая передо мной в метро «Клюни-Ла-Сорбонна», поражает мое воображение красной короткой юбкой в складку, которая почему-то напоминает мне юбки девочек из католических школ, за которыми я зачарованно следила в детстве – эти девочки жили в каком-то другом мире. И хотя клетка Макклеллан вошла в моду много лет назад в Шотландии, она проделала огромный путь и оказалась в коридорах частных школ, в среде панков и на плакатах на Елисейских Полях, посвященных gentrification – первому дню учебы: на них очаровательные девушки в килтах заигрывали с бравым шотландцем, играющим на волынке.

Мода – это не только платья. Мода – это небо, улица, это идеи, это образ жизни, это то, что происходит вокруг нас.

Коко Шанель

Да, да, эта клетка добралась даже до меня – до дамы определенного возраста! Я до сих пор храню в шкафу счастливую красную клетчатую юбку в складку и иногда ее надеваю (да, да, молния уже застегивается с трудом – но все же застегивается!!!). Почему? Потому что в этой красной юбке в складку я познакомилась с женщиной, который стал моим вторым мужем. И за минуту до того, как порыв ветра от встречного поезда

промчался по туннелю и разделил нас, я успела тайно и безмолвно заговорить с этой французской девушкой в красной клетчатой юбке в складку. Я шепнула ей по-французски и по-английски, что она – часть моей истории, а я – ее. И когда-нибудь, когда я уйду из этого мира, в нем все будет в порядке, потому что всегда будут девушки, которые носят красные клетчатые юбки в складку и знакомятся с мужчинами, которых представляли в своих мечтах.

* * *

На следующий день я стою на вокзале, ожидая поезда из Парижа в Лилль. Я еду на север. Я приехала слишком рано, и теперь мне придется полтора часа ждать поезда на вокзале Монпарнас. Поэтому я захожу в маленькую вокзальную закусочную, чтобы купить себе сэндвич на дорогу. Французы не делают сэндвичей на квадратных кусках хлеба, как в Америке. У них курица, майонез и латук помещаются в небольших багетах. Это так вкусно, что невозможно удержаться и не впиться зубами в хрустящую корочку немедленно. Но нужно найти время и насладиться каждым кусочком.

Я плачу за сэндвич и бутылку Evian. А потом останавливаюсь возле книжного киоска и покупаю журнал *French Glamour* – «Французский гламур», – совершенно не похожий на американский вариант. Он значительно меньше и буквально набит полезными и практичными советами по моде и красоте. Его я приберегаю для поездки, потому что на вокзале мне хочется заняться рассматриванием прохожих. Я располагаюсь на скамейке, с которой мне видны большие часы и огромное черное табло, на котором отражается постоянно изменяющаяся информация о прибытии и отправлении поездов с разных платформ. И замечаю девушку, которая проходит через весь зал, направляясь к часам. На ней красные балетки, узкие джинсы и французская моряцкая рубашка в сине-белую полоску. Волосы собраны в конский хвост. Да, и, конечно же, красный шарф, обмотанный вокруг шеи. Шарф образует некий кокон и перебивает горизонтальную полоску рубашки. Эта полосатая рубашка меня буквально загипнотизировала.

Мне всегда нравились матроски. Наверное, потому что с ними связано так много историй. Французские моряки носили их сотни лет назад – они были частью их формы. Потом их сделал известными Пикассо. Сохранилась великолепная фотография знаменитого художника: он смотрит из окна, оконный переплет напоминает тюремную решетку, на лице Пикассо выражение художественного раздражения. Голубой

период – но еще не совсем голубой. Пожалуй, скорее фиолетовый. Художник борется со своим видением. А может быть, просто его новая любовница, Франсуаза, сегодня не в духе. Но главное для меня – это свитер. Я отлично знаю этот свитер. Это культовый свитер, и Пикассо – лишь один из многих, кто носил его. Мэрилин Монро снималась в таком на пляже. Брижит Бардо надела такой с красными капри и красными балетками, чтобы сняться на фоне красной спортивной машины. Коко Шанель носила его с широкими брюками. Джин Сиберг надела такой свитер в фильме Жан-Люка Годара «На последнем дыхании».

Я тоже носила такой свитер. Я и сейчас его ношу. Одержимость полосатыми рубашками началась у меня в десять лет. Думаю, это была дань моде на Beach Boys^[24]. Полосатую матроску я носила, когда мне был двадцать один год. Я купила ее в Париже, потом вернулась в Лондон и познакомилась с Бригиттой Рот. Эта девушка купила мне мою первую красную губную помаду в Marks&Spenser. Она была чуть старше меня и прожила в Лондоне уже целый год, поэтому знала, где и что нужно покупать – например, магазин Viba и блошиный рынок в Кенсингтоне. Бригитта приехала из Вены изучать моду и театральную фотографию в Лондонской школе дизайна Централ Сент-Мартинс. Она оказала огромное влияние на меня – ведь она была старше и поразила меня своим стилем и оригинальностью. Это она пользовалась красной губной помадой. А еще она наносила блески на свои очки от близорукости. Бригитта открыла для меня винтаж. Мы все субботы проводили на блошиных рынках в Кенсингтоне и на Портобелло-роуд. У Бригитты были голубые глаза, как у сиамской кошки, и вообще она напоминала мне Марлен Дитрих.

Мы с Бригиттой снимали квартиру в Хайгейте. Рядом с нами проживало много других двадцатилетних – девушка-гречанка, которая и рассказала мне об этом месте, француженка, которую мы почти не видели, потому что она все время проводила у своего бойфренда, парень из Австралии и еще одна девушка из Канады. Но сдружилась я именно с Бригиттой. Гречанка Георгия предупреждала меня, что Бригитта «страшная грязнуля». Поэтому, впервые заходя в ее комнату, я слегка нервничала.

Признаюсь честно, это был самый роскошный беспорядок, какой мне только доводилось видеть в жизни! Все стены были завешаны фотографиями, вырезками из журналов и разрисованы надписями. Это просто завораживало. Я почувствовала, что оказалась в музее моды и красоты. Я видела женщин с безумными прическами и фотографии 40-х

годов, странные снимки туфель и страницы с изображениями сафари, львов и слонов, выданные из журналов путешествий. Кое-где я заметила сложенные из бумаги конструкции, напоминающие милые шляпки. Честно говоря, в тот момент я подумала, что эти стены можно было бы рассматривать целый год – и это не надоело бы.

Бригитта повернулась ко мне и сказала:

– Это стены, которые вселяют в меня вдохновение.

А я просто кивнула, не сказав ни слова. А потом она попросила меня ей позировать. Ей показалось, что я одета как француженка – мы обе представляли, что француженки одеваются именно так: берет, полосатая матроска и очень американские сапоги. Ну, конечно же, я согласилась!

Это было лишь начало. Я позировала для многих фотопроектов Бригитты. Даже сегодня ее снимки в рамках висят в моем доме. Эти фотографии и воспоминания – все, что у меня осталось. У Бригитты был рассеянный склероз, и она умерла очень молодой.

Даже сегодня, увидев полосатую матроску, я не могу не вспомнить о Бригитте и о том чудесном времени, что мы провели вместе.

Не так давно из жизни ушла еще одна моя давняя подруга. Я каждый день скучаю по Джекки. На мемориальную службу Ллойд (это ученый, который вместе с моим мужем работает в океанографическом институте Вудс-Хоул) приехал в полосатой тельняшке. Вам может показаться странным, что он выбрал тельняшку для подобного мероприятия, но для мемориальной службы в честь Джекки такая одежда подходила наилучшим образом. Джекки была художником-графиком. Ее отличала поразительная свобода духа. Я познакомилась с ней, когда у нее уже развивалась болезнь Паркинсона. Ей было слегка за сорок. Речь ее была невнятной, но огромные глаза делали ее красавицей. Она была очень обаятельной женщиной. Мы с ней постоянно смеялись. Незадолго до этого я переехала в город, где жили одни ученые, и ее поддержка очень многое для меня значила.

Я сказала Ллойд, что мне нравится его французская матроска, а он ответил, что я ошибаюсь! Это была русская тельняшка! Несмотря на глубокую печаль, я рассмеялась. Удивительно, насколько важна для нас одежда! Простая полосатая тельняшка протянула тонкие узы от подруги в Лондоне к другой полосатой матроске и к новой дружбе, а от нее – к очередной тельняшке.

Эта полосатая тельняшка – французская, русская или японская – вселила в меня уверенность, что в мире, где мы каждый день что-то теряем, жизнь продолжается. И все мы принимаем участие в этом повествовании

под названием жизнь, любовь, мода и дружба.

В Америке у меня есть очаровательная подруга Руби. Она ведет блог, который называется «Размышления Руби». И хотя мы никогда не встречались, мы подружились, потому что мне страшно понравился ее блог. Руби размещает много черно-белых фотографий – я вижу ее со стрижкой в стиле Луизы Брукс, в винтажных платьях и танцевальных туфлях в стиле «Капецио». Она часто размещает фотографии звезд немого кино. Именно это и привлекло мое внимание. Я обожаю моду 20-х. Найдя блог Руби, я почувствовала себя счастливой. Когда я спросила ее о выборе стиля, она ответила, что открыла для себя винтаж еще в детстве и с тех пор часто сочетает предметы одежды самым неожиданным образом. Она стремится выглядеть как леди. Это нелегко, но, приложив определенные усилия, она добилась потрясающего успеха. Источником вдохновения для нее служат немые фильмы, старинные фотографии, музыка 20-х и 30-х годов. Облик Руби отличается обаянием, романтизмом и ностальгией.

Я рассказала о ней, потому что она – прекрасный пример человека, рассказывающего о стиле. Вы думаете, что, просматривая блоги о моде, интересные видео или любимые фильмы, вы просто отдыхаете и расслабляетесь. Подобное времяпрепровождение может показаться пустой тратой времени, но на самом деле это не так. Это важная работа. И размышления о детских воспоминаниях, о красивой мебели или изысканной архитектуре – тоже работа.

Все это – ключи к профилю вашего стиля. Обращайте внимание на то, что вам нравится, потому что это – ваше «золото», ваш уникальный вкус и ключ к вашему счастью.

Заведите дневник имиджа и попробуйте сконструировать свой будущий облик. Именно так делает Руби. И я тоже так поступаю. У меня есть большой блокнот на пружине, где я храню старые семейные фотографии, вырезки из журналов и каталогов. Я веду этот дневник уже много лет. Этому меня научила моя добрая подруга Джекки. Она была истинным художником. Знаете, сохранять свои мечты и видения очень полезно. И речь здесь идет не только о моде. Это поможет вам понять, кто вы есть в этой жизни.

Глава 8

Эти ботинки созданы для прогулок

– Я не верю в ooh la la! – заявляет мне Марджи, ловко переводя свою маленькую машинку на третью передачу. Мы с ней объезжаем перекресток, направляясь к ней домой. Марджи живет в Лилле, на севере Франции, почти на границе с Бельгией.

Как же здесь красиво! Местность очень ровная – и невероятно зеленая. Здесь все настолько отличается от Парижа, что мне кажется, будто я оказалась на другом континенте. Простирающаяся вокруг совершенно плоская бесконечная равнина, уходящая за горизонт, напоминает Средний Запад – кстати, Марджи как раз оттуда. Вот только по всей равнинной поверхности севера Франции разбросаны старинные деревянные ветряные мельницы. Да, да, именно мельницы, потому что этот регион до 1673 года был частью Голландии и только потом отошел к Франции.

Забавно, но моя подруга поселилась именно там, где вполне могли бы комфортно чувствовать себя ее голландские предки. Именно об этом я и думаю, глядя из окна машины, любуясь зеленью и сочетанием зеленого и желтого, которое пришлось бы по сердцу Ван Гогу: по зеленым полям разбросаны золотистые стога.

– Как красиво! – шепчу я, и Марджи согласно кивает.

А потом она продолжает разговор, который мы начали при встрече на вокзале Лилль-Фландр два дня назад:

– И не забывай. Франция – это не Париж! А Нью-Йорк – это не Америка!

– Да, но там живут француженки! Они более романтичны, чем американки, верно? А какие они устраивают ужины! А какие у них духи! А белье! Ooh la la!

Марджи смеется надо мной и моим увлечением всем французским.

Когда мы подъезжаем к дому Марджи, становится темно. Мы оставляем машину рядом с огромным собором, окруженным высокой изгородью. Я успеваю заметить небольшое кладбище – между кустами виднеются кресты. Небо почернело, и Марджи говорит, что завтра пойдет дождь. Мы переходим улицу, и Марджи отпирает тяжелую деревянную дверь своего дома. Когда-то здесь была мясная лавка, и это чувствуется,

когда впервые переступаешь порог. Марджи сохранила оригинальную плитку на полу – красный, синий, желтый цвета, маленькие восьмиугольники внутри кругов. Вестибюль очень просторный, и в нем, как мне кажется, мясник и его жена выставляли колбасы и утиные паштеты. Но возможно, что в этом огромном проеме когда-то висели свежие курицы, а муж с женой гостеприимно встречали своих покупателей и перекидывались с ними парой-другой слов.

Я говорю Марджи, что ей стоило бы открыть здесь магазин, только мы никак не можем решить, какой именно. Может быть, курсы английского языка? Все в городе знают, что Марджи говорит по-английски. Однажды ей позвонил маленький мальчик и со страшным французским акцентом пробормотал: «Хелло! Май нейм из Инглиш!»

Мы с Марджи проходим в дом, и она начинает готовить ужин на двоих. За готовкой она рассказывает мне, как познакомилась с соседскими детьми.

– Несколько лет назад я решила устроить Хэллоуин и познакомиться с местными детьми. Я не стала одеваться ведьмой, потому что Морбек славится ведьмами – в Средние века их здесь даже сжигали. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь счел меня ведьмой. Один из мальчиков знал меня, потому что в Хэллоуин, когда дети стучатся в двери и требуют угощения на праздник, я отвечала им по-английски, что привело детей в полный восторг.

Без эмоций нет красоты.

Диана Врилэнд

Но мне все равно страшно хотелось устроить праздник. Французы отмечают Хэллоуин тогда, когда им удобно (очень типично!), не привязываясь к 31 октября. Когда 31 октября пришлось на такой неудобный понедельник, я закупила целую кучу конфет – и осталась ни с чем. (А когда дети, наконец, пришли, без костюмов и очень поздно, я просто крикнула им: «Halloween, s'est terminé!»^[25], и они все поняли. С тех пор подростки стали очень вежливы со мной и каждый раз здороваются!

В этом году я пришла домой на Хэллоуин около пяти вечера, зайдя по пути в супермаркет. Выходя из магазина и направляясь к машине, я услышала где-то далеко от себя (должна добавить, что это было в нескольких милях от моего дома) детские голоса. Мальчишки ехали на велосипеде и кричали мне: «Мадаааам, мадааааам, Хэллоуииииин, Хэллоуииииин». Черт! Я вернулась в магазин и купила на двадцать евро

всяких сладостей. Потом помчалась домой и устроила настоящий праздник. Так что, думаю, я тут уже прижилась.

Мы посмеялись над этим за ужином, к которому Марджи приготовила великолепного лосося с салатом. И мы предались воспоминаниям. Я познакомилась с Марджи в 1977 году, когда мы обе учились литературному мастерству в Нью-Йоркском университете. Она была настолько высокой и стройной, что вполне могла бы стать фотомodelью. Она носила прелестную, задорную прическу и обладала потрясающим талантом. Хотя Марджи на два года старше меня, мы подружились. В то время она писала роман о своем опыте выступлений в жанре «стэнд-ап». Она меня просто очаровала. Мы стали настоящими подругами. Я даже попросила ее быть подружкой невесты на моей свадьбе. Мы дружили всегда – и когда были замужем, и когда развелись, и когда я в 2005 году вновь вышла замуж. Нашу дружбу скрепило одно событие. 31 декабря 1983 года я была беременна, причем «глубоко» беременна: роды должны были состояться еще за две недели до этого. Моя акушерка сказала, что не сможет мне помочь, и, если роды не начнутся до 1 января, мне придется ехать в больницу. Она посоветовала попробовать принять касторку. И вот накануне Нового года я изо всех сил старалась родить и для этого купила бутылку касторки. Мой муж и Марджи пили шампанское и отмечали приход 1984 года, а я выпила несколько столовых ложек этой невероятной гадости.

И знаете что? Марджи тоже выпила ложку касторки за компанию! Как настоящая сестра! И она согласилась со мной – гадость ужасная! Мы безумно хохотали. Прошло уже тридцать лет, а мы все еще смеемся, вспоминая тот день.

Вечер продолжается. Мы сидим за роскошным ужином на кухне, а кошки крутятся вокруг наших ног. Становится все тише и тише. Мы чувствуем, что можем располагать всем временем мира. Меня всегда восхищает умение ценить самые обычные моменты. И я понимаю, что Марджи стала гораздо больше француженкой, чем ей кажется. Мы пьем чай, а потом Марджи показывает мне мою комнату наверху. Только прежде я должна увидеть ее новый плащ. Очень простой, очень элегантный черный плащ с большими черными пуговицами и мягким воротником. А потом Марджи показывает мне плащ, который она носила до этого, тоже очень красивый. Плащ от парижского бренда Et Dieu Crea la Femme – фирма получила название в честь фильма Брижит Бардо «И Бог создал женщину».

Марджи предлагает мне его примерить. А потом говорит, что ей хочется его мне подарить.

– Это очень хороший французский модельер, – говорит она.

Плащ сидит прекрасно. Он немного длинноват, но не слишком. У него такие красивые пряжки – настоящее чудо! А мягкий материал кажется очень теплым и удобным. Мне нравится плащ, и дело не только в ткани. Марджи носила его в дождливые дни, и плащ до сих пор сохраняет ее ауру. Если я возьму плащ с собой, то заберу частичку Марджи. И я соглашаюсь. Я возьму этот плащ. А потом я дарю ей мой маленький классический плащ, купленный в Target, который ей всегда нравился. Какой прекрасный модный обмен!

* * *

В экспатах есть нечто интересное. Они не так уж и очарованы французами. Они твердят: «Да, да, все прекрасно, они любят вино, еду, красивых женщин, но попробуйте-ка вызвать мастера, чтобы починил антенну!» Экспатом быть нелегко. И не только потому, что они видят трещинки в *la vie en rose*^[26]. Приезжая в Америку, они не могут не сравнивать ее с Францией и обнаруживают, что Америка-то не выдерживает сравнения. И они возвращаются во Францию, чтобы снова начать скучать по Америке. «Удобство! Прямолинейность! Арахисовое масло!»

Ну да, и, конечно же, их американские друзья и родственники.

Они заблудились где-то посередине. Они нигде не чувствуют себя по-настоящему дома. Конечно, это относится не ко всем экспатам, но к некоторым из них наверняка.

Мне кажется, что должен существовать способ примирить разные культуры. Я знаю это по себе. Мне хочется сохранить в себе что-то французское и забрать это домой. Я хочу возвращаться сюда дважды в год и работать над своим французским. Я хочу учиться у французов и возвращаться к своим корням, но при этом я хочу быть американкой.

Я уверена, что если бы не была американкой, то все французское не показалось бы мне настолько привлекательным, как кажется сегодня. А если бы я была француженкой, то американцы наверняка казались бы мне страшно интересными.

Ведь только что продавщица в Sephora сказала мне:

– О, мне так нравится американский акцент! Он такой симпатичный!

* * *

На следующий день Марджи уходит на работу – она преподает в университете, – а я отправляюсь за покупками. Мне нравится делать покупки в Лилле. В Париже мне казалось, что мне ничего не подходит, и я не воспринимала себя шикарной женщиной. Но в Лилле я чувствую себя прекрасно. Здесь есть все большие парижские магазины – Galerie Lafayette, Printemps и C&A (хотя это немецкий магазин), и испанская Zara, и британский H&M. Надеюсь, вы поняли – я иду за покупками. В общем-то, покупаю я немного. Во-первых, я – женщина экономная. Во-вторых, мне нужно помнить о своем багаже. Нелегко затаскивать чемоданы в поезда, метро и самолеты, поэтому я себя сдерживаю. Чаще всего я просто фотографирую то, что мне нравится. Я хожу из магазина в магазин, делаю снимки и борюсь с соблазном купить все.

Но так продолжалось лишь до тех пор, пока мне не попалась пара красных ботинок. Я обожаю красные ботинки.

Я давным-давно влюблена в красные ботинки. В 1978 году я встречалась с парнем, который выступал в жанре «стэнд-ап». Потом он стал моим мужем, потом бывшим мужем. А тогда мы с ним отправились в Амстердам. Его приятель, американец, который вместе с ним учился в немецком университете в Киле, встретил нас в кафе-баре. Он сказал, что его девушка вот-вот подойдет. Мы заказали пиво, и мужчины заговорили по-немецки. Они вспоминали былые времена, о своем знакомстве в колледже Харпер, о 60-х годах и о всякой всячине. Я как-то отвлеклась и просто смотрела в окно.

Я заметила эту девушку, когда она еще не открыла дверь. Я даже слегка влюбилась в нее – в девушку с длинными русыми волосами, в девушку в красных ботинках.

Она вошла в бар и наклонилась, чтобы поцеловать своего бойфренда. А потом мы познакомились. Она бегло говорила по-английски, порой переходя на немецкий, французский, а потом снова на английский. У нее был праздник – ее приняли на работу в газету! Девушка оказалась журналисткой. Я сказала, что тоже хотела быть журналистом. Она посмотрела на меня и сказала:

– Ты ведь знаешь, что они платят за всякое дерьмо? Merde!

А потом, отхлебнув пива у своего бойфренда, она продолжила:

– Извини, но я как-то не в себе... Я отвалила за эти ботинки чертову кучу денег – и посмотрите только! Merde!

Она наклонилась, сняла красный ботинок с правой ноги и показала нам треснувший каблук. Мужчины тут же заверили ее, что у нее есть все основания для огорчения. Она должна немедленно вернуть ботинки в магазин. И я тоже согласилась. Да, да, нужно тут же отнести их в магазин! Но, на самом деле, я была уверена в том, что эта девушка, ее акцент, темперамент, постоянное «merde» в речи и ее красные ботинки их просто загипнотизировали. Я-то уж точно была под гипнозом! Ей было двадцать семь, а мне двадцать четыре. Она была француженкой, а я – американкой. И я решила, что со временем буду такой же, как она.

Моя следующая встреча с красными ботинками состоялась в городе Уимберли, штат Техас. Я принимала участие в конференции писателей, происходившей в Остине, и мой друг, Джоэл, приехал в Остин за мной, чтобы я смогла встретиться со своей доброй подругой, наставницей и музой Полой Мартин. Но прежде чем направиться в их дом, расположенный в горах, мы с Джоэлом остановились пообедать у реки. Прямо перед рестораном я увидела винтажный магазин ковбойской обуви. Я примерила пару красных ковбойских ботинок. Сидели они прекрасно. И вообще – это были те же самые ботинки, что Мэг Райан носила на студии Paramount (много лет назад я была страстной поклонницей этой актрисы!). На ней было легкое платье в цветочек, и она была немного беременной. Мэг тогда ходила с длинными волосами, потому что только что закончила сниматься в фильме The Doors. Но зачаровали меня ее ковбойские ботинки. Их массивность делала Мэг особенно нежной, очень женственной, почти хрупкой. До этого дня я даже не думала, что кто-то может так носить ковбойские ботинки. Я всегда считала, что надевать их нужно с джинсами и ковбойской шляпой, танцевать в них в стиле «кантри», отправляться на родео – ну, полагаю, ход моих мыслей вам ясен. Для меня ковбойские ботинки не существовали!

И вдруг все изменилось.

Что я хочу сказать? В нас всех и в каждом из нас есть что-то от Мэг Райан. В нас всех есть что-то от той французской девушки, у которой в Амстердаме треснул каблук. Потому что,

замечаете вы это или нет, но вы постоянно кого-то вдохновляете. Вы меняете жизнь другого человека навсегда.

И вот я в Лилле – и примеряю красные ботинки. Конечно, это не ковбойские ботинки, а нечто среднее между ботильонами и ковбойскими сапогами. У них такие очаровательные маленькие ушки! Я спрашиваю у продавщицы, есть ли мой размер. К счастью, на коробках

были указаны не только европейские размеры, но еще и английские, итальянские и американские. Она уходит в подсобку и возвращается с коробкой. Продавщица не помогает мне надеть ботинки, и я ей за это благодарна. Такая чрезмерная любезность меня всегда смущает. Сама не знаю почему, но я чувствую себя ужасно неловко.

Ботинки мне в самый раз! Они созданы для прогулок! Я уже люблю эти ботинки. Я прохаживаюсь по магазину, и все продавщицы согласны со мной. Я отлично выгляжу в этих ботинках. Я люблю отражением своих ног в зеркале и понимаю, что эти ботинки куда лучше ботинок Мэг Райан. Они очень стильные, современные, богатого, глубокого клюквенного оттенка. Вы уже знаете, что я равнодушна к красному.

Я несу ботинки на кассу и говорю, что хочу купить их. Женщина за кассой одобряет мой выбор, но говорит, что этим ботинкам нужна *protección*^[27]. На французском это слово звучит очаровательно, не так, как по-английски.

– О чем это вы? – спрашиваю я.

И женщина объясняет, что эти ботинки категорически нельзя носить в дождь, иначе они потеряют цвет.

– Вы хотите сказать, что они не будут красными?!

– Oui^[28], – печально произносит продавщица и достает из-под стойки большую канистру. Это средство по уходу за обувью. Надпись на канистре английская, потому что выбранные мной ботинки изготовлены в Нидерландах, а не во Франции. Так что мои ботинки снова напоминают мне ту француженку, которая поразила мое воображение в Амстердаме. Я спрашиваю, нельзя ли обработать мои ботинки прямо здесь. Продавщица отвечает, что это невозможно. Нужно сначала купить это средство. Я объясняю, что не могу купить целую канистру, потому что не смогу взять ее с собой в самолет. Да и вообще мне не хочется таскать ее по всей Франции – я ведь собираюсь в Париж, потом в Нормандию, Руан и на юг. Впрочем, всего этого я не говорю. Я говорю:

– Ça va bien!^[29]

Я обойдусь без этого средства. Пусть будет, что будет. Я хочу эти красные ботинки.

Продавщица передает мне пакет с коробкой. Она встревожена:

– Vous comprenez? Sans *protección*!^[30]

Я забираю пакет и успокаиваю ее:

– Je comprends. Sans *protección*.^[31]

И вот я выхожу из обувного магазина с красными ботинками,

но без защиты.

Красота – в контексте. Подумайте об этом – шерстяной берет в Америке выглядит шикарно и забавно. Когда же вы наденете свой обожаемый берет в Париже, подружки-француженки начнут умолять, чтобы вы его немедленно сняли. Это не стильно. И напоминает фильм Чевы Чейза «Отпуск в Европе». Во Франции в берете нет иронии. Вы притворяетесь француженкой. А в Америке? А вот в Америке это просто фантастика!

То же самое происходит с одеждой. Может быть, ваш плащ давно утратил в ваших глазах всю красоту, но попробуйте поменяться с подругой. Так вы не только вдохнете в старую одежду новую жизнь, но еще и сможете переосмыслить весь свой гардероб.

У вас есть какие-то культовые предметы? Для меня это полосатая матроска, а для вас, может быть, пара двухцветных туфель или браслет с подвесками, который принадлежал вашей любимой тетушке. А может быть, это свитер, который ваш бойфренд носил в колледже – и иногда одалживал вам. Будем честными – это тот свитер, который вы периодически у него крали, потому что вам безумно нравился его запах.

У одежды есть свой язык и свои желания. Когда вы в следующий раз выйдете из дома в составленном самостоятельно ансамбле, вспомните, что вы вступили в разговор, который начался много, много месяцев назад – и все еще продолжается.

И, наконец, признайте, что, когда речь заходит о красных ботинках или о людях, никакой «защиты» нет. Мы полагаемся на судьбу. Мы выходим в дождь. Мы отправляемся в далекий путь и должны быть смелыми и надеяться на лучшее. Но, в конце концов, нам не дано предвидеть будущее.

Que sera, sera^[32].

Глава 9

Француженки не делают пластику

Я в доме у Нэнси – точнее, на ее кухне. Нэнси собирает свою дочь Лекси на вечерние занятия в школу. Она дает няне список и одновременно напоминает мне, что я не должна расслабляться.

– Когда же, наконец, ты закончишь свою книгу?!

– Скоро, скоро, – отмахиваюсь я.

– Верю, верю, – широко улыбаясь, подмигивает мне Нэнси и наливает чашку кофе.

Нэнси – высокая блондинка с самыми голубыми глазами на свете. Должна сказать, что она – американка, но живет во Франции вот уже тридцать лет – с того самого дня, когда вышла замуж за доктора-француза. Всякий раз, когда мы встречаемся, я поражаюсь, насколько она не похожа на основную массу француженок. В Париже вам сказали бы, что Нэнси приехала из Норвегии или Швеции, но уж никак не из Нью-Йорка. Она блондинка. Высокая, стройная блондинка.

Мы с Нэнси познакомились в 80-е годы, когда работали в компании Estee Lauder, поэтому наша дружба проверена годами. Она на десять лет моложе меня, но очень практичная и часто напоминает мне, чтобы я не расслаблялась и не отклонялась от решения поставленной задачи. Мы обе работали в отделе международных продаж, но потом пути наши разошлись. Я стала художником и писателем, а Нэнси осталась в косметической индустрии и добилась очень, очень большого успеха. И теперь она вице-президент по маркетингу одной из крупнейших и очень престижных косметических компаний мира StriVectin. Сегодня я пришла, чтобы поговорить с ней о красоте, уходе за кожей, духах, ooh la la и обо всем, о чем она сама захочет. И в данный момент она хочет разъяснить мне, как нужно развивать писательскую карьеру.

– Ты должна писать по книге в год. И не останавливаться на этом! – говорит она, одновременно проверяя, положила ли ее младшая дочь в рюкзак футболку.

Должна признаться, вся эта сцена кажется мне немного забавной. Я помню, какой сумасбродной была Нэнси в свои двадцать, как она допоздна веселилась в клубах, танцевала до упаду, пила «белый русский»

и порой приходила на работу, даже не заходя домой. Я тогда была молодой матерью и в пять вечера торопилась домой, чтобы успеть забрать свою малышку и что-нибудь купить на ужин.

Но прошло тридцать лет – и вот мы уже идем по улице Пасси, а между нами шагает младшая дочь Нэнси. На светофоре мы останавливаемся. Нэнси поворачивается ко мне и говорит, чтобы я обязательно рассказала американским женщинам, что им нужно перестать стараться выглядеть молоденькими девушками.

– Послушай, ты должна сказать им, что мужчины не поворачиваются вслед девушкам, по которым видно, какая огромная работа над собой ими проделана.

– А вслед кому они поворачиваются? – спрашиваю я.

Честно говоря, я уже знаю ответ, но мне хочется, чтобы об этом сказала Нэнси.

И она говорит.

– Вслед молоденьким девушкам!

Но я не унимаюсь:

– А разве американские женщины не пытаются выглядеть молоденькими?

Зрелые француженки не лезут из кожи вон, чтобы казаться на 10 лет моложе. Их стратегия красоты: заботиться о коже и вести себя соответственно возрасту.

Загорается зеленый свет, и Нэнси, подхватив Лекси, устремляется вперед.

– Это просто ужасно – и это не работает! – восклицает она.

– А как же им поступать? Что им делать, если они хотят, чтобы им вслед оборачивались?

И я действительно хочу получить ответ – не столько для читательниц, сколько для себя.

И Нэнси, как всегда, отвечает прямо в лоб:

– Заботиться о своей коже и вести себя соответственно возрасту.

Вау! Очень прямолинейно.

Мы оставляем Лекси в школе и возвращаемся обратно на улицу Пасси. Нэнси ведет меня в Marionnaud. Это знаменитая французская сеть парфюмерных магазинов, где торгуют духами, косметикой и товарами для ухода за телом и кожей. Нэнси спрашивает у консультанта, как продается какой-то продукт ее компании – она всегда на посту. А потом она объясняет мне, как француженки относятся к красоте.

– Главное – хорошо чувствовать себя в собственном теле и быть сексуальной, – начинает она. – Вот почему француженки следят за фигурой, делают очень естественные прически, носят высокие каблуки и покупают красивое белье.

Сама-то Нэнси в очаровательных балетках!

Она встряхивает головой и шепчет мне:

– Женщины здесь стараются оставаться сексуальными до тех пор, пока им не подадут катафалк!

– Значит, они делают подтяжки, – говорю я.

В этом Нэнси непреклонна.

– Нет! – восклицает она, а потом добавляет, что я обязательно должна написать о том, что женщины просто обязаны поддерживать друг друга, когда их лица с возрастом начинают меняться. – Мы должны перестать твердить женщинам, что от ботокса они становятся красивыми, потому что, честно говоря, сами в это не верим. И мы должны перестать подчеркивать, что только молодость – единственный рецепт красоты. И, в конце концов, кто-то должен им сказать, что мужчины оборачиваются вслед очаровательным молоденьким девушкам, а вовсе не вслед натянутым, накачанным ботоксом и силиконом зрелым дамам.

Вау! Сильно сказано! Но Нэнси занимается уходом за кожей. Она живет в Париже вот уже тридцать лет и знает, о чем говорит.

Мы продолжаем наш разговор, переходя в отдел духов. Нэнси объясняет мне, что француженки каждые три недели ходят к косметологу на эпиляцию.

– Они не ходят на маникюр или педикюр, предпочитая самостоятельно ухаживать за ногтями. Они не делают пластических операций, а просто стараются хорошо выглядеть. Нет, они никогда не перегибают палку!

С этими словами она берет пробник духов White Linen фирмы Estee Lauder, брызгает ими на белую картонку, протягивает картонку мне и спрашивает:

– Помнишь, как здорово было?

Я делаю вдох и улыбаюсь.

– Но «в духе ли это Эсте Лаудер»? – спрашиваю я с серьезным видом.

Француженки не ходят на маникюр или педикюр, предпочитая самостоятельно ухаживать за ногтями. Они не делают пластических операций, а просто стараются хорошо выглядеть. Они никогда не перегибают палку!

Нэнси хохочет. Только тот, кто работал на фирме в 80-е годы, поймет смысл моих слов. В те времена на каждой стойке стояло восемь-десять зеркалец в золотой оправе, на которой было написано: «В духе ли это Эсте Лаудер?». Это должно было стимулировать девушек Лаудер (а мы все были девушками Лаудер, а никак не женщинами) к тому, чтобы постоянно задавать себе этот вопрос во время телефонных разговоров, заполнения модных бюллетеней или написания рекламы для новинок фирмы: «А одобрила ли бы это миссис Лаудер? Стала ли бы она жевать резинку? Никогда! Стала ли бы она расчесывать волосы за столом? Ни за что на свете!»

Мысленно возвращаясь в те дни, я понимаю, что мы принадлежали к особому братству, а миссис Лаудер правила нами безраздельно. И под ее любящим руководством мы вывели на международный рынок культовые духи Beautiful.

Нэнси ставит флакон на полку и говорит мне:

– Знаешь, французские женщины – настоящие мастера соблазнения. Они хотят быть естественными и живыми. Вот почему они никогда не делают ничего экстремального – идет ли речь о духах, макияже или ярких украшениях. Они хотят чувствовать себя красивыми, а это не связано с возрастом.

Красивыми. Beautiful.

Всего одно слово, но как много оно значит. Мы постоянно говорим это слово, не вдумываясь в его смысл. Вот вы сидите за столом с бокалом хорошего вина и любуетесь летним закатом. Или впервые смотрите в лицо своего новорожденного ребенка. Или с почтением держите за руку умирающую мать. Она привела вас в мир, а сейчас ее лицо такое спокойное, умиротворенное... Наконец она не чувствует боли... И вы думаете: «Как же она красива!»

Во Франции у красоты нет срока годности.

Американские женщины каждый день видят перед собой снимки молодых красоток, и смысл этой пропаганды абсолютно ясен. Красота свойственна молодости. Об этом можно даже не говорить – это очевидно. Но правда ли это? Недавно мне попался номер французского журнала Vogue. Главная статья была посвящена американскому модельеру Тому Форду. Статью сопровождали его фотографии ослепительных *femmes d'un certain âge*^[33] в его платьях и костюмах. Женщины эти были не молоды, но прекрасны. И большинство из них даже не были француженками. Мы все знаем роскошных французских *femmes d'un certain âge* – Изабель

Аджани, Катрин Денев, Изабель Юппер. Но во французском журнале мы увидели американку Лорен Хаттон в белом жакете и белой шляпе с непременным перышком за лентой. Наша американская актриса Мариза Беренсон позировала с распущенными по плечам кудрями в расшитом блестками синем платье до пола. Американская художница, муза модельера Рэчел Фейнштейн тоже приняла участие в этой фотосессии. Ее рыжие волосы в сочетании с малиновой помадой, лаком для ногтей и болеро из органзы напоминали экзотический десерт. А дальше следовали фотографии Эли Макгроу в белом плаще и Дафны Гиннесс в леопарде. Я спросила себя, почему мы никогда не встречаем фотографии этих роскошных женщин в американских модных журналах – ну или крайне редко? Почему увидеть их можно только в рекламе кремов для увядающей кожи, а не на глянцевах разворотах?

В этом французском выпуске была напечатана серия совершенно шокирующих фотографий Тома Форда. Точнее, шокирующих с точки зрения типичных американцев. Да, да, это было нечто такое, чего никогда не увидишь в американских выпусках *Vogue*, или *Elle*, или *Glamour*, или *Allure* или, господи прости, *Self* (все эти журналы я люблю и читаю). Во французском журнале *Vogue* Томом Фордом восемь страниц были отведены фотографиям пожилых супругов, которые страстно целуются, прикасаются и даже ласкают друг друга! Камера словно нарочно ловила самые сексуальные моменты в жизни этих пар. На снимке были запечатлены седые мужчина и женщина, на лицах которых видны морщины и даже возрастные пигментные пятна на руках. Им явно было за семьдесят, а то и больше.

С годами женщина становится только красивее.

Одри Хепберн

Там были приведены слова Тома Форда: «Je suis fatigué par le culte de la jeunesse»^[34].

И не только он один. Во Франции вы повсюду встретите красивых, стильных зрелых женщин – не только в Париже и крупных городах, но и в небольших деревнях. Они сексуальны, и все это признают. Их считают сексуальными, потому что они стали старше, мудрее и более опытные. А опыт – это очень мощная сила и очень привлекательная.

Вопрос в другом, почему в Америке не так? Почему мы считаем, что красота – это исключительно молодость, неопытность и отсутствие знаний? Мне кажется, что нам просто нужно изменить свой взгляд

на жизнь.

Мы часто видим фотографии зрелых, даже пожилых мужчин с морщинистыми лицами, седыми волосами и узловатыми руками. Но их мы воспринимаем как воплощение мужской красоты. Вспомните Клинта Иствуда, Шона Коннери, Гарри Дина Стэнтона, Криса Купера и Харви Кейтеля. Этих мужчин нельзя назвать красавцами, но они привлекательны, интересны, сильны. Их снимки можно часто видеть на страницах модных журналов. Поговорите с молодыми девушками и женщинами двадцати-тридцати лет, и они скажут вам, что эти мужчины привлекательны. Удивительно, но двадцатилетние девушки реагируют не на физическую красоту. Их привлекает харизма опыта и достижений.

И остается только гадать, почему мы не столь же великодушны по отношению к женщинам? Это не тривиальная проблема. Если бы мы жили у источника молодости, мы погибли бы из-за него. Задумайтесь: идет борьба за молодость любой ценой, вне зависимости от биологического возраста. Не говорит ли это молодым женщинам о том, что взрослеть и выглядеть старше – это ужасно? Не лишаем ли мы себя тем самым одного из величайших даров взросления – уважения? Зрелые мужчины, достигшие успеха, не скрывают свой возраст, но при этом занимают достойное место в национальном самосознании. Такой мужчина говорит: «Да, я стар, у меня есть морщины и шрамы, и я не боюсь показать их!» Женщинам же, независимо от возраста, никогда не заслужить подобного уважения. Они никогда не становятся своего рода «старейшинами» для представителей молодого поколения. И мы, женщины, очень многое теряем, как теряют и наши дочери и внучки, которым нравится видеть нас, но которые приходят в недоумение, если мы пытаемся вести себя, как их ровесницы.

Мне очень нравятся фотографии художницы Джорджии О'Киф – особенно те, где ей уже за восемьдесят. На ее лице морщины, но при этом она прекрасна, потому что осталась самой собой. Она – источник вдохновения, и я знаю многих женщин, которые со мной согласны. Так почему мы не можем быть такими же?

Почему мы не остаемся женщинами, которые сильны и прекрасны в силу своего возраста, а не наперекор ему? Это правильно. Это жизнь. И это очень по-французски.

* * *

Мне нравятся слова Нэнси о том, что красота никак не связана

с возрастом. Я вспоминаю массу моментов, когда мне что-то нравилось и казалось красивым именно благодаря возрасту. Как-то я пришла на рынок, чтобы купить винтажную скатерть. И вдруг мне на глаза попался маленький кованый диванчик. Он был весь ржавый и нуждался в ремонте. В любви и заботе. Его нужно было заново покрасить. Но он показался мне прекрасным. Думаю, многим из нас знакомы подобные чувства. Мы ценим возможность спасти сокровище, потому что чувствуем его потенциал. Мы умеем заглядывать за царапины и сколы, потертости и дыры. Мы способны разглядеть нечто исключительное. Исключительное не вопреки ранам времени, а благодаря им.

Когда речь заходит о мебели, о детях, о закатах или о восхитительной еде – мы очень щедры на слово «красиво». Но мы не всегда проявляем ту же щедрость духа по отношению к себе самим. Наоборот, мы слишком суровы, а порой даже жестоки, когда речь заходит о том, что мы видим в зеркале – особенно в определенном возрасте. Наша американская культура жестока к зрелым женщинам. К женщинам среднего возраста. Видите ли, в Соединенных Штатах нет даже деликатного выражения для обозначения стильной, загадочной – я бы даже сказала, красивой зрелой женщины. Нам приходится заимствовать слова у французов. А они знают в этом толк! *La femme d'un certain age*. Женщина определенного возраста. Как это загадочно!

Да, во Франции вы встретите много красивых и уверенных в себе *femmes d'un certain age*. Потому ли это, что они от природы красивее женщин американских? Или потому, что они более уверены в себе и считают себя красивыми, несмотря на свой возраст? Думаю, справедливо последнее. И это хорошая новость для американских женщин. Это означает, что, приложив определенные эмоциональные и интеллектуальные усилия, мы тоже можем стать красивыми в этом таинственном французском смысле слова – не вопреки своему возрасту, а благодаря ему. Да, эта внутренняя работа может сочетаться с работой внешней, но ключ к красоте «по-французски» лежит в полном понимании и принятии самой себя. Французский подход к красоте начинается со знания – не простого знания мира, но понимания своего места в нем. С самопознания. И, опираясь на это знание, мы можем наращивать уверенность и ощущение благополучия. Мы можем быть щедры к себе и любить себя. И это один из самых главных секретов французских женщин. Теперь вы его знаете.

Глава 10

Запах женщины

Мы с Нэнси выходим из магазина на улицу. Нам пора расставаться, так как Нэнси должна вернуться на работу. Но перед уходом она успевает дать мне урок истории французской парфюмерии и рассказать об уникальных французских парфюмерных магазинах, в которые приходят специально, чтобы выбрать аромат. В Америке ничего подобного нет.

– Традиционные парфюмерные магазины умирают, – говорит Нэнси. – Дамы определенного возраста все еще ходят сюда, но появление Sephora все изменило. Это чисто французская компания. И настоящая революция для Америки. Сюда ходят молодые женщины, потому что это нечто новое. Зрелые женщины не ищут самые новые кремы для кожи и покупают косметику в Pharmacie^[35]. Они и дальше будут так поступать, потому что там можно купить косметику самых известных марок: Chanel, Dior, Givenchy, Clarins.

Хочу сразу же пояснить, французская Pharmacie не имеет ничего общего с нашими CVS или Rite Aid. Здесь продают специализированные кремы и другие косметические товары. Здесь есть косметолог, который может принять вас в небольшом кабинете, расспросить о ваших проблемах и выписать вам конкретное средство. Иметь рецепт от своего врача необязательно, поскольку французские аптекари имеют право выписывать рецепты.

Нэнси продолжает урок, посвященный секретам французского обаяния.

– Французские женщины, – говорит она, – не экспериментируют, изменяя режим ухода за собой. Они предпочитают крупные бренды, хранят им верность и не спешат что-то менять.

Я спрашиваю, действительно ли француженки никогда не делают пластических операций, и Нэнси признает, что некоторые из них все же решаются на подтяжку, но после пятидесяти пяти лет.

– Ни в коем случае не раньше, – говорит она. – И очень, очень легкую. Они больше доверяют антицеллюлитным кремам и водам для снятия стресса. Все француженки отправляются на воды после рождения ребенка. Они могут позволить себе принимать спа-процедуры в течение недели,

даже если и небогаты. Это отличная детоксикация. Никакой работы, никаких упражнений. Целый день бродишь в халате, принимаешь ванны с водорослями и обливаешься в душах.

«Вау! – думаю я. – Как здорово! Нужно попробовать! Неделя детоксикации в спа пойдет мне на пользу!»

Перед тем как расстаться, Нэнси уговаривает меня зайти в один из традиционных парфюмерных магазинов на улице Пасси. Я обещаю, мы целуемся и расстаемся. Я наблюдаю, как Нэнси энергичным шагом удаляется от меня. И мне немного грустно, что наше маленькое «братство Лаудер» распалось.

Но обещание дано, и я направляюсь дальше по улице Пасси и нахожу тот самый магазин. Я открываю дверь, звякает маленький колокольчик, и я оказываюсь в мире французских ароматов! Secrets de femmes^[36]. Это целый мир!

Поначалу зал кажется мне пустым. Точнее, не совсем пустым. За длинной деревянной стойкой стоит женщина неопределенного возраста. Ее черные волосы собраны в аккуратный пучок. На ней белый жакет, который напоминает мне врачебный халат. О, она пользуется ярко-красной помадой! Я вхожу, она кивает мне и тихо произносит:

– Bonjour, Madame!

Я отвечаю ей так же тихо:

– Bonjour, Madame!

После этого мы погружаемся в молчание. В зале царит полная тишина, такая, что кажется, произнеси мы хоть слово, оно эхом раскатится по всему залу. Но на самом деле звуки поглощает стекло. За стойкой тянутся длинные полки, заставленные бутылочками и флакончиками. Некоторые бренды мне знакомы – культовые духи Chanel № 5, новый аромат Daisy от Marc Jacobs и, конечно же, Miss Dior's Cherie. Другие духи мне незнакомы. Честно говоря, мне немного страшновато. Но женщина-парфюмер спрашивает, не может ли она помочь мне, и я просто говорю:

– Меня интересует Miss Dior.

Женщина достает флакон с полки, распыляет духи на карточку и протягивает мне. Должна заметить, что карточка просто прелестна. Она розового цвета и сложена, как маленький подарок с бантиком. Внутри фотография Натали Портман с флаконом в губах: красивая актриса мечтательно смотрит куда-то вдаль. Я подношу карточку к носу и делаю вдох. Признаюсь – эти духи не для меня. Я сразу же это понимаю. И дело совсем не в безошибочно узнаваемом аромате пачулей. Эти духи просто слишком юны для меня. Правда. И не только потому, что их рекламирует

Натали Портман. Поэтому я говорю женщине-парфюмеру, что эти духи мне не подходят, она улыбается и качает головой, словно показывает: «Я это сразу поняла». Мы немного болтаем о жизни, путешествиях, Париже и духах. Я сообщаю ей, что пишу книгу и хочу узнать о духах побольше.

И тогда она приносит флакон, который выбрала специально для меня. Флакон просто потрясающий. Серебряная крышка напоминает седло. Под крышкой обнаруживается пульверизатор.

– Это Voyage d’Hermès^[37], – говорит женщина.

Отличное название – «Путешествие». Я – настоящая путешественница, и эти духи мне наверняка подойдут. Я смело брызгаю их на запястье и начинаю растирать, но женщина-парфюмер сразу же меня останавливает. Она шокирована. Я спрашиваю, что сделала неправильно, и она объясняет, что так я разрушаю запах.

Женский парфюм говорит о ней больше, чем ее почерк.

Кристиан Диор

– В химическом смысле, – говорит она, – вы «поцарапаете» ноты.

И потом она показывает, как правильно пользоваться духами. Она распыляет их в воздухе.

– Так испаряется спирт.

Увидев, что мне интересно, она начинает объяснять мне обонятельную пирамиду.

– У аромата три уровня нот. Верхний, средний – или сердце – и нижний.

Она распыляет духи в воздухе и предлагает мне понюхать.

– Видите, верхние ноты можно почувствовать сразу после распыления. Ноты сердца начинают ощущаться позже, а нижние ноты останутся на вашей коже и через несколько часов. Они – самые заметные и очевидные.

Легкий спрей касается моего лица, и я чувствую аромат.

Запах мне нравится. Он очень лимонный и напоминает мне чай со льдом, что я пила у своей бабушки (это был скорее чай со льдом и лимонадом). Я чувствую запах свежескошенной травы, хотя почти уверена, что это лишь мое воображение.

Парфюмер объясняет мне, что запах живет на коже. Вот почему одни и те же духи на разных женщинах могут пахнуть по-разному. Все зависит от химии. Этот аромат совершенно не похож на Диор, и мне он нравится –

в нем не так чувствуются цветочные ноты. Женщина-парфюмер поясняет, что духами Voyage d'Hermes пользуются и мужчины и женщины. Я как-то не уверена, что мне хочется приобрести столь андрогинные духи.

Теперь я понимаю, что выбор духов – процесс более сложный, чем простое определение приятного для себя аромата. Об этом говорила мне Ванесса. Она из Парижа, но сейчас живет в Квебеке и работает маркетологом в крупнейшей косметической и парфюмерной компании Канады Lise Watier. С Ванессой меня познакомила Джессика Ли – помните мою замечательную подругу и спутницу, о которой я рассказывала в книге «Француженки не спят в одиночестве»? Мы втроем (а с нами еще пара мужей и бойфрендов и несколько француженок) недавно встретились в Монреале во французском ресторане Cossagne в районе Плато Мон-Рояль. Ванесса оказалась очень интересной и очень красивой женщиной. Мы сразу же начали разговаривать о красоте и духах. Забавно: по-французски *neiges* означает «снег», и эти духи занимают первое место по популярности в Монреале и входят в пятерку самых популярных духов Канады. А я никогда о них не слышала! Это духи от фирмы Lise Watier. Мне очень понравилось, что канадские женщины пользуются духами «Снег», потому что аромат духов очень многое говорит о человеке, позволяя раскрыть его истинную личность человека и мечты. Выбор духов – очень личное дело каждой женщины.

Ванесса говорит, что

духи погружают женщину во вселенную ее воображения.

Иногда духи выбирают, потому что они напоминают об определенном периоде жизни, каком-то особом месте или человеке. Выбор духов связан с чувствами, с тем, что вы хотите чувствовать и какой хотите показаться окружающим.

Позже мы побеседовали с Ванессой о том, как она выбирала духи в молодости, когда жила во Франции. И вот что она мне рассказала.

– Первыми моими духами были Courreges in Bleu. От фирмы Courreges. Я на всю жизнь запомнила, как мы с мамой пришли в парфюмерный магазин. Sephora еще не было, и мы обратились к косметологу-консультанту. Мне тогда было тринадцать, и я хотела найти что-то свежее и легкое. Не слишком сильное. Это был настоящий ритуал. Я думала: «Боже мой, наконец-то я вхожу в настоящий женский мир. В мир дизайнерских духов». В то время мы жили в Булони. В 80-е годы моя мама пользовалась духами Nahema Perfume от Guerlain.

В те годы те, кто приходил в парфюмерный магазин, должны были

либо знать, что они хотят, либо попросить консультанта предложить что-то на выбор. Это был целый ритуал. Мама выбирала духи для себя, а я чувствовала, что попала в мир женственности, ритуалов и секретов. Мама тогда сказала: «Ванесса, тебе нужно найти такие духи, которые соответствовали бы тому, какая ты есть на самом деле».

И вот сегодня, когда я стою в парижском парфюмерном магазине, окутанная облаком ароматов, я понимаю, что это совсем не просто. Важно понять не то, какой запах мне нравится. Нужно осознать, какова я есть на самом деле.

А действительно, *кто я?* И неожиданно мне начинает казаться, что я участвую в философском диалоге Платона и Сократа. Эта женщина-парфюмер не просто обладает знаниями об обонятельной пирамиде. Она обладает мудростью самопознания. А это очень серьезно.

В 80-е годы мы с Нэнси познакомились с еще одной девушкой, работающей в компании *Lauder*. Ее звали Дебра Дэвис. Я до сих пор дружу с Деброй. Она открыла собственную фирму по связям с общественностью, но часто говорит о том, что ей следовало бы стать «носом». Так называют специалистов высочайшего класса, создающих новые ароматы. Дебра – очень интересная женщина. Она вышла замуж, когда я работала в *Estee Lauder*. Ее мужу нравились мужчины, а ей – женщины, но никто об этом не знал. Они познакомились в 70-е годы и вступили в брак ради взаимного удобства. Деб носила одежду в стиле Кейт Хепберн – широкие брюки и водолазки. Ей нравились костюмы простого покроя – пышная грива вьющихся волос сама по себе была ее украшением. Она почти не пользовалась макияжем. Но, поскольку все мы получали бесплатные образцы, Дебра любила *Night Repair* нашей фирмы. Недавно она рассказала, как вместе с мужем ездила в Испанию на свадьбу кузины. Вся молодежь знала, что они с Марком – необычная семья, а представители старшего поколения ни о чем не догадывались. На свадьбе Дебра познакомилась с девушкой из очень богатой испанской семьи, и та рассказала, что и она сама, и ее сестры пользуются *Eau Savage* от *Christian Dior*. Мужские духи! Это было настоящим откровением. Дебра начала пользоваться этими духами – и это позволило ей открыть саму себя.

Вот насколько сильным и вдохновляющим может быть аромат. Наверное, поэтому я сама никак не могла найти для себя нечто столь же глубокое.

Да, да, несмотря на то, что я столько лет проработала в крупной парфюмерной компании, я никогда не пользовалась духами.

В молодости я предпочитала запах мыла *Ivory* – чистый, свежий,

бодрящий. Идея духов казалась мне... ну, не знаю... старомодной, что ли. Я вспоминала свою мать и ее Chanel № 5 – духи стояли на ее туалетном столике так долго, что успевали испортиться. Но я не знала, что духи испортились. Мне было всего пять лет, я дотянулась до флакона и обрызгала духами шею, руки и грудь. Боже, как же от меня пахло! Но я думала, что взрослые женщины именно так и должны поступать! Мне придется к этому привыкать.

Когда же я уже была готова пользоваться духами, ими у нас никто не пользовался. Начинались 70-е годы, и духи вышли из моды. Настоящим феминисткам духи ни к чему! Тогда повсюду проходили марши и митинги этих отважных женщин.

Но мне все равно очень нравились душистые шампуни Herbal Essences. Я представляла себя девушкой, рекламирующей их. Вот я мою волосы – обнаженная, под огромным пальмовым листом. Вокруг меня летают попугаи, а по веткам скачут мартишки. Сама природа восхищается моими великолепными длинными медово-русыми волосами.

В те дни казалось, что никто моложе тридцати не пользуется духами – до тех пор, пока не появились духи Charlie. И вдруг оказалось, что пользоваться духами – совершенно нормально. Ведь Шарли была деловой девушкой. Она появлялась в сексуальном брючном костюме и шляпе. Она постоянно находилась в движении – днем карабкалась по карьерной лестнице, а по вечерам расслаблялась в джазовых клубах. Немного Charlie – и она пахла восхитительно, не приторно сладко, а стильно, классно и весело, так, как в нашем воображении могла бы пахнуть Энни Холл. И я подумала, что если буду пользоваться этими духами, то стану девушкой из фильмов Вуди Аллена, все будут считать меня стильной и независимой. Но потом мы все узнали, что Charlie – это духи от Revlon. И хотя ничего плохого об этой фирме сказать было нельзя, ее продукция была доступна всем – и самим девушкам, и их младшим сестрам. И все вокруг стали благоухать этими духами. Очень скоро появилась даже обидная фраза: «О, она пользуется Charlie!»

Настал 1981 год, и все стали ходить на дискотеки и не расставаться с яркой, блестящей губной помадой. Я нашла себе временную работу в юридической фирме в центре города. Отлично помню, каким невероятным казался нам запах духов Opium. Корица и апельсин, головокружительная смесь благовоний и пачули. Запах этот прочно поселился в лифтах Всемирного торгового центра, здание которого только еще построили к тому времени. Помню, как сложно было открывать магазины на подземном уровне. Места было так много, что там легко было

заблудиться. Казалось, ты попадаешь в волшебную страну Оз. Но тогда в Нью-Йорке все было грандиозным, прекрасным и невероятным. Благоухавшие духами женщины с пышными прическами в пиджаках с широкими плечами сводили меня с ума.

А в 1984 году я пришла в компанию Estee Lauder и познакомилась с Нэнси и Деброй. Они были моложе меня, обе не замужем. Они ходили по ночным клубам и пользовались духами Opium. Я же сидела дома и наблюдала за их жизнью со стороны. Я предпочитала духи Prescriptive Aromatique, потому что этот аромат сулил покой молодой матери, работавшей на полную ставку. Именно в этом я и нуждалась. Днем я смотрела на свое отражение в зеркале, которое постоянно спрашивало меня: «А это в духе Эсте Лаудер?» Я уже понимала, что именно может быть в духе Эсте Лаудер, но еще не знала, подходит ли это мне или нет.

И вот, прошло много лет, и я стою в парижском парфюмерном магазине и вдыхаю теплый, розовый аромат духов Sensuous Nude^[38] от Estee Lauder. Да, да, хотя я ни словом не обмолвилась о моей прежней работе, французская женщина-парфюмер выбрала для меня именно эти духи.

Честно говоря, я немного смущаюсь. «Обнаженная чувственность»? Очень провокационное название. Да, это аромат для взрослой женщины. И я никак не могу решить: следует ли мне выбрать «Путешествие» от Эрме и быть женщиной, работающей, как Хемингуэй, путешествующей по Европе с маленьким блокнотом «молескин», выпивающей в Harry's – ну разве что не увлекающейся рыбалкой и не участвующей в гражданской войне в Испании? Нет, пожалуй, лучше стать чувственной – и обнаженной – женщиной в духе Колетт, которая все дни проводит в постели, обложившись бумагами и ручками, поедает шоколадные конфеты и ночи напролет занимается любовью – после сексуальной пантомимы в «Мулен-Руж».

И я соглашаюсь. Да, я выбираю Sensuous Nude. А вдруг я притворяюсь? Выходя из магазина с маленьким пакетом, я думаю:

Я дорасту до этих духов. Может быть, сейчас я еще не такая, но я обязательно стану женщиной, которая пользуется духами Sensuous Nude.

* * *

Французских женщин учат сначала понять самих себя и определить свое место в мире. Да, здесь есть из чего выбирать – духов во Франции огромное множество. Но французская девушка должна сначала разобраться, кто она в этом мире, постичь свое истинное «я», а потом уже

искать духи, которые будут соответствовать этой уникальной личности, стилю и интеллекту. Девушки взрослеют, меняются сами и меняют ароматы на более сложные. И эта перемена подчеркивает их жизненный опыт, рассказывает об их путешествиях и достижениях. Французская женщина знает силу аромата и подчиняет ее себе, а не подчиняется ей. Вы тоже можете стать такой – просто попросите помощи и сделайте выбор.

Заботьтесь о своих духах. Летом храните их в холодильнике. Холодные духи очень освежают – так поступала Мэрилин Монро! Некоторые француженки хранят духи в коробках, потому что они могут разлагаться на свету.

У фирменных духов есть большое достоинство. Возможно, вы не в состоянии позволить себе костюм от Шанель или сумочку от Эрме. Но вы всегда можете позволить себе роскошь фирменных духов. Это простой и относительно недорогой способ погрузиться в настоящую роскошь.

Всегда пользуйтесь духами после душа или ванны. Брызните духами в воздух и войдите в это облако. Не наносите духи прямо на кожу. Пусть молекулы окутают вас своей аурой.

Глава 11

Мудрость женщин определенного возраста

Моя американская подруга Дебора Крайнин познакомила меня с просто потрясающей замечательной француженкой Фредерик Дювиньяк, так как считала, что Фредерик – удивительно стильная, необычная и интересная женщина. Дебора в течение нескольких лет, получая аспирантскую стипендию, продолжала обучение в Аргентине, где и встретила Фредерик. Во время отпуска Дебби отправилась на архипелаг Чилоэ, собираясь посетить маленький остров, на котором живут пингвины. И там в первый же день она увидела Фредерик и ее партнера Пьера: они все остановились на одной и той же турбазе, и познакомил их хозяин, потому что у них были одинаковые планы. Они арендовали лодку и провели целую неделю вместе, путешествуя по островам, останавливаясь в разных городах и получая истинное удовольствие от общения.

Хочу сделать одно пояснение. Француженка Фредерик ничего не имела против того, чтобы «поделиться» своим мужчиной с одинокой американкой. Ну что я могу сказать? Только одно: да здравствует сестринский дух!

Мы с Фредерик договорились встретиться в Париже в кафе Le Fumoir. На метро я доезжаю до станции «Лувр-Риволи». День просто великолепный, и я с удовольствием иду пешком до сада Тюильри. У меня в запасе много времени, поэтому я прогуливаюсь мимо фонтанов и обнаженных статуй, слившихся в теплых объятиях. Впрочем, в парке можно встретить и настоящие пары – конечно, не обнаженные, но от этого их объятия не становятся менее пылкими. Они сидят на скамейках и маленьких металлических стульчиках вокруг фонтанов или просто на зеленых газонах. Мраморные девы и юноши явно служат для них источником вдохновения. В парке много детей.

Я дохожу до Лувра, выхожу из парка и иду до улицы Амираль. И тут встречаю Одри Тоту.

Конечно, это Фредерик, но она выглядит, как знаменитая французская актриса, блеснувшая в фильме «Амели»! Она настолько восхитительна, открыта, дружелюбна и мила, что я сразу же ощущаю себя так, словно окунулась в историю, рассказанную в этой замечательной картине.

Конечно, Фредерик – или Фредди, как она любит себя называть – не чувствует моего настроения. Она просто улыбается, пока мы ищем маленький столик с видом на улицу. На Фредерик простой серый топ, а на плечи накинут черный свитер. Она практически не накладывает макияж, а блестящие русые волосы собраны в простой хвост. Я вижу на ней несколько ниток мелких, но очень ярких деревянных бус – похоже, она купила их в Южной Америке.

Мы целуем друг друга в щеки, усаживаемся и заказываем два стакана минеральной воды. Фредерик рассказывает мне о том, как они познакомились с Деб в Аргентине во время отпуска. Я была поражена, узнав, что французские компании не только позволяют, но еще и поощряют подобную практику. Длительный отпуск дает работнику возможность пройти какие-либо курсы, попутешествовать, ухаживать за ребенком или пожилыми родителями или просто восстановить силы. А потом можно вернуться на работу на прежнюю зарплату. Фредерик же собирается заниматься туристическим бизнесом.

– Туризм – это моя страсть, – говорит она.

Мы потягиваем минеральную воду, наблюдаем за жизнью на улице и разговариваем о красоте и стиле. Фредерик замечает, что для нее образцом для подражания всегда была тетя Одиль.

– Мама была сломлена, когда отец бросил ее, – говорит она. – Я была еще маленькой, и мне нужен был пример для подражания – женщина, которая умела бы заботиться о себе.

Фредерик рассказывает о тете Одиль, которая, несмотря на то, что ей уже исполнилось шестьдесят семь лет, ведет очень активный образ жизни: любит кататься на велосипеде, ходит в походы, интересуется музыкой и искусством. Ее тетя, так же как мать, развелась. И, хотя обе сестры воспитывались одинаково, выросли они совершенно разными. Мама так и не оправилась от крушения брака, а Одиль сумела жить полной жизнью.

– Благодаря ей я стала ухаживать за кожей, – говорит Фредерик. Еще когда она была подростком, тетя учила ее: «Ты должна уметь ухаживать за своей кожей!»

Фредерик начала пользоваться ночным кремом Clinique и хранит ему верность и по сей день. Она объясняет это тем, что он значительно дешевле большинства французских кремов.

Элегантность – прерогатива не тех, кто только что вышел из подросткового возраста. Она – достояние тех, кто уже обладает своим будущим.

Коко Шанель

Я всегда спрашиваю французенок, что они хотели бы купить в Америке. Мне особенно интересно, что есть в Штатах такое, чего нет во Франции, потому что, как мне кажется, американцы часто не дорожат тем, что у них есть, воспринимая свои собственные ценности как нечто само собой разумеющееся. И Фредерик замечает, что ей нравится покупать топы в Banana Republic.

– Они страшно милы! – говорит она, а потом продолжает: – Я училась стилю у тети – она всегда подбирала бусы и кулоны к конкретным топам.

Я не скрываю своего восхищения тем, как Фредерик одета – и ее симпатичными деревянными бусами. Она говорит, что мне нужно познакомиться с ее тетушкой и ее подругами, проживающими в Руане. Это всего несколько часов езды от Парижа. И мы договариваемся встретиться через несколько дней в Руане, чтобы я могла сама пообщаться с тетей Одиль.

* * *

Я решаю ехать в Руан на поезде, причем хочу приехать за несколько дней до назначенной встречи и самостоятельно ознакомиться с городом. Руан – старинный город, прославившийся тем, что именно здесь была сожжена на костре Жанна д'Арк, возглавившая французский народ в сражении с англичанами. В ее честь в центре самой старинной части города построена очень современная церковь. Во время Столетней войны девятнадцатилетней крестьянке Жанне д'Арк было видение от Господа, и поэтому, хотя британцы считают Жанну д'Арк безумной предательницей, для французов она – святая.

Вымощенная булыжником площадь окружена ресторанчиками и туристическими магазинами. Я останавливаюсь в скромном отеле неподалеку и вечером отправляюсь ужинать на площадь. Разговорившись с симпатичной парой из Австралии, рядом со мной заказывающей пиццу, я вспоминаю, что мой муж сейчас в Кернсе, изучает кораллы. Оказалось, что они живут недалеко от Кернса, и это чудесный город.

На следующий вечер я решаюсь пройти подальше и нахожу настоящий французский ресторан, пользующийся популярностью у местных жителей. Хотя я пришла в восемь вечера, в зале совершенно пусто. Сначала мне

кажется, что ресторан не очень хорош. Здесь никого нет. Официант вопросительно смотрит на меня и усаживает за маленький столик у дверей. Не самое уединенное место, но зато отсюда очень удобно наблюдать за людьми, потягивая «кир-рояль». К половине девятого зал заполняется. Возникает впечатление, что все получили приглашение: «Ужин в девять. Дресс-код: неформальная элегантность. Приходите со спутником». Вернее, с несколькими спутниками, потому что я вижу много групп, состоящих из двух-трех пар. А вот одиноких женщин я не вижу, хотя за соседним столиком ужинают двое мужчин. Я жду основное блюдо – я заказала тушеную баранину, и ждать ее приходится очень долго.

На меня никто не обращает внимания, и мне обидно. Но тут я понимаю, что все закуски подают примерно в одно и то же время – около девяти. К 9.45 всем приносят основные блюда, и в зале становится очень шумно: каждый хочет быть услышанным, все повышают голос. Вино способствует смеху, и вечер становится очень театральным. Мне кажется, что я тоже играю свою маленькую роль в этом кулинарном празднике. Все заказывают сыр – я отказываюсь, – а потом десерт. На яблочный пирог я соглашаюсь. И кофе. Ресторанный гул затихает, и я чувствую своеобразную послеобеденную грусть. Столики постепенно освобождаются, дамы и кавалеры в элегантных костюмах покидают ресторан. Некоторые из них целуются с хозяином и пожимают ему руки, словно он был режиссером этого замечательного шоу и заслужил, чтобы его поздравили с колоссальным успехом.

Мне тоже хочется его поблагодарить. Потому что, когда я поднимаюсь из-за стола около полуночи, мне кажется, что я побывала на прекрасной вечеринке, и я хочу сказать хозяину спасибо за то, что он пригласил меня в свой дом и дал возможность развлечься и насладиться прекрасной едой.

* * *

– Мы любим Мэг Райан! – сразу же сочли своим долгом сообщить мне три француженки определенного возраста – Алина, Одиль и Франсуаза. Они начинают смеяться и говорить настолько быстро, что мне трудно за ними уследить. Я понимаю, что они считают Мэг Райан очаровательной, очень естественной и очень веселой. Фредерик сообщает им, что когда-то я была помощницей Мэг, и это вызывает очередной взрыв смеха. Как же вам повезло! Фантастика! Fantastique! И мне нечего возразить.

На следующий день Фредерик и ее тетя Одиль – очаровательная женщина, которой дашь скорее сорок семь, а не шестьдесят семь лет – забирают меня и везут куда-то на окраину Руана.

Фредерик сделала мне прекрасный подарок. Она организовала в доме подружки тети Одиль, Алины, небольшую вечеринку. А как же хорош дом, окруженный холмами, плодовыми деревьями и уютным садом. Дом очень старый, это постройка XVI века. Мы выходим из машины, и нас встречают Алина, ее муж Дидье и подруга Алины Франсуаза. Обменявшись любезностями, мы проходим в гостиную – очаровательную комнату, проникнутую духом истории. Пол вымощен яркой плиткой. Кресла в стиле Людовика XIV поражают воображение искусной вышивкой. Я сажусь в кресло и достаю свой блокнот. Фредерик подготовила их, рассказав, что я – американская писательница и хочу узнать, как дамам определенного возраста удастся оставаться стильными и сохранить красоту. Все эти женщины очень красивы – нет, они не выглядят молодыми, но чувствуют и ведут себя абсолютно естественно, что делает их красивыми. Им комфортно в собственной коже.

Дидье – симпатичный седой мужчина с прекрасной улыбкой – целует Алину в щеку и скрывается в соседней комнате. И вдруг я замечаю, что Алина краснеет. Неужели она действительно краснеет? Ей за шестьдесят, у нее совершенно седые волосы, она очень мила, и она действительно краснеет!

Алина – стройная женщина. На ней костюм с прямой юбкой. По белому фону разбросаны розовые и серые цветочки. Возможно, из моего описания такой костюм может показаться вам кричащим, но цвета настолько приглушенные, что создается ощущение простоты и свежести. А белый цвет прекрасно гармонирует с ее волосами. На Алине почти нет макияжа – совсем нет, насколько я понимаю. Но она надела золотую цепочку и красивые золотые серьги. Мы усаживаемся в кружок: Алина и Фредерик напротив меня, Франсуаза справа, а тетя Одиль слева.

Я сразу беру быка за рога и спрашиваю:

– В чем секрет ooh la la?

Женщины смущенно смотрят на меня:

– Что такое ooh la la?

Ну да, это мы, американцы, так говорим о француженках. Не думаю, чтобы сами француженки, посмотрев друг на друга, сказали: «Внимание, подружка! Сегодня мы устроим себе отличное ooh la la!» Поэтому я переформулирую вопрос и спрашиваю, что помогло им обрести такое поразительное чувство стиля. Каждая женщина отвечает по-своему. Алина говорит, что этому она научилась у матери, Франсуаза – наблюдая за другими женщинами. А тетя Одиль сказала, что поняла всю важность и силу одежды, когда начала работать и зарабатывать. Поэтому с первой же

зарплаты она купила себе красивую блузку. Я слушаю ее описание этой блузки, чувствую ее оживление и страсть и понимаю – это настоящая женщина в окружении подруг. На ней потрясающий жакет с вышивкой – очень необычный и стильный. А о первой своей покупке она рассказывает так, словно это произошло накануне.

– Та блузка, – мечтательно говорит она, – была очень дорогая. Зеленая, с длинными рукавами и мелкими защипами. Пуговицы были сзади. Когда я надевала ее на работу, все это замечали и делали мне массу комплиментов!

Алина кивает. Она согласна: одежда значит очень многое. Длительное время она была учительницей.

– Если хочешь чему-то научить детей, нужно быть для них хорошим примером.

– Чем старше становишься, – добавляет Одиль, – тем больше нужно заботиться о себе, о том, во что ты одета, то есть о своего рода «упаковке».

О, «упаковка»! Я даже представила, что эти женщины – три роскошных подарка, красиво упакованных, украшенных бантами.

Франсуаза рассказывает, что, впервые приехав в Америку, она ходила там в туфлях на высоких каблуках и чувствовала, что мужчины смотрят на нее.

– Все смотрели, – добавляет она с лукавой улыбкой.

И это заставляло ее одеваться красиво. И она одевается так до сих пор. Сегодня на ней белоснежная юбка и белый жакет. Жакет расстегнут, под ним – розово-белый топ в полоску. Новый вариант французской матроски! Франсуаза напоминает мне мою кузину Беатрис, не Вайянкур, а Кутюр. И я сразу же проникаюсь к Франсуазе симпатией.

Дамы продолжают обсуждать юбки, платья и высокие каблуки. Они говорят о том, как важно, выйдя на пенсию, продолжать хорошо одеваться и оставаться частью общества.

– И сохранять свою женственность! – добавляет Франсуаза. – Я ношу юбки для своего мужа. Ему это нравится.

– Я тоже надеваю юбку для мужа, – вступает Алина. Она говорит это шепотом, потому что Дидье в соседней комнате, а после рассказывает, что в 1980 году развелась и двадцать лет жила одна, а потом встретила Дидье.

– Когда я познакомилась с Дидье, то поняла, что могу ценить свое тело. Когда оно никому не нужно, то и сама можешь махнуть на себя рукой.

Какова же сила настоящей любви!

Чтобы оставаться в форме, эти дамы несколько раз в год ездят на воды,

в какой-нибудь спа. Франсуаза и Одиль остаются в Нормандии, а Алина предпочитает Испанию и Германию. Все они занимаются гимнастикой, напоминающей нашу аэробику, но не столь напряженную. Это скорее упражнения на растяжку и танцы.

Одиль любит кататься на велосипеде. А еще у нее есть парикмахерша, которая приходит к ней на дом раз в неделю.

– Я плачу приличные деньги, и она моет и сушит мне волосы и заплетает косы. Иногда она делает французские косы, а иногда африканские.

Косы очень идут Одиль. И как замечательно, что эти три совершенно не похожие друг на друга женщины остаются близкими подругами. И я снова вспоминаю свой ужин накануне вечером, ставший событием для всех, кто там присутствовал, событием, которое объединило нас. И здесь тоже возникает чувство общности. И я понимаю, что, надевая красивую зеленую блузку или заплетая волосы в косы, ты становишься частью большого мира. В конце концов, мы все в нем живем.

А потом я прошу каждую даму представить, что они все утро работали в саду, перепачкались в грязи, и вдруг раздается звонок, и кто-то говорит, что придет. У них есть пять минут.

– Что вы сделаете? – спрашиваю я. – Что для вас самое важное?

И все три в один голос отвечают:

– Губная помада!

Второе – поправить прическу, третье – надеть какое-нибудь украшение. А если есть время, то можно быстро переодеться.

Я спрашиваю про духи. Алина любит Miss Dior. Она пользуется ими уже сорок лет.

– Однажды я пыталась попробовать что-то другое, но ничего не вышло. C'est impossible^[39]!

Великолепная тетя Фредерик, Одиль, меняет духи каждые несколько лет. Сейчас она пользуется Cinema от Ива Сен-Лорана.

– Я люблю Cinema, – говорит она. – И запах очень приятный и характерный!

Франсуаза не пользуется духами дома, потому что мужу это неинтересно, но, выходя куда-нибудь из дома, она выбирает что-то легкое. Не могу избавиться от мысли о том, как же это здорово, что дамы согласились пригласить меня и ответить на мои, казалось бы, поверхностные вопросы. Но не спросить их о том, что для меня по-настоящему важно, я тоже не могу: «Помогите мне стать француженкой! Я американка французского происхождения! Я заблудилась. Мои предки

приплыли в Новый Свет в XVII веке, и семья потеряла женские секреты. Пожалуйста, примите меня! Удочерите меня! Введите меня во французский мир – дайте мне провести год рядом с вами, а я за это буду вам готовить и убираться! Я стану вашей служанкой! Только помогите мне вернуться домой!»

Конечно, я ничего подобного не говорю. Я лишь задаю очередной вопрос: что они посоветовали бы американской девушке, обратившейся к ним за помощью, и описываю самый тяжелый сценарий – американка с грязными волосами, плохой осанкой, в плохой одежде, не имеющая ни малейшего представления ни о стиле, ни о красоте. Одиль смотрит на меня – или, вернее, сквозь меня – и спрашивает:

– Но эта девушка... Она хочет измениться?

– Да, конечно, она хочет измениться.

Я в каком-то смысле говорю о себе, хотя мои волосы в порядке, я прилично одета и с осанкой у меня все хорошо. Но, думаю, я действительно прошу этих женщин поговорить именно со мной, но не с той привлекательной женщиной, какая я сейчас, а с той, что я была давно, в своей юности.

Похожая на мою кузину Беатрис Франсуаза говорит:

– Я бы подвела ее к зеркалу и показала, что можно изменить и как нужно двигаться.

Алина научила бы несчастную американку быть аккуратной.

– Даже если она носит джинсы и футболку, одежда должна быть чистой, а сама она с чистыми волосами и в чистой обуви.

Я немного разочарована, потому что ответы их слишком просты. Любая американская мать говорит своей дочери то же самое: не сутулься, носи чистую одежду, смотри на себя в зеркало. Но зеркало сразу же напоминает мне дом Тани. Она повесила огромное зеркало в гостиной так, чтобы, сев за стол, сразу же увидеть свое отражение во время ужина. Очень просто, но зеркала играют в нашей жизни важную роль. Думаю, нам в Америке нужно развешивать больше зеркал. Повсюду, в доме, конечно, но и в магазинах, и в лифтах и даже в самых недорогих сетевых точках. Вы никогда не замечали, как мало зеркал в дешевых магазинах? О чем это говорит? У меня есть свой ответ на этот вопрос. Но об этом потом.

И мы подходим к обсуждению диеты. Кто сказал, что француженки не сидят на диете? Алина говорит, что ей нужно сбросить десять килограммов. Врач посоветовал ей есть на ужин суп, больше фруктов и овощей. В этом нет ничего нового, ничего экзотического. Честно говоря,

на мой американский взгляд, Алина и без того очень стройная.

– Доктор говорит, что, если я хочу сыр, то есть его нужно утром. И никакого сахара в кофе.

Дамы отправляются на кухню готовить ужин. Каждая принесла с собой что-то к столу. А мне велено сидеть и отдыхать. И вот настает время ужина. Или обеда. Но это – основная трапеза дня.

Какой прекрасный стол накрыли эти дамы: великолепные белые тарелки, сверкающие вилки и ножи, белоснежная скатерть, свечи и небольшие хрустальные бокалы. Муж Алины Дидье говорит, что эти бокалы живут в семье Алины уже несколько поколений.

А затем я замечаю маленькие ножи для масла, которые лежат на миниатюрных серебряных подставках в виде животных. Собачка, петух, птичка. Это так очаровательно! Я тронута, что стол накрыт столь изысканно. Мне предлагают сесть рядом с Дидье – это большая честь. Мне словно говорят: «Вы – наш гость из Америки, поэтому именно вы должны сидеть рядом с единственным мужчиной в нашей компании!» Дидье открывает белое вино, разливает по бокалам и произносит тост за женщин.

– Знаете, Джейми, – говорит он мне, – Франция – это наши женщины!

Я смотрю на него и думаю, что он сказал это только ради своих гостей. Но Дидье продолжает:

– Это действительно так. Франция – центр шика. У нас творили Шанель и Диор. У нас есть мода. Есть духи. Когда женщина покупает одежду или духи, она поддерживает нашу экономику. Это очень патриотично!

Класс! Покупка духов – проявление патриотизма. Я никогда раньше об этом не думала.

Алина садится и оглядывает стол. Ей нравится этот красиво сервированный стол, но вдруг она понимает, что что-то забыла. Соль! Алина встает и быстро идет на кухню. Она поворачивается ко мне спиной, и я замечаю, что у нее расстегнулась молния на юбке. Я вижу бледно-розовое белье. Что-то шелковое и изысканное. Одновременно со мной непорядок в одежде Алины замечает и Дидье. Он, не говоря ни слова, поднимается из-за стола, идет вслед за женой и встает рядом с ней так, чтобы расстегнутая молния была никому не видна. Он кладет руку ей на плечо и что-то шепчет ей на ухо, а потом увлекает в кухню. Я вижу, как они исчезают. Прекрасный момент – истинная близость супружеской пары. Супругов, которые уже давно женаты. В этой расстегнутой молнии есть нечто гипнотизирующее. Конечно, это сложный момент, но очень обычный – и такой пикантный. Внимание Дидье сделало этот момент

очень сексуальным и сильным. Если бы я писала эротический роман, то именно с этого и начала бы. Расстегнутая молния. Рука мужа. Кухня, которую не видят гости. И прекрасное шелковое белье...

Но сексуальной эту сцену делает именно хрупкость момента. Алина не видит, что ее юбка расстегнулась и стало видно розовое белье. Подозреваю, что, почувствовав на спине пальцы мужа, она сразу же вспомнила былое: когда-то ее бабушка носила корсет, который завязывал и развязывал ее дед. Он вставал за ней и начинал шнуровать корсет дырочка за дырочкой, а потом завязывал ленты именно так, как следовало.

Но у всего есть конец. Алина и Дидье возвращаются. Когда Алина ставит солонку на стол, я замечаю, что молния уже застегнута. Дидье предлагает мне хлеб, паштет и сливы из собственного сада. Обед начинается, словно ничего не произошло. Да ничего и не произошло – все было лишь в моем воображении. Потому что после всех моих расспросов я наконец-то получила представление о секрете *ooh la la*.

– Француженки превращают недостатки в достоинства!

Если вы помните, именно это сказала мне в Париже и мадам Жози Мерме. Я вспоминаю эти слова сейчас, потому что расстегнутая юбка Алины напоминает мне о моей матери. Моя мама стала инвалидом после ужасной автомобильной аварии. Мне было восемь, ей – тридцать восемь. Я не пострадала, а она едва не погибла. После множества операций врачи спасли ее, но она осталась инвалидом на всю жизнь. Левая нога была на три сантиметра короче правой, и ей приходилось ходить с палкой.

Ей требовалась помощь при выполнении самых обычных действий – она не могла завязать шнурки на ботинках. Я хорошо помню, как отец наклонялся и завязывал ей шнурки. Его пальцы искусно завязывали двойной узел, чтобы шнурки не развязались в течение дня. Мы воспринимали это как должное, но, когда человеку трудно ходить, развязавшийся шнурок может стать настоящей катастрофой.

Как же она могла превратить свою инвалидность в достоинство? Она никогда и ничего не воспринимала как должное. Хотя ходить ей было трудно, она любила плавать. В шестьдесят лет она занялась верховой ездой. Она никогда не бросала чечетку – в конце концов, правая-то нога у нее была нормальной! И ее инвалидность действительно стала ее достоинством. Она сделала ее отважной, мудрой и изобретательной – в ней жил дух *ooh la la*.

И вот я сижу за обеденным столом и пью вино в обществе французов. Я абсолютно счастлива. Я уже вижу в Алине маму, а в Дидье отца.

Я чувствую, что океан, разделяющий нас, мелеет с каждой минутой.

Заботьтесь о себе. Обращайте внимание на мелочи жизни. Слушайте женщин определенного возраста: не сутультесь, расчесывайте волосы, пользуйтесь помадой и духами, следите, чтобы одежда всегда была чистой. Все это очень просто, но, когда вы внимательны к деталям, вам не приходится волноваться из-за общего облика. Вам не нужны кардинальная перемена, подтяжка, полная смена гардероба или участие в «Модном приговоре».

Возможно, когда-нибудь вам придется столкнуться с непредвиденными обстоятельствами. Серьезными или не очень. Но если вы будете следить за собой каждый день, то сможете выдержать любые удары судьбы. И это справедливо в любой ситуации – попадете ли вы в серьезную катастрофу или просто почувствуете, что у вас расстегнута молния. Привычка ухаживать за собой постоянно, день за днем, подготовит вас к любым проделкам судьбы.

А может быть, вы даже воспримете эту неожиданность как подарок и прекрасную возможность по-новому взглянуть на собственный мир.

И наконец, ощущайте любовь! Будьте добры к своему мужчине и носите юбки и красивое белье ради него. Это самый простой способ сказать ему: «Я люблю тебя!»

Глава 12

Le mystere des femmes, или Загадка женщины

Мадам Пупи Кадоль оказалась совсем не такой, как я предполагала.

Думаю, я ожидала слишком многого. В конце концов, она – королева белья. Ее прапрабабушка, мадам Эрмини Кадоль, изобрела первый бюстгальтер в 1889 году, сама же мадам Пупи Кадоль – представительница шестого поколения этой семейной компании, создающей самое восхитительное белье в мире. Так что, как и было условлено, я собираюсь встретиться с настоящей королевой белья.

Договориться о встрече было нелегко, на согласование ушло несколько дней.

И вот как это происходило. Четверг прошлой недели. Я еду на метро от станции «Опера» до бульвара Мадлен, перехожу перекресток и оказываюсь на самой знаменитой модной улице Парижа – улице Камбон. Здесь все еще можно встретить призрак мадам Коко Шанель, который бродит по улицам и властно требует, чтобы посетители забыли о Кадоль и обратили внимание на великолепную витрину ее ателье и бутика.

Шанель – настоящая легенда. А витрины ее магазина оформлены так, что просто невозможно забыть о том, что это – живая история. В ярком солнечном свете, ярком настолько, что приходится прищуриваться, в витрине стоят высокие манекены в немыслимо прекрасных платьях. У всех манекенов одинаковые прямые черные волосы, и все они смотрят прямо на меня – сверху вниз, словно выговаривая невысокой американке за ее неподобающий вид. Под этим суровым взглядом я сворачиваю за угол и вижу саму Коко в ее фирменном костюме и маленькой шляпке и с сигаретой – она явно недовольна моей далеко не идеальной фигурой.

Ну да, встречу с Коко я просто вообразила.

Моя задача – раскрыть секрет притягательной силы белья. Поэтому я, не делая над собой особых усилий, отрываюсь от витрин Шанель и перехожу на теневую сторону улицы Камбон и, стараясь укрыться от яркого сентябрьского солнца, оказываюсь прямо перед магазином Кадоль. В витринах красуются соблазнительное шелковое белье

карамельных цветов и черные кружевные бюстгалтеры – и все это обещает ночи, полные бурной страсти. Я стою перед витриной с тем же чувством, с каким смотрела бы на яркое печенье «макарон» или пирожные с клубникой. Мне безумно хочется заполучить и эти роскошные бюстгалтеры, и не менее роскошные трусики. Я мечтаю забрать их домой и заполнить все полки шкафов этими чудесами. Мне даже неважно, подходят они мне или нет!

И тут я оглядываюсь и вижу, как мадам Шанель, попыхивая сигаретой, смотрит на меня, явно не одобряя мой американский аппетит и любовь ко всему милому.

Я беру себя в руки, открываю дверь и вхожу в магазин. Я не разочаровываюсь. Интерьер выдержан в цветах темного шоколада. Деревянные ящики полуоткрыты, и взгляду предстают кремово-розовые и голубые шелковые изделия. Великолепные рубашки, отделанные черным кружевом, висят на обтянутых шелком вешалках, украшенных маленькими бантиками.

Я не расслабляюсь. Я говорю молодой продавщице, что я – американская писательница и хочу встретиться с мадам Кадоль. Она отвечает, что мне нужно договориться с мадам заранее, берет большую книгу в кожаном переплете и ищет свободную дату.

Мудрая женщина никогда не уступает. Она всегда одаривает нечаянной радостью.

Стендаль

Я оглядываюсь вокруг, любуюсь шелковыми рубашками и крохотными кружевными трусиками. В зале сильно пахнет духами, и мне начинает казаться, что я оказалась в роскошном будуаре очень богатой женщины. Пока я осматриваюсь, ко мне подходит молодой продавец и спрашивает, откуда я. Я отвечаю шепотом, словно мы в церкви и должны вести себя сдержанно. Я боюсь потревожить это драгоценное шелковое белье. Я отвечаю, что живу в Кейп-Код. Он не успевает спросить меня, где это, как продавщица возвращается и протягивает мне глянцевую черную карточку с золотой надписью «Кадоль». Она говорит, что мадам может принять меня во вторник. Я говорю merci, потом au revoir и осторожно выхожу из магазина на залитую солнцем улицу.

Мадам Шанель нигде не видно.

* * *

Должна объяснить, что белье фирмы «Кадоль» покупают двумя

способами. В магазине, где я только что была, продают готовые вещи. Здесь можно выбрать бюстгальтер, трусики, комбинацию, халат, корсет или пояс с подвязками. Все можно примерить и купить. Это не дешево, но все-таки намного дешевле, чем покупать белье ручной работы, мерки для которого снимает сама мадам Кадоль. Такое белье шьется специально для вас в ее ателье, расположенном за углом, на улице Сент-Оноре.

Так поступила моя подруга Луанна, от которой я и узнала о Кадоль. С Луанной мы познакомились во Французской библиотеке Бостона. Она рассказала, что с мадам Кадоль впервые встретилась в 2001 году. Тогда бутик располагался на втором этаже магазина на улице Камбон. Подняться туда можно было на крохотном лифте (весьма небезопасном во всех отношениях), рассчитанном всего на одного человека. За годы, прошедшие с того времени, Луанна купила у мадам Кадоль четыре бюстгальтера ручной работы – последний был сшит из кружева шантйи. Именно этот кружевной бюстгальтер был на Луанне, когда мы с ней познакомились. Когда матери Луанны исполнилось 75 лет, дочь привезла ее к мадам Кадоль – великолепный подарок для любой матери. Если бы моя мама была жива, подобный подарок ей точно понравился бы.

Сколько себя помню, я обожала хорошее белье. Думаю, это связано с моим увлечением девушками из кабаре «Фоли Бержер» или «Мулен Руж». Мне всегда нравилось все пикантное и женственное. Помню, как двенадцатилетней девочкой читала французские модные журналы. Тогда я подрабатывала, сидя с детьми женщины-врача. Она давно развелась и выглядела просто потрясающе. Каждую субботу, когда двое ее сыновей засыпали, я начинала читать французскую версию Vogue, а возвращаясь домой, разыгрывала из себя фотомodelь – заворачивалась в тюлевые шторы, превращая их в соблазнительные пеньюары и свадебную фату. Получалось нечто среднее между свадебным платьем и нарядом для медового месяца. Как-то мама застала меня в таком виде перед зеркалом в холле. Поведение мое показалось ей странным, и она с подозрением спросила:

– Что ты делаешь со шторами?!

– Изображаю принцессу, – пробормотала я, потому что ничего другого мне в голову не пришло. Но на самом деле я представляла себя французской фотомodelью! Вот так началась моя блистательная (хотя мало кому известная) карьера в области красивого белья.

* * *

Во вторник – день, когда была назначена встреча, я сворачиваю

с улицы Камбон на улицу Сент-Оноре, вхожу в мощный булыжником внутренний дворик и подхожу к дверям, над которыми располагается темно-красный навес с золотистой надписью Cadolle.

Помощница мадам Кадоль просит меня подождать в приемной. Через несколько минут меня проводят в большую комнату, отделанную в розовых и белых тонах. У стены стоит манекен в незаконченном белом корсете с белыми кружевными лентами. За манекеном я вижу примерочную, прикрытую бархатной шторой, справа – большое трехстворчатое зеркало. А рядом великолепный антикварный диван.

И тут появляется мадам Кадоль. Она сердечно здоровается со мной, взяв меня за руку обеими руками. Я даже не представляла, что она может так выглядеть! Мадам Кадоль просто очаровательна, а более милой улыбки я еще никогда не видела. Она блондинка, пухленькая и нежная. На ней простое черное платье, жакет с черно-белым рисунком и туфли на плоской подошве. Никаких шпилек – все очень практично. Мадам Кадоль говорит, что рада нашей встрече, и просит присесть. Я благодарю, и она предлагает:

– Пожалуйста, называйте меня просто Пупи.

Ее имя, напоминающее моему американскому слуху слово *purry*^[40], вызывает у меня ощущение встречи с подругой, которую не видела лет сто, с подругой, которой можно рассказать обо всех своих любовных проблемах. Ты знаешь, что можешь попросить ее подобрать для тебя бюстгальтер и корсет, которые изменят твоё тело, сделают его роскошным, идеальным и сексуальным, помогут почувствовать себя обновленной – и решат все твои проблемы. И, может быть, сделают тебя немного француженкой.

Но сейчас не время предаваться мечтам. Мадам очень быстро и энергично рассказывает мне о черном кружеве. Она вообще предпочитает черное кружево – и очень убедительно об этом говорит. Телесный цвет нравится ей гораздо меньше черного. Мадам явно имеет право на свою точку зрения – ведь каждый год она изготавливает более пятисот пятидесяти бюстгалтеров ручной работы и пятьдесят поясов с подвязками. Да, по-видимому, француженки носят пояса! Кроме этого, мадам Кадоль делает множество традиционных кружевных корсетов. А в числе ее клиентов кинозвезды и девушки из «Крейзи Хорс»^[41].

– «Крейзи Хорс», – зачарованно повторяю я, а мадам Кадоль чисто по-французски пожимает плечами: «Почему бы и нет?»

Она смотрит на меня из-за своего антикварного стола и продолжает:

– *Во Франции женщины не испытывают комплексов по поводу белья.*

Одна только мысль о том, что у кого-то может быть комплекс, связанный с красивым бельем, вызывает у мадам Кадоль недоумение.

– Для меня остается загадкой все то, что за последние пятнадцать лет произошло в Америке, – говорит она, и я киваю, хотя и не понимаю, что имеет в виду моя собеседница. – Американки предпочитают носить гладкие бюстгалтеры без швов и украшений. Невозможно даже предположить, что на них надето красивое белье.

Мадам смотрит на меня почти с отвращением. Я согласно киваю. Мне стыдно за своих соотечественниц, которые не понимают всей прелести изысканного, красивейшего белья.

Мадам наклоняется вперед и продолжает:

– Знаете, *некоторые женщины считают страшным грехом показать, что на них красивое белье. Они закрыты не только для всего сексуального, но даже и для красивого.*

Я судорожно записываю слова мадам в свой маленький блокнот. Она поднимается и берет в руки прозрачный, отделанный кружевом белый бюстгалтер.

– Видите, – говорит она, –

французские девушки носят красивые бюстгалтеры. И не для того, чтобы кого-то соблазнить. Они хотят быть красивыми для самих себя.

Я записываю и это. Но при этом думаю, что мадам не совсем права. В Америке существует два противоположных подхода к белью. Американское белье или очень утилитарно – хлопковые трусики из супермаркета по сниженной цене, или невероятно сексуально – бикини безумных расцветок, пышные бюстгалтеры, увеличивающие грудь, и кружевные бюстье, предназначенные исключительно для демонстрации, поскольку не имеют ничего общего с нормальным женским телом. Да, на двадцатилетней высоченной фотомодели-блондинке, не имеющей ни грамма жира, они выглядят великолепно. Ах, я забыла, у нее еще должны быть крылья – потому что такое под силу только ангелу. Ангел для мужчины в постели – вот так будет вернее.

Я просто убеждена, что белье, которое мы надеваем для себя, должно быть утилитарным, а не красивым. А вот для своего мужчины следует надевать красивое белье. А в повседневной жизни эта красота совершенно бесполезна.

Но у нас есть еще утягивающее белье – спасибо небесам за «спанкс». Почему же оно не может быть красивым? А если честно, то хотим ли мы, чтобы кто-то увидел нас в нем?

А вот во Франции – у мадам Кадоль – можно не только получить свой пирожок, но еще и съесть его!

Здесь можно купить корсет, который будет не только прекрасным, кружевным, романтичным и очень, очень красивым, но еще и скорректирует фигуру и позволит почувствовать себя восхитительной, элегантной и, не побоюсь этого слова, стройной! Только представьте: сочетание «спанкс» и Victoria's Secrets в одном флаконе во всех размерах и стилях для женщин с любыми проблемами, которые возникают у нас после двадцати пяти лет. И такие очаровательные вещички можно найти не только в дорогих магазинах высокой моды, но даже в обычных французских универмагах и в маленьких магазинчиках белья в крохотных городках, где приятные пожилые дамы вас тщательно обмерят и предложат то, что подойдет именно вам.

Мадам говорит, что во Франции главное для женщин – это красота, и так повелось еще со времен Ренессанса.

– Понимаете, – говорит она, – наш глаз сразу же замечает красоту.

– А что же произошло в Америке? – спрашиваю я. – Почему мы не умеем ценить хорошее белье так же, как это делают во Франции?

Мадам говорит, что, по ее мнению, когда европейцы уезжали в Новый Свет – неприветливое, дикое место, – им приходилось забывать о своих корнях. Это помогало выжить.

Я на мгновение представляю себе первых поселенцев в Плимуте. Ясно, что морозными зимами этим голодающим людям роскошное белье и духи казались непрослительным легкомыслием. Я вспоминаю своих французских предков, которые приехали в Канаду очень, очень холодной зимой. Сколько людей умерло во время того путешествия? Очень много. А сколько погибло в первый год жизни в Новом Свете? Уверена, что не меньше. И мне становится понятно, почему моя страна с таким недоверием относится к милым женским мелочам. Кружевные трусики и такие же бюстгалтеры кажутся нам легкомысленным баловством – и даже опасным баловством.

Мадам становится грустно. Она не может понять страсти американцев ко всему ровному, гладкому, простому. Бюстгалтеры без швов, трусики без швов.

– Я этого не понимаю, – говорит она. – У нас всегда есть швы, кружево, вышивка! Всегда предполагается, что под одеждой скрыто что-то очаровательное. А американские женщины говорят: «Мы не хотим, чтобы кто-то гадал, что у нас под верхней одеждой!»

Мадам это явно не нравится. А я думаю, что американские женщины

действительно не хотят, чтобы кто-то гадал, что у них скрыто под одеждой. Конечно, это Victoria's, Suzie's или Madeleine's! Носить хорошее белье в стране, которая была создана совсем недавно группой по-настоящему крутых парней (и девушек!) в меховых шубах и шапках из енотов, это действительно верх неприличия. Но я не могу объяснить этого мадам Кадоль.

– Даже в Нью-Йорке, – продолжает мадам, – кружево считается грехом. Женщины в Соединенных Штатах бегают в однообразной форме. И с мужчинами спят в униформе. Но эта униформа предназначена мужчинам, а не им самим. Она для особых случаев. В этом нет романтики, потому что женщины – «готовы». Американки слишком организованны в отношении белья.

А затем мы говорим о политических убеждениях мужчин и женщин. Мадам Кадоль считает, что в Америке мы зашли слишком далеко – мы возвели «стену» между мужчинами и женщинами. Краснея, она рассказывает мне:

– В Америке мужчина улыбается женщине в лифте – и получает судебный иск! Мужчины боятся женщин. У женщин есть власть и деньги, а мужчинам не позволено даже улыбаться, говорить комплименты и уж тем более прикасаться.

Я возражаю. Всё совсем не так. Это преувеличение. Однако все французы, с которыми я разговаривала, и в первую очередь – мужчины, считают, что в Америке каждый потенциальный Дон Жуан обречен на постоянное судебное преследование. Да, и еще французы убеждены, что все иски о сексуальном домогательстве начинаются с поездки в лифте, где мужчина смотрит на женщину и произносит что-то вроде: «Какая у вас хорошая прическа!» И французские мужчины до смерти боятся ездить в американских лифтах! Если в Америке вы окажетесь в лифте с французом, не расстраивайтесь из-за того, что он будет тупо смотреть в сторону и даже не попытается взглянуть на вас или заговорить с вами.

А потом мадам рассказывает, что американки ходят в бары, потому что это прекрасное место, чтобы знакомиться с мужчинами...

– Но если мужчина ее коллега, то он даже слова не может ей сказать!

Мадам пожимает плечами и добавляют:

– *Французская женщина никогда не сидит в баре одна!*

Должна признать, в ее словах есть доля истины. Незнакомый человек может говорить комплименты и ухаживать за вами, но от знакомых мы почему-то ничего подобного не ждем. Не странно ли это?

А потом мадам рассказывает, как французские мужья сопровождают своих жен в ателье по пошиву нижнего белья. Пары приходят вместе – и для них это нечто особенное и увлекательное. Женщина примеряет в гардеробной кружевной корсет, а мужчина сидит в антикварном кресле и проявляет большой интерес к этому процессу. Французские мужчины искренне интересуются бельем.

– Очень важно, чтобы мужчины выбирали белье для своих жен. Даже если он находится далеко от нее, мысль о том, что на ней надето что-то такое, что выбирал он, согревает его сердце.

А вот американские мужчины никогда не сопровождают своих жен и подруг на примерки. Женщины не только приезжают одни, но еще и сами за все платят!

– Пару недель назад ко мне приходила американская пара. Но мужчине было совсем неинтересно! Он просто читал свою американскую газету!

Я понимаю негодование мадам. Мне жаль эту пару, потому что они упустили прекрасную возможность упрочить свои отношения и привнести в них нечто новое. И все же не уверена, что хотела бы, чтобы мой муж наблюдал, как я примеряю сексуальное (хотя и весьма практичное) белье. В конце концов, я же американская женщина. И все же, когда мадам рассказывает о процессе шитья, прекрасных материалах, точном снятии мерок и идеальном подборе цветов для каждой женщины (сама она предпочитает черное кружево), должна признаться, это меня заводит. Я хочу быть этой женщиной – женщиной в изящном белье, которая приводит в восторг своего мужа. А потом мадам Пупи говорит нечто такое, что окончательно убеждает меня в правильности ее подхода. Она говорит, что среди ее клиентов есть супружеские пары, которым уже за шестьдесят и даже за семьдесят, но они ходят к ней много лет.

– Такие старые? – чуть было не срывается с моих губ, но я вовремя сдерживаюсь. Однако мадам Кадоль чувствует мое настроение.

– А почему бы и нет? – говорит она. – Французские женщины хотят быть красивыми всегда. – Она заглядывает мне в глаза и добавляет: – А мы здесь именно для того, чтобы все женщины почувствовали себя красивыми.

И в этот момент я понимаю, что мы говорим обо всем – о возрасте, размере, неуверенности, недостатках... Мы говорим обо всем, что заставляет женщину стесняться самой себя, чувствовать себя некрасивой или недостойной корсета за шестьсот долларов.

Именно! Корсет стоит шестьсот долларов. Трусики – восемьдесят долларов. Но представьте себе: на вас – фирменный корсет, который

разработан, сшит и подогнан только под вашу фигуру. Ткани, цвета и детали тоже были выбраны именно для вас. Это настоящее произведение искусства, которое вы будете носить на своем теле. И вы сохраните его навсегда, потому что корсет этот сделан великолепно.

В 2007 году я путешествовала по Франции со своей подругой Джессикой Ли. Беседуя с женщинами, мы спрашивали у них (и у мужчин тоже) о секрете их уверенности. О том, как они обрели любовь. Нас интересовало, как Франции удалось завоевать и сохранить репутацию страны красоты и тайны. Но больше всего мы хотели узнать, в чем секрет ooh la la.

С кем бы мы ни беседовали – с группой из двадцати пяти женщин, с двумя женщинами или только с одной, – все они удивлялись: «Какой секрет?» А потом отвечали одним словом: «Белье!»

Да, белье!

А потом они говорили: «Бюстгальтер обязательно должен сочетаться с трусиками!»

Нам с Джессикой это казалось настолько простым и абсурдным, что нам становилось смешно. Почему они должны сочетаться? Кто об этом знает? Как-то я сказала об этом француженке, и она очень серьезно на меня посмотрела и сказала: «Как кто? Вы сами!» Так просто!

С того времени прошло несколько лет, и я стала понимать, что секрет ooh la la далеко не так прост. Да, белье играет важную роль, но все гораздо сложнее и глубже. Уверенность француженки, ее ooh la la, проистекает из ее психологии. Уверенность заставляет ее покупать хорошее белье. Ooh la la – это не просто белье, духи или мода. Это все внешнее проявление чего-то более глубокого. Мне нужно было спрашивать, не что такое ooh la la, а откуда берется это ощущение? И ответ прост – из многого. Это ощущение проистекает из жизненного опыта, детства, семейного круга, воспитания, отношения к жизни, путешествий, друзей, триумфов и неудач. Оно берется из прочитанных книг и виденных фильмов, из прогулок в парках и отдыха на море. Из мечтаний и ужинов с друзьями. Оно берется из жизни и любви.

И в том числе и из привычки каждый день носить на себе изысканное, красивое белье. И для этого не нужно покупать самое дорогое белье в мире. Достаточно просто носить что-то красивое каждый день. Попробуйте – и вы сразу почувствуете разницу. И мир тоже почувствует – и вернет вам это ощущение миллионом разных чудесных способов.

Глава 13

Мой «идеальный момент»

Джессика Ли очень удивилась, узнав, что я сблизилась с ее французской подругой Таней:

– Ты и Таня?! Но вы же такие разные! И вы собираетесь вместе отправиться в поездку? Неужели это правда?!

Именно Джессика познакомила меня с Таней в 2007 году. Джессика работала во французской компании в Коннектикуте, и там же до возвращения во Францию целый год проработала Таня. Мы с Таней действительно разные, но, как мне кажется, именно поэтому мы так хорошо ладили. Таня – деловая женщина, организованная, энергичная, обо всем имеющая свое мнение (причем очень французское). Я совсем не такая. И все же она мне страшно нравится! Я вижу в ней квинтэссенцию француженки. И многому учусь у нее. Вообще-то, по возрасту Таня годится мне в дочери. Даже Джессика, и то могла бы быть моей дочерью, и если бы я вышла замуж пораньше, то так оно и было бы. Думаю, что столь заметная разница в возрасте, несомненно, отражается на отношениях с моими французскими подругами. Мы общаемся, как мать и дочери, и мне это очень нравится.

Таня – очень красивая женщина. Очень умная. Шикарная. И просто восхитительная. Думаю, что она мне понравилась еще и поэтому. Рядом с ней мне хочется быть лучше и красивее. И рядом с ней я просто не могу лениться.

В день нашего отъезда в Нормандию мы готовим себе салат из эндивия^[42] со свежими грецкими орехами – Таня привезла их из загородного дома своих родителей специально для нас. Заправку для салата она готовит в большой серебряной столовой ложке: наливает треть ложки оливкового масла, чуть-чуть добавляет горчицы, перемешивает все это, а затем вливает немного бальзамического уксуса.

Я спрашиваю, кто ее этому научил, но она непонимающе смотрит на меня – ей кажется, что так готовят заправку для салата абсолютно все. Но она понимает, что я – всего лишь американка, и разговаривать со мной нужно как с ребенком (впрочем, возможно, все это лишь мое

воображение). И Таня объясняет, что так готовит заправку для салата ее мать. А эта серебряная ложка принадлежала ее бабушке, потом перешла к матери, а теперь ею пользуется Таня. Наш обед состоит из салата, багета и тоненьких ломтиков ветчины. Потом Таня наливает немного белого вина в крохотные бокалы, которые она недавно купила на ежегодной городской распродаже в соседнем парке Vide Grenier. Поначалу это меня тревожит. Мы будем пить вино, а потом поедem на машине в Нормандию? Но вина в этих бокалах – на один глоток, поэтому я расслабляюсь. Я все понимаю. Вино чудесное, это приятное завершение обеда – как кусочек хорошего темного шоколада – и все. Ни второго бокала, ни больших порций, после которых кружится голова... Лишь маленький глоток – а больше ничего и не надо.

В конце концов – нас ждет Франция!

И вот мы грузимся в машину Тани (бак мы заправили заранее – 50 евро, или около 75 долларов). И это вовсе не минивэн, а маленькая европейская спортивная машинка. Думаю, вы понимаете, что это – особый случай. Поездка отнюдь не дешева. Она подобна вину за обедом или шоколаду. Это ценность, которой нельзя злоупотреблять.

И вот мы выезжаем за город!

Какая дивная зелень! Я в восторге от возможности побывать в Нормандии. Я никогда здесь прежде не была, а ведь мои предки родом именно оттуда. Если быть точной, то они – из маленького городка Сен-Николя-д'Альермон, расположенного на северо-западе Франции.

Я еду туда, потому что мои предки, Вайянкуры, жили в этом маленьком городке. Но не только поэтому. Я в предвкушении того, что актер и писатель Сполдинг Грей в монологе «Плыть в Камбоджу» называет «идеальный момент». Втайне я мечтаю встретить настоящую Вайянкуру. Мудрую женщину. Она пригласит меня в свой дом, и мы поймем, что у нас много общего. А потом она, может быть, предложит мне поселиться рядом с ней, и я познаю истинное *ooh la la* и через полгода стану совершенно другой. Настоящей женщиной, до краев наполненной ощущением *ooh la la*.

Когда Таня сворачивает на дорогу, ведущую в Сен-Николя-д'Альермон, я чувствую, как по коже пробежали мурашки. Я действительно еду туда. Я безумно счастлива, что имею возможность побывать в городе, связанном с моим прошлым. Городок очень красив. Мы въезжаем в него и направляемся в центр, к прекрасному собору Сен-Николя-д'Альермон, построенному в XV веке. Моя кузина Глория Моро (мы с ней родня по линии Кутюров, и она замужем за французом), провела генеалогические изыскания и выяснила, что наши предки в XVII веке венчались в этом

соборе.

Таня оставляет машину на парковке отеля «Коммерс», мы выходим и направляемся в маленькое кафе, расположенное напротив, чтобы зарегистрироваться и получить ключи. Этот отель – единственный в городе. Таня решила, что для меня важно переночевать в городе, откуда родом мои французские предки. Отель представляет собой ресторан, при котором есть несколько комнат, которые сдаются. Мы с Таней тащим наши сумки наверх, где у каждой из нас своя комната. Ванная общая, она расположена в холле. Я чувствую, что, кроме нас, гостей в отеле нет. Это действительно так. Когда мы спускаемся, чтобы расспросить о городе, то ловим на себе любопытные взгляды.

– О, вы американка! – восклицает управляющий.

Понимаю его удивление – в этом городе американцев, пожалуй что, и не видели. Я говорю ему, что фамилия моей бабушки Вайянкур, и я приехала, чтобы увидеть город, откуда родом мои предки. Управляющий отвечает, что, к сожалению, в городке больше не осталось Вайянкуров. Я чувствую, что «идеальный момент» начинает таять. Мы с Таней переходим улицу, чтобы осмотреть собор, но он закрыт. Приближается субботний вечер – и это совершенно нормально. И все же я испытываю разочарование. Мы отправляемся гулять по городу, и я мечтаю о том, чтобы переехать сюда. По пути мы видим парикмахерскую, булочную и мясную лавку. Потом нам попадается старая часовая фабрика, пустая и заколоченная, а чуть вдалеке виднеется заброшенный замок. Замок очень красивый, с большими окнами. Он окружен кирпичной стеной, покрытой плющом. Над стеной высятся кроны старых деревьев. Типичный диккенсовский дом мисс Хэвишем. Я говорю Тане, что хочу купить его, отремонтировать и перебраться в Нормандию. Конечно, я всего лишь шучу, но мысль эта буквально витает в воздухе. Мы с Таней возвращаемся, распугивая по дороге бродячих котов и рассматривая тыквы и цветы в садиках местных жителей. Мы приехали в очень уютный и симпатичный городок.

Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц»

Когда мы вернулись в отель, то увидели у стойки мужчину.

– Вы – Вайянкур? – спрашивает он.

Я киваю, и он говорит мне, что совсем рядом находится улица Вайянкур. Я прихожу в такой восторг, что просто не могу усидеть

на месте. Мы с Таней садимся в машину и едем на эту улицу. Вот она! Я выхожу из машины, и Таня фотографирует меня под дорожным указателем.

Таня замечает, что Вайянкуры, по-видимому, играли важную роль в жизни города, раз их именем назвали улицу. Честно говоря, я так не думаю, но мне хочется в это верить. Я знаю, что Вайянкуры перебрались в Квебек из Нормандии в XVII веке с экспедицией Картье. Моя бабушка часто говорила, что они жили в местечке под названием Пеш. Я рассказываю об этом Тане, и она поясняет, что *resche* – по-французски «рыба». Таким словом называли любой городок близ побережья. И поэтому мы отправляемся в Дьепп – еще один нормандский городок, расположенный к юго-западу от Сен-Николя-д'Альермон. Отобедать мы решили холодными улитками в чесночном майонезе – понимаю, что вам это может показаться странным, но знали бы вы, как это вкусно! Этих улиток называют *Bulots*. Они крупнее эскарго и очень красивы. А потом мы заказали мидии по-матросски, салат и сырную тарелку.

После обеда я и Таня отправляемся на прогулку вдоль набережной. Море темное и бурное. Становится довольно холодно. Мне нравится соленый запах океана, и я пытаюсь представить, как здесь было в XVII веке и что за люди мои предки. Я точно знаю, что они были сильными людьми, но мне никак не удается ощутить связь с ними. Судя по всему, я зря рассчитывала на то, что предки откроют мне секрет *ooh la la*. Похоже, я ищу нечто другое, что-то такое, что я сама не могу точно определить.

Ночью я засыпаю под шелест дождя и вой ветра и на следующее утро просыпаюсь очень рано и спускаюсь в кафе первой. В стоимость нашего номера входит завтрак – маленький багет, масло, джем, апельсиновый сок и *café au lait*^[43]. Сегодня воскресенье, поэтому я хочу пойти в собор, поговорить со священником и расспросить его об истории города. Может быть, тогда и наступит мой желанный «идеальный момент».

Вскоре ко мне присоединяется Таня, мы завтракаем и отправляемся в собор. Удивительно, но вся парковка забита машинами. Сегодня здесь открыт фермерский базар. Подойдя к собору, мы видим объявление и понимаем, в чем дело. На листочке написано, что месса сегодня будет проходить в соседней церкви. Двери собора закрыты. Я расстроена. Похоже, поездка не удалась. Мы возвращаемся в отель. Я спрашиваю у портье телефонную книгу, потому что мне хочется поискать Вайянкуров, но не нахожу ни одного. И тут в отель входит местный полицейский. Он говорит, что у него есть ключ от собора и он готов нам его показать!

Как же великолепен этот собор! Сначала нам кажется, что в нем слишком темно, но потом глаза привыкают, и я ахаю от восторга. Старинный каменный собор украшают великолепные витражи. Повсюду много надписей на латыни и изображений святых. В этом месте есть нечто первобытное – неровные каменные стены, стоящие рядами маленькие деревянные стульчики с плетеными спинками... Я вдыхаю прохладный воздух. Самая старая часть собора была построена в XV веке. В ней проходят крестины и свадебные церемонии. Я подхожу к крестильне и делаю глубокий вдох, пытаюсь ощутить присутствие Вайянкуров. Интересно, чувствуют ли они, что их американская прапрапраправнучка вернулась на родину через пятьсот лет? Мне так хочется узнать что-нибудь об их жизни... Я произношу небольшую молитву, чтобы поприветствовать предков через века. И мое сердце постепенно успокаивается.

И в этот момент распахивается дверь собора, и в нее проникает яркий луч света. Пожилой мужчина медленно идет по проходу и громко восклицает:

– Я слышал, что в собор пришла Вайянкур!

– C'est moi!^[44] – отвечаю я, хотя до этого момента никогда не считала себя настоящей Вайянкур.

Но это действительно я! Ведь я внучка бабушки Вайянкур. Имею право! Мужчина подходит к нам с Таней и представляется. Он похож на моего папу – румяные щеки, крупные уши и яркие голубые глаза. И он тоже весьма изысканно одет. Я говорю, что приехала из Америки, а Таня добавляет, что я ищу своих предков. Мужчина слегка запыхался, но явно видно, что он очень рад нас видеть. Он целует меня в щеки и говорит, что безумно рад, что ему удалось встретиться с кем-то из Вайянкуров. Мы присаживаемся, и он рассказывает, что я – не первый потомок Вайянкур, посетивший этот собор. Давным-давно здесь уже побывал Вайянкур из Канады.

– Вот именно здесь, в нашем городе!

А потом наш собеседник рассказывает совсем удивительную историю:

– Во время немецкой оккупации нашу часовую фабрику превратили в лагерь для военнопленных, и этот канадский Вайянкур попал в плен. Но ему удалось бежать. Мы нашли его в яблоневом саду моего соседа – он съел все яблоки. На нем почти не было одежды, он умирал от голода. Мы выбрали и спрятали его.

Может быть, поэтому в городе появилась улица Вайянкур? Может быть, он вернулся после войны? Или помогал городу? Но наш собеседник не мог ответить на эти вопросы. Во время Второй мировой войны он был

всего лишь мальчишкой. А меня эта история вернула к воспоминаниям детства. Я вспомнила, как сидела на диване в гостиной у бабушки, а она шепотом рассказывала маме о нашем кузене из Канады, который во время войны попал в плен. Тогда я не поняла, о чем они говорили. Да и сейчас я тоже многого не понимала, но почувствовала, что фрагмент головоломки встал на место.

Мужчина снова расцеловал меня в обе щеки, словно давно потерянную родственницу. И в этот момент я почувствовала себя тем пленником, обнаженным и голодным. Мне показалось, что это меня он нашел в своем саду с яблоками. А потом добрые жители Сен-Николя-д'Альермон распахнули мне свои двери, одели и накормили меня, потому что я была голодна. Я не ела яблок из этих садов пятьсот лет. Я изголодалась по дому.

Ведь я – француженка. Но я не чувствую себя француженкой. Я потеряла нить Ариадны и не могу найти дорогу домой. *Думаю, когда мои предки пересекли океан и высадились на новых берегах, они потеряли что-то важное.* У них не было времени и сил хранить связь с прошлым, традиции, все то полезное, о чем рассказывают нам наши бабушки. Рецепты, маленькие женские хитрости... Ведь им нужно было осваивать новые земли.

Полагаю, не одна я испытываю чувство разобщения с родиной. Стремление к чему-то, что было, но теперь утрачено, я встречала во Франции, Испании, Италии, Англии, Африке, Индии, Бразилии, на Ямайке. Нам нужно воссоединиться, но как это сделать?

Как?

Думаю, для начала следовало бы поговорить с представителями старшего поколения – бабушками и прабабушками, если это возможно. И конечно же, совершить путешествие в прошлое – это будет путь к красоте и самопознанию. Именно за этим я и приехала во Францию. Может быть, меня поймут не все, но когда я вижу на рынке даму в красной шерстяной шапке и черных резиновых сапогах, когда я вижу в ее руках маленькую сетку с помидорами и луком-пореем, я знаю, что нашла еще один ключ к собственному прошлому и к своему внутреннему «я».

Встреча в соборе с тем пожилым французом стала моим «идеальным моментом». Когда мы выходим из церкви, я говорю Тане: «Ты видишь, я – настоящая француженка», а она рассеянно кивает: ее гораздо больше увлекает свежая морковь на фермерском рынке.

– Потому что ты носишь шарф? – спрашивает она.

– Нет! – обижаюсь я. По моим щекам текут слезы. – Потому что мужчина в той церкви узнал меня. Потому что я – Вайянкур!!!

Таня слегка пожимает плечами и передает монетки торговцу овощами.
– Но ты же всегда была Вайянкур, n'est pas^[45]?

* * *

С того момента я часто думала об этом. Когда я сказала Тане, что стала настоящей француженкой, она связала мои слова с шарфами. Но это же очень поверхностно. Быть француженкой – это не только носить шарфы! Когда мы ехали в Руан, я стала думать: «А может быть, чтобы стать француженкой, достаточно просто носить шарф? А может быть, и не нужно становиться француженкой – а нужно открыть свое истинное «я»?»

Может быть, все эти поиски ooh la la на самом деле были поисками ответа на вопрос «Кто я?»? И, возможно, ответ на этот вопрос и есть то самое путешествие в мир красоты, которое должна совершить каждая женщина?

Мои поиски предков были связаны с тем, что сказала об идентичности Жози Мерме. Поиск своих корней самым непосредственным образом связан с поиском своей красоты и стиля.

Не ждите своего «идеального момента». Смело идите навстречу ему. Реализуйте желания своего сердца. Именно в процессе поиска и произойдет тот самый идеальный момент, и вы обретете свое ooh la la. Но будьте готовы к тому, что это ooh la la окажется совсем не таким, как вы себе представляли. Думаю, что это ощущение окажется намного лучше всего, что вы только могли представить!

Поговорите с родственниками. С родителями, бабушками, дедушками. Тетушками и дядюшками. Их рассказы – это ключи к вашей истории. Они помогут вам совершить жизненное путешествие. Все мы – части огромного континуума. Все мы связаны. Чем больше вы узнаете о своем происхождении, тем лучше представите то, куда хотите двигаться. Задавайте вопросы, рассматривайте старинные фотографии. Слушайте семейные истории – подлинные и фантастические, выдуманные, преувеличенные, более похожие на сказки. Все это – ваше золото, ваша связь со своим подлинным «я».

Глава 14

Вы Одри или Мэрилин?

Сегодня суббота, и вечером все парижские девушки веселятся до упада!

На самом деле, это две американские девушки веселятся до упада на улицах Бельвиля – рабочего квартала на севере Парижа, где когда-то жила Эдит Пиаф, а сейчас селятся иммигранты. Но это еще и очень богемный район со множеством галерей и кафе. И каждый год в июне здесь проходит знаменитый *fête de musique*^[46].

Но сейчас – октябрь, становится ужасно холодно, и, честно говоря, это не самое лучшее время для прогулок по Парижу. То и дело идет дождь, и я уже начинаю опасаться простуды. И все же, несмотря на то, что в горле царапают кошки, я вместе с Элизабет распеваю, прогуливаясь вдоль канала. Мы только что выпили по бокалу вина в маленьком клубе, где исполняют ближневосточную музыку (там еще дают бесплатный кускус, который мы обязательно попробовали бы, если бы только что как следует не поужинали). Вечер заканчивается, и у нас наступает момент Эдит Пиаф. Мы хором распеваем:

Il me dit des mots d'amour, des mots de tous les jour!^[47]

А поскольку остальных слов мы не помним, то просто начинаем напевать мелодию *La vie en rose!*^[48] По какой-то непонятной причине это заставляет нас хохотать до слез. Мы придерживаем друг друга, чтобы не свалиться в канал. Может быть, причина всему – выпитое нами вино, но, думаю, это просто чувство радости от того, что мы вместе – и в Париже!

С Элизабет я познакомилась в 1996 году, когда мы обе учились в Вирджинском творческом центре. После вечера, проведенного в гостинице «Холидей Инн», где художницы до упаду танцевали с местными ковбоями, мы по-настоящему подружились. Всех очень удивило, когда Элизабет вышла замуж за британца и уехала в Англию! Зато, когда я оказалась в Париже, Элизабет достаточно было всего лишь пересечь Ла-Манш. И вот мы вместе снимаем небольшую студию возле кладбища Пер-Лашез. На этом кладбище похоронена писательница Колетт, а еще Оскар Уайльд, Марсель Пруст, Сара Бернар и Шопен. И Джим Моррисон из группы «Дорз». Когда по ночам мы распахиваем окно

и прислушиваемся, то слышим, как Джим наигрывает песню *Light my fire*^[49], а Шопен кричит, что от этой музыки у него болит голова. Колетт же утешает бедного Джима и приглашает его к себе...

Ну, конечно же, мы все это воображаем, но нам с Элизабет это нравится!

И вот мы с ней идем по улице Борепер, забывая обо всем французском – особенно об ужине, на котором мы побывали сегодня. Мы только что вышли из ресторана «Астье», куда нас пригласил экспат, бонвиван и гуляка, автор романа «От багелей к бриошам» Терренс Желлентер. Мы немного опоздали, и Терренс усадил нас в противоположных концах очень длинного банкетного стола. Мы весь вечер не могли не то чтобы словом перемолвиться, но даже и переглянуться. Впрочем, любые наши английские замечания были бы всем понятны, потому что к Терренсу пришло множество владеющих английским языком французов и пять-шесть американцев, приехавших в Париж.

Терренс жил в самых разных городах, но домом считает только Париж. Он – большой поклонник кино и знает о Голливуде абсолютно все. Особенно о старом Голливуде. Поэтому в разгар ужина он стал развлекать нас рассказами о своей встрече со знаменитым режиссером Билли Уайлдером. Билли снимал Мэрилин Монро в фильме «В джазе только девушки» и Одри Хепберн в «Сабрине». Терренс попросил рассказать, как это было, и

Билли Уайлдер ответил, что после съемок Одри Хепберн ему стало ясно: «Эта девушка одним движением руки сделала пышную грудь старомодной!»

Обычно мне такие высказывания не нравятся, но в тот вечер меня охватило ощущение *ooh la la*. Кроме того, должна признаться, что я – большая поклонница Мэрилин Монро. А если говорить о типах фигуры, то мой – ближе к Мэрилин, чем к Одри. Поэтому я присела, подхватила свою пышную грудь и спросила, кому это могла прийти в голову идея, что такое сокровище может быть старомодным? Заметили мой жест лишь некоторые, но сам поступок вызвал всеобщий смех. Я тоже рассмеялась и страшно покраснела, потому что даже не представляла, с чего вдруг я так поступила. Не думаю, чтобы Мэрилин когда-нибудь делала что-то похожее. Это скорее пристало Мэй Вест. Или нечто подобное можно было сказать, купив в Париже большое голубое боа из перьев. (Должна признаться, что это боа лежало в красивом пакете в нашей студии возле

кладбища Пер-Лашез.)

До сих пор мне кажется, что тем вечером со мной что-то произошло. Я долгие недели разыскивала *ooh la la*, и вдруг в тот день это ощущение подкралось и охватило меня в ресторане «Астье». Во мне что-то щелкнуло и изменилось.

И вот после роскошной еды, вин и разговоров мы с Элизабет пешком отправились в Бельвиль. Идти нам далеко. И хотя было очень поздно, бары и кафе были переполнены. Мы остановились у маленького ресторанчика, и официант пригласил нас войти, предложив бесплатный кускус. Музыканты исполняли какую-то ближневосточную музыку – так душевно, что мы просто не смогли уйти. Мы сели за столик, заказали кир^[50] и стали слушать. Все были в восторге, что в Бельвиль забрели две американки! Нас стали спрашивать, откуда мы. Я ответила, что из Кейп-Кода, но никто не знал, где это. Тогда я сказала: «Из Бостона», и восторг еще больше усилился. «Вперед «Ред Сокс»^[51]!» и все такое. Но когда Элизабет сказала, что она американка, но живет в Англии, это всех окончательно запутало. Раздался смех, музыканты начали играть что-то новое, на сцену вышла девушка и стала танцевать танец живота.

Наконец пришло время, когда боязнь остаться заточенной в бутоне стала сильнее страха расцвести.

Анаис Нин

Потом мы вышли на бульвар и пошли дальше, обсуждая этот вечер и хохоча до слез.

– Можешь поверить, что я такое сказала? – спросила я, вспомнив эпизод с Мэй Вест.

– Ну, мы же с тобой – дамы среднего возраста, так что имеем полное право повеселиться! – ответила Элизабет.

Моя подруга – потрясающая женщина. Я даже остановилась, чтобы заглянуть ей в лицо.

– Ты абсолютно права, – сказала я. – *Почему люди говорят, что молодость дается только раз? Мы навсегда останемся дамами среднего возраста!*

– *И сохраним право повеселиться!* – улыбнулась Элизабет.

– Но ты копнула очень глубоко. Это настоящий дзен. Мы – дамы среднего возраста!

Мы снова посмотрели друг на друга, помолчали – целых три секунды! – и опять расхохотались на всю улицу!

* * *

Той ночью я лежала в постели с закрытыми глазами и размышляла над этим неуловимым ощущением *ooh la la*. Я почувствовала его в ресторане «Астье», а потом в баре, где мы с Элизабет слушали музыку. Но я не планировала ничего подобного. Это просто случилось.

Почему во Франции я чувствую себя совершенно иначе? Словно кто-то разрешает мне расслабиться, осмелиться сказать что-то дерзкое – по крайней мере, дерзкое с моей точки зрения. Почему здесь я чувствую, что могу выбраться из своей скорлупы и стать самой собой? Почему француженки всегда смеют быть самими собой?

Лежа в постели, я вспоминаю притчу о том, как десять слепых пытались описать слона. Одна часть моего «я» твердила, что *ooh la la* возникает, когда мы позволяем себе наслаждаться. Другая говорила, что все дело в белье. Третья заявляла, что *ooh la la* – это стиль, который мы видим на улицах. Четвертая же убеждала, что все дело в наставниках, которые были в жизни этих женщин. А сама я думала: «Все дело в ужинах. В общении. И в музыке!»

Я знаю, что все это важно. Но я понимаю и то, что существует некая философия, которая все это объединяет в нечто цельное. Просто я еще не открыла ее для себя. Честно говоря, француженки и сами не знают, в чем их секрет. Они просто знают, что именно так нужно жить. Вот так они открывают для себя *joie de vivre*^[52] и ощущение *ooh la la*. Но поскольку они всегда жили так, то не понимают, как это я не могу открыть их секрет. И мои поиски продолжаются. А пока нужно немного поспать. А то я точно заболею.

* * *

Утром у нас на завтрак багет, купленный в булочной на первом этаже, с маслом и джемом. И конечно же, замечательный кофе. Мы с Элизабет разговариваем о Шарлотте Генсбур^[53]. Ее нос меня буквально очаровал.

– И не потому что это идеальный маленький пикантный носик, – говорю я. – Нет, нос Шарлотты Генсбур невозможно не заметить. У нее длинный и элегантный нос.

Элизабет соглашается, но добавляет:

– Он слегка великоват для ее лица. Он сразу привлекает внимание к себе.

Француженки и сами не знают, в чем их секрет. Они просто чувствуют, что именно так нужно жить. Вот как они открывают для себя *joie de vivre*

и ощущение ooh la la.

Элизабет начинает говорить искусственным голосом – так она разговаривает со своим котом Фрэнком:

– Привет! Я нос Шарлотты! Как дела?!

Элизабет в роли носа Шарлотты ведет себя точно так же, как ее рыжий кот Фрэнк. Я не могу избавиться от ощущения, что кот сейчас выйдет из-под стола, и начинаю говорить за Фрэнка – когда-то так говорил детектив Сэм Спейд из фильмов в стиле нуар.

– Это несовершенство делает нос Шарлотты таким привлекательным, таким поразительным! Я не могу оторвать от нее глаз!

– Да, – отвечает Элизабет голосом носа Шарлотты. – Это так! У меня восхитительный нос!

Шарлотта Генсбур – дочь Джейн Биркин (знаменитой актрисы и певицы, для которой дом Hermès изобрел особую сумку Birkin) и культового французского певца, актера и режиссера Сержа Генсбура. Жизнь его была трагичной, и истории о ней не сходили с первых страниц журналов и газет. И у него тоже был нос.

Именно отцу Шарлотта и обязана своим носом. Полагаю, поэтому она никогда не собиралась «исправлять» его. Ее нос – это ее наследство.

Мысли об этом все еще крутятся в моей голове, хотя прошло уже два дня. Я собираю чемоданы, чтобы ехать в Тулузу. Я думаю о том, что у каждого из нас есть какая-либо физическая особенность, доставшаяся нам по наследству. Это может быть маленькая родинка на носу, зеленые искорки в карих глазах, седая прядь в рыжих волосах в двадцать лет или крохотное пятнышко на левом плече – все это подарки от мамы, отца, бабушки или деда. И все это уходит корнями в тысячелетия. Когда мы меняем свои лица и устраняем маленькие несовершенства, то рвем тонкие нити, связывающие нас с семьей, с нашим прошлым. Да, мы можем стать совершенно новыми. Можем получить новое лицо и новое тело. Мы можем превратить стареющее лицо в юное, чистое, без отметин времени. Но какой ценой? Мне кажется, что идея сохранения физической наследственности стала мне так дорога, потому что я только что открыла ее для себя. Моя бабушка была довольно пышногрудой. И мама тоже. Кто знает, может быть, женщины из рода Вайянкуров, которые пятьсот лет назад жили в Сен-Николя-д'Альермон, тоже были пышногрудыми. И это заставляет меня думать, что ощущение ooh la la, посетившее меня сегодня, на самом деле часть долгой, долгой истории – такая же, как нос Шарлотты.

И вот я уже стою с чемоданом возле винтовой деревянной лестницы. Я попрощалась с Элизабет. Я в последний раз оглядываюсь на Бельвиль, чтобы и ему безмолвно сказать «до свидания». И тут я замечаю – как это я не видела раньше?! – маленькую табличку у последней ступеньки. На ней написано *Essuez vos pieds S. V. P.* Мне кажется, что это переводится как «Осторожно, ступеньки». Лишь позже я пойму, что на самом деле там было написано «Вытирайте ноги, пожалуйста». В этот момент что-то щелкает в моем мозгу. Наверное, это был знак самого провидения, потому что я запомнила это. Я твержу себе, что должна быть внимательна. Я должна осторожно подниматься и спускаться по этим безумным французским винтовым лестницам. И всю поездку я проявляю осторожность на всех многочисленных лестницах. Осторожно, ступенька!

Цените атмосферу ужинов – они помогают обрести ощущение *ooh la la*. Собирайтесь с друзьями – приглашайте гостей, встречайтесь в ресторанах. Каждая такая встреча – это возможность проявить свое истинное «я». Не бойтесь показаться немного театральной, говорить о политике или блистать интеллектом. Не бойтесь – вам просто не позволят зайти слишком далеко. Считайте такие вечера возможностью прикоснуться к своему истинному «я», чувствуя себя в полной безопасности в кругу родных и друзей.

Спросите себя, в чем проявляется ваша физическая наследственность? Не воспринимали ли вы ее как досадный недостаток? А может быть, у вашей мамы, бабушки или тети тоже есть такая особенность? Порадуйтесь этому. Найдите способ превратить так называемый недостаток в поразительное достоинство. Принимайте все, что делает вас отличной от других, и радуйтесь этому.

И наконец, впустите в свою жизнь музыку. Это отличный способ взбодрить свой мозг и посмотреть на мир новым взглядом.

Глава 15

Большие надежды

Из Парижа я уезжаю с вокзала Монпарнас. Поезд несет меня на юг через Бордо в Тулузу. Вечером меня встречает моя французская подруга Беатрис – именно ее рецептом клубники с базиликом я поделилась с вами в своей первой книге. Я обожаю Беатрис! У нее с Жан-Пьером, военным служащим французской армии, недавно вернувшимся из Гаити, где он помогал жертвам землетрясения, такой прелестный роман! Жан-Пьер – очень спокойный, заботливый мужчина. Он обязательно настаит на том, чтобы самому нести вашу сумочку, если вы окажетесь не в самом благополучном районе города.

И несмотря на то, что Беатрис хватается своих забот – у нее сын-подросток, и ей нужно время на обаятельного Жан-Пьера, у которого, как я только что узнала, возникли проблемы со здоровьем, – она все же находит время для меня. Переночевав в комнате для гостей на первом этаже, утром я поднимаюсь по металлической винтовой лестнице на кухню, где встречаю Беатрис. Беатрис – настоящая французская мама. На ней очки в тонкой металлической оправе. Она – истинная интеллектуалка. Когда-то она окончила Йельский университет и превосходно говорит по-английски. Этим утром она надела длинный льняной халат в цветочек от Liberty of London (ее любимый бренд). Но хотя еще очень рано, она уже на телефоне – работа, я понимаю.

У Беатрис очень непростая напряженная работа. Не знаю точно, чем она занимается, но повсюду я вижу груды бумаг и папок, и она не снимает маленьких наушников, потому что ей часто приходится разговаривать по телефону. И все же она успевает сварить мне свежий кофе. А на столе меня ждет багет, свежее масло и банка абрикосового джема из загородного дома ее матери. Так начинается мой день.

Утром в понедельник я собираюсь улететь, а на сегодня у меня запланирован поход по магазинам, чтобы в воскресенье я могла спокойно собраться и отдохнуть. Спускаясь по винтовой лестнице, я держусь за поручни, но, выйдя из дома на мощенную булыжником улицу, я забываю об осторожности, беспечно шагаю вдоль улицы и выхожу на широкий бульвар.

Мне нравится Тулуза. Юг Франции совершенно не похож на Париж. И на север он тоже не похож. Я иду по улице Мерли мимо собора на площади Сен-Сернен и обращаю внимание на то, что женщины здесь одеты более ярко и ведут себя более непринужденно, чем на севере. Тулузу называют Розовым городом: все здания в городе выдержаны в розовых тонах. И здесь совершенно особый свет. Тулуза стоит на берегах Гаронны, откуда рукой подать до Испании. Думаю, этим и объясняется иная атмосфера. Здесь всегда светит солнце. Тулуза – университетский город, и мне нравится наблюдать за студентами из-за столика кафе на площади Капиталь. Я направляюсь именно туда, потому что по субботам на площади открывается замечательный рынок.

Целый день я хожу по маленьким туристическим магазинчикам – мне нужно купить сувениры для родных и друзей: фиалковый ликер, фиалковые конфеты и фиалковые попури. Тулуза славится своими фиалками, а я люблю фиалковый кир – белое вино с каплей фиалкового ликера. Напиток получается сладким и очень ароматным. Кроме того, фиалковый ликер продают только на юге. Я брожу по городу и фотографирую, фотографирую... Я покупаю два платья от Армана Тьерри. Одежда этого модельера не слишком дорогая и мне идет. А потом захожу в парикмахерскую вымыть и уложить волосы. И наконец, покупаю коробку прекрасных шоколадных конфет для Беатрис и Жан-Пьера.

Конечно, я устала, но мне так нравится все, что я купила. А впереди меня ждет прекрасный ужин!

Когда я спускаюсь вниз по улице Лафайетт, возвращаясь к дому Беатрис, я вдруг замечаю, что тротуар становится скользким, а улицы в Тулузе кривые и узкие. Я ухитрилась заблудиться: через несколько минут я понимаю, что иду в неправильном направлении. Я уже на бульваре Страсбург, но он кажется мне незнакомым. Во мне зарождается паника. Жар заливает все тело – руки, шею, все лицо.

Мне не хочется опаздывать к ужину. У меня нет мобильного телефона, но даже если бы он и был (надо, все-таки надо делать международный роуминг!), я не позаботилась о том, чтобы взять с собой карточку с телефоном и адресом Беатрис. Я так много времени пробыла во Франции, а в понедельник уже собираюсь лететь домой, поэтому мысленно я уже покинула эту страну. И я начинаю серьезно нервничать.

«Пожалуйста, пусть мне удастся дожить до послезавтра», – мысленно молюсь я. А в аэропорте Бостона меня встретит муж. Дома я приму роскошную ванну. Мы закажем обед в номер, и я подарю мужу привезенный из Тулузы фиалковый ликер и упаковку фуа-гра. Я покажу,

что купила себе – красные ботинки, духи, голубое боа из перьев...

Но сейчас я заблудилась! Начинает темнеть, улицы мокры после прошедшего дождя. Мне нужно вернуться в дом Беатрис, поэтому я стараюсь взять себя в руки и начать размышлять логически. Поскольку я все еще не узнаю ни одного магазина на бульваре Страсбург, то, наверное, иду не в том направлении. Я теряю ценное время. Я поворачиваюсь и иду обратно. И вот – voilà! Я возвращаюсь туда, откуда начала свой путь. Все вокруг знакомо. Я точно знаю, куда мне идти.

* * *

И вот мы втроем – я, Беатрис и Жан-Пьер – отправляемся ужинать в город. Сегодня у всех праздничное настроение, потому что у Жан-Пьера хорошие анализы, и, кроме того, Беатрис рада принимать у себя в Тулузе свою американскую подругу. Да и вечер выдался замечательный!

Беатрис и Жан-Пьер выходят первыми. Они похожи на хихикающих молодоженов. Беатрис надела очаровательное белое льняное платье, а я – любимое синее и, конечно, свои замечательные балетки. Не совсем балетки – у них есть маленькие каблочки. Вот только они очень скользят. Стоит мне закрыть за собой дверь, сойти с бордюра на улицу и приготовиться подхватить под руки своих друзей, как я поскользываюсь.

Через долю секунды заостренный носок левой туфли цепляется за огромный булыжник и намертво там застревает. А потом каблук едет куда-то вниз и застревает. Я пытаюсь удержаться на ногах, и моя щиколотка изгибается в одну, потом в другую сторону.

Я падаю.

И тут события начинают развиваться, как в замедленной съемке. Помню, как ударяюсь головой об угол кирпичного дома. Потом слышу испуганные голоса. Беатрис и Жан-Пьер подбегают ко мне и уговаривают потерпеть. Я то прихожу в себя, то теряю сознание. Потом слышу вой сирены. Не успеваю я ничего понять, как уже оказываюсь в машине «Скорой помощи» и меня везут в больницу.

Врач из «Скорой помощи» говорит со мной успокаивающе. Его французский язык вселяет в меня уверенность и спокойствие. Даже в странном голубом свете я успеваю заметить, как он молод и хорош собой. Признаюсь, мне неловко, что ему приходится разрезать мои колготки, чтобы осмотреть щиколотку. Доктор извиняется. Я говорю, что это пустяки, и он быстро разрезает колготки и освобождает ногу. Мы смотрим на щиколотку – красную и опухшую. Доктор качает головой и прикладывает к ноге лед. Смутно помню, что он измеряет температуру

и давление... Все как в тумане. Странно, но я совершенно не чувствую боли. Когда мы приезжаем в больницу, я уже улыбаюсь. Мне кажется, что я просто растянула щиколотку. Мелочи, думаю я. Все равно я хотела провести воскресенье в постели. Вот и хороший повод расслабиться! В приемном покое я продолжаю улыбаться и шутить. Я даже прошу Жан-Пьера сфотографировать меня в инвалидном кресле.

Но потом я понимаю, что все это было результатом шока.

* * *

После осмотра, рентгена и консультаций становится понятно, что произошло с моей щиколоткой. Я ухитрилась сломать и большую, и малую берцовые кости, и мне необходима ортопедическая операция. Мы с Беатрис обсудили возможность наложения гипса и переправки меня на самолет, чтобы операцию сделать уже дома. Но в этом случае необходимо, чтобы кто-нибудь сопровождал меня из Тулузы в Лондон, а оттуда в Бостон. Прямых рейсов из Тулузы в Бостон нет. Мой муж еще в Австралии и не сможет быстро сюда добраться. Мы отправили ему электронную почту с номером телефона Беатрис. Кроме этого, мы позвонили моему отцу, чтобы тот сообщил мужу, что произошло. Но отцу уже далеко за восемьдесят, и сам он никак не сможет прийти мне на помощь – хотя и готов рискнуть. Остаются моя дочь и ее муж (они живут в Балтиморе) и моя подруга Лори из Нью-Йорка. Нет, спасательная операция весьма и весьма сомнительна.

Кроме того, существует опасность возникновения тромбов – с такими травмами летать небезопасно. Но было и еще кое-что – я чувствовала, что кто-то спрашивает меня:

– Ну и насколько сильно ты любишь Францию? Как далеко ты готова зайти? Ты доверишь нам свою сломанную щиколотку? Рискнешь лечь у нас под нож? Позволишь нам сделать операцию? Что ты скажешь сейчас, путешественница?

Да, понимаю, это звучит по-шекспировски, но поймите мое состояние. У меня появилась возможность узнать Францию с совершенно новой стороны. Вселенная задала мне вопрос. Ты хочешь этого? Ты готова решиться на большое французское приключение?

И я отвечаю без тени сомнения. Да! Да, я готова!

Помимо всего прочего, я понимала, что смогу написать об этом, как Хемингуэй писал о гражданской войне в Испании. Этот человек знал, что такое *ooh la la*!

И вот меня доставили в клинику Амбруаза Паре, где меня встретил

доктор Деланне. Беатрис его знает и говорит, что он – превосходный хирург-ортопед. Я не успеваю в полной мере переволноваться, как оказываюсь в больничной палате, мне ставят капельницу и готовят к операции. Доктор Деланне должен будет разрезать мою ногу, составить кости и закрепить их металлической пластиной на шести винтах. Это укрепит мою щиколотку.

Когда наркоз уже начинает действовать, у Беатрис звонит мобильный телефон. Это мой муж из Австралии. Честно признаюсь, я мало что помню из того разговора. Помню ощущение радости, а потом покорность судьбе. Затем уверенность в том, что все будет хорошо. И даже ощущение счастья от того, что я смогу задержаться и отдохнуть во французской больнице, а потом муж прилетит и заберет меня домой. Я счастлива. А потом я проваливаюсь и ничего не помню.

* * *

На каталке меня ввозят в большую, ярко освещенную операционную. Меня встречают доктор Деланне и несколько сестер. На всех белоснежные костюмы. Они шепчут мне что-то по-французски, но я ничего не понимаю. Никто не говорит по-английски. Французский язык мгновенно забывается, я не могу вспомнить ни единого слова. И тут я полностью отключаюсь.

Под наркозом мне снится, что я еду поездом из Тулузы в Валанс-д'Ажан, где живут мои друзья Шерил и Джон. Мы медленно едем вдоль Гаронны в маленький городок Овиллар, проезжаем церковь Сен-Пьер на холме, а потом начинаем спускаться, и я вижу паломников, направляющихся в Сантьяго-де-Компостела.

Теперь я вижу городок. Я беседую со своей французской подругой Жози в ее ресторане «Ле Пти Пале». На Жози черное шелковое платье и ярко-зеленый шарф. В искусственном свете он становится голубым. А потом снова зеленым и опять голубым. Жози говорит, что шарф ей купила в Лионе подруга-англичанка. Лион славится шелком. Я делаю пометку в блокноте – нужно побывать в Лионе и поговорить с кем-нибудь о шелке. Но тут обстановка снова меняется, и я уже в пещерах в Пеш-Мерль. Меня окружают художники и писатели. Отправляясь в пещеру, я надеваю свои скользкие балетки. Моя подруга Эми говорит, что в пещеры нужно ходить в красивых туфлях! Я хочу сказать самой себе, что это плохая идея, но говорить не могу. И вдруг я оказываюсь на ужине посреди поля подсолнухов. Рядом со мной сидит очаровательная, талантливая поэтесса Люси Андертон. Она беременна. Она говорит, что хозяйка будет десять минут беседовать с гостьей, которая сидит справа,

а потом десять минут посвятит той, что сидит слева. Она отворачивается от меня и говорит всем художникам и писателям, сидящим за столом, чтобы они поступили так же.

Кто-то поднимает бокал красного вина и произносит тост. *A vos amours!* За ваших любимых! Мы чокаемся и смеемся. И вдруг я оказываюсь на поле в одиночестве. Уже осень, и подсолнухи почернели. Они стоят стройными рядами, головки их опущены. Мне грустно. Я думаю, что нужно вернуться на юг, когда подсолнухи снова зацветут. Я должна вернуться, когда это поле будет блистать красками.

Синева. В моем сне все синее. На мне мое синее боа из перьев. И в нем я отправляюсь в музей истории вайды – растения, из которого получают синий краситель. Вместе со мной мои коллеги по Овиллару. Мы слушаем экскурсовода. Мадам стоит перед огромным чаном синей краски и держит в руках самый обычный зеленый лист.

– Это лист вайды! – объявляет она и вдруг становится очень большой. На ней синяя блуза художника и боа из перьев, такое же, как у меня. Удивительно, но уже все члены нашей группы в таких синих боа!

Не могу оторвать глаз от мадам. У нее великолепная осанка – плечи развернуты, и вся фигура дышит чувством собственного достоинства. Я начинаю понимать, что силы ей дает маленький лист вайды. А потом мадам рассказывает нам о том, что вайду в Европу привезли мавры. Листья этого растения превращали в пасту. В XV веке, до появления аммиака, красильщики платили мужчинам, чтобы те пили много пива. Потом мочу собирали в ведра и использовали для производства красителей. При этих словах в нашей группе раздаются смешки. Один из художников шепчет:

– Вот это работа! Мне бы такую!

Мадам не обращает на нас внимания и совершенно серьезно рассказывает нам о том, что в Средние века у мужчин было только два варианта – стать солдатом и погибнуть или пить пиво и участвовать в производстве синего красителя.

И тут я чувствую, что меня кто-то щекочет перышком от моего синего боа из перьев. Кто это? Что вообще происходит?

И тут я просыпаюсь.

Никогда, ни в коем случае не надевайте туфли со скользкой подошвой и крохотными каблучками, отправляясь в пещеры. Однако такие туфли можно надеть для прогулки по мощенным булыжником старинным улицам. Да, не исключено, что вы поскользнетесь, упадете и сломаете щиколотку. Но знайте, что даже если вы предпримете все мыслимые

предосторожности, чтобы избежать чего-то неожиданного, это неожиданное все равно может произойти. Такова природа жизни. И француженки это отлично понимают.

Какова бы ни была наша эмоциональная страховка, всегда происходят события, которые застают нас врасплох. Секрет *ooh la la* не в том, чтобы избегать неожиданностей. Надо видеть в неожиданных ситуациях новые возможности. Учитесь готовить из лимонов лимонад. И не только это! Когда в вашей жизни есть место для непредсказуемого, вы можете воспринять эти события как приглашение к увлекательнейшему путешествию. Скажите *bonjour* причудам жизни. Это и есть *ooh la la*.

Глава 16

Вы – художник

– Bonjour, Madame!

Я открываю глаза и понимаю, что нахожусь в больнице. В этот момент я даже не осознаю до конца, где я, что случилось, сплю я или бодрствую. Я закрываю глаза и снова пытаюсь провалиться в сон. Но тут очаровательная молодая медсестра распахивает шторы в палате, другая вкатывает тележку с завтраком – свежий багет и дымящаяся чашка кофе, и мне начинает казаться, что вся палата заполнена очаровательными французскими медсестрами в белоснежных костюмах. Они только и мечтают о том, чтобы мне помочь. Но это уже не сон. Именно так понимают лечение покоем во французских больницах!

Да, я во французской больнице, и действительно, bonjour!

Проходит пара дней. Муж звонит мне в больницу каждый день по стационарному телефону и собирается приехать за мной через неделю. Он спрашивал, не буду ли я возражать, если он сначала навестит свою дочь, которая живет в Сиднее. Я не возражала. У меня не было никаких дел и планов.

Все эти дни я о многом размышляю, наблюдая за великолепными облаками, проплывающими над окраинами Тулузы. Я уже начинаю воспринимать больницу как свой новый дом. Моя прежняя жизнь медленно, но верно блекнет, а я устремляюсь навстречу другой жизни, ограниченной стенами этой больничной палаты.

Я подружилась со всеми медсестрами и, чтобы не было скучно, придумала особый распорядок, который записываю в свой маленький блокнот. Я фотографирую свою ногу, закрепленную над постелью на специальном устройстве и затянутую в белый сетчатый чулок со швом внизу. Честно говоря, выглядит это весьма шикарно. А эта французская больничная еда! Восхитительно! На завтрак мне подают маленький багет, масло, джем и чашку кофе с молоком. Главная трапеза дня – обед. В обед я получаю основное блюдо, сырную тарелку, салат и десерт. А однажды мне даже подали паштет! Просто удивительно! И невероятно вкусно! Ужин обычно бывает более легким. На ужин всегда подают овощной суп или бульон. Я прочно села на французскую диету. В перерывах между

трапезами никаких закусок – только ромашковый чай в десять часов, и все. Никакого вина. Хотя, когда ко мне из Овиллара приехали Джон и Шерил, Джон спросил, не хочу ли я перекусить. Я отказалась. Мне совершенно ничего не хотелось. Ведь я принимала массу обезболивающих, а в первые дни мне даже кололи морфин.

В больнице никто не говорит по-английски, и мне приходится оттачивать свой французский, который становится заметно лучше, особенно в освоении медицинских терминов. Теперь я отлично знаю, как по-французски сказать «операция», «кость», «температура», «гипс», «повязка», «кровяное давление» и самое главное слово – «боль». Я запомнила, что, для того чтобы поднять кровать, нужно сказать *ascendeur*, а чтобы опустить – *descendre*, укол называется *pique* (я каждый вечер подвергаюсь этой процедуре), а нормальная температура – 37 градусов.

Мои любимые сестры – Фанни и Анна-Лора. Они очень добры и милы со мной. Анна-Лора рассказывает о своем муже, который работает в Airbus, и о том, что у нее есть годовалая дочка Лили. Анна хочет подучить английский, поэтому мы переходим с языка на язык: то говорим по-французски, то по-английски.

Однажды Анна-Лора вошла в мою палату с маленькой циркулярной пилой. Она уложила мою ногу на хирургическую подушку, достала какие-то инструменты и сказала:

– Держитесь, *je vais ouvrir la fenêtre*^[54].

Я не понимаю, что она имеет в виду. Какое окно?

– Окно в вашем гипсе! Я должна сделать небольшое отверстие, чтобы мы могли осмотреть швы.

Кивнув, я смотрю, как Анна берет свою крохотную пилу и осторожно вырезает два квадрата – по обе стороны щиколотки. Я даже фотографирую, как она это делает. Фотографирование отвлекает меня, и я не так сильно нервничаю из-за опасной близости пилы к моей несчастной щиколотке.

– Все хорошо! – говорит Анна и начинает чистить разрезы.

Она рада возможности пообщаться с американкой, так как собирается поехать в Америку на целый год!

– *C'est vrai?*^[55] – спрашиваю я.

Она кивает. Компания посылает ее мужа на год в Канзас.

– В Канзас?!

Мне становится страшно весело при мысли о том, что эта

очаровательная девушка, настоящая француженка, окажется в самом сердце нашей страны, там, где жила Дороти из «Волшебника страны Оз». Это просто чудесно!

– А куда именно в Канзас? – уточняю я.

– Уииииииита! – с энтузиазмом отвечает Анна.

– Уииииииита? – переспрашиваю я.

– Oui, Уииииииита!

Только тогда я понимаю. Уичита! Уичита, штат Канзас!

Проходит еще несколько дней, и мне становится лучше. Беатрис уже не навещает меня каждый день, но как-то раз, вернувшись из деловой поездки в Париж, она приносит мне небольшой пакетик печенья макарón [\[56\]](#) из кондитерской Лодере. Я пытаюсь «растянуть» это удовольствие, но это нелегко. А одно печенье сделано с розовой водой! Оно настолько вкусное, нежное и легкое, что кажется душистой розой, которую окунули в сахар. Похоже, у меня появились собственные пристрастия в этом дивном печенье.

Доктор Деланне навещает меня каждое утро и следит за состоянием моей щиколотки. Доктор очень обаятельный мужчина, и я даже немного в него влюблена – впрочем, это, наверное, потому, что он меня спас. Похоже, у меня развивается комплекс доктор – пациентка. Он совсем не говорит по-английски, и это делает его еще более загадочным и недоступным.

Днем я читаю, а по вечерам смотрю французское телевидение. Я не позволяю себе смотреть телевизор до ужина, потому что изо всех сил стараюсь сохранить ощущение *ooh la la* и не пропустить ничего интересного из того, что происходит вокруг меня. И все же должна признаться, что французское телевидение меня увлекает, особенно мини-сериал, действие которого происходит в борделе XIX века. Все не столь откровенно, как может показаться, и все же это бордель! Вау! Мне нравится смотреть этот сериал, завернувшись в мое боа из перьев. И вообще, я каждый день стараюсь красиво одеться и даже снова начала пользоваться красной губной помадой. Француженки научили меня очень важному – *ooh la la* можно найти в любом месте. Лично я открыла для себя это ощущение в больничной палате.

Мой стиль – вот моя подпись.

Сюзанна Бельперрон^{[\[57\]](#)}, отвечая на вопрос, почему она не подписывает эскизы своих украшений.

* * *

Однажды утром меня очень рано будит одна из сестер, так как нужно взять кровь на анализ. Мне вводили антикоагулянт кумадин, чтобы во время перелета у меня не образовались тромбы. Сестра включает свет. Я смотрю на часы, которые не снимала с момента перелома. За время лечения у меня не было выхода в Интернет, не было мобильного телефона, я вообще никому не могла позвонить, хотя звонить мне было можно. Поэтому наручные часы, фотоаппарат и мой маленький блокнот для меня стали очень значимыми. Я научилась лучше говорить по-французски, но порой я просто «отключалась», погружаясь в звучание французской речи, и даже не пыталась понять, о чем говорят люди. Это восхитительное ощущение. Почти детское – слушать, не понимая смысла.

Я воспринимала мир на инстинктивном уровне. Я стала лучше понимать выражения лиц, жесты, голоса. Звуки. Лежа на больничной койке, я многое решила для себя. Вернувшись домой, я хочу начать учиться игре на музыкальном инструменте. Я стану учиться петь. Я буду чаще смотреть из окна и просто мечтать. Я начну меньше беспокоиться о французской грамматике и учить больше французских стихов. Я стану меньше волноваться из-за своего веса. Я буду чаще испытывать чувство благодарности.

Чтобы не скатиться в галлюцинаторное состояние, я делаю небольшие заметки о том, что и в какое время происходит. Это позволяет мне не забывать, кто я и где нахожусь, хотя в подобной ситуации такое может произойти с легкостью.

* * *

– Bonjour, Madame! – шепчет мне сестра.

– Bonjour, Madame! – отвечаю я и смотрю на часы.

Еще нет шести. В маленьком окне в изножье моей постели я вижу приглушенный розовый рассвет. Медсестре где-то около сорока. Она очаровательна в своей белоснежной, накрахмаленной форме – такую форму медсестры носили в Штатах лет тридцать назад. Сестра улыбается и достает маленькую пробирку и шприц. Я еще не до конца проснулась, поэтому и не говорю ей, что задача будет не из легких. Я просто безмолвно покоряюсь.

Анализ крови всегда были для меня испытанием. Врачи усаживали меня в особое кресло, потому что, как всем было известно, я, как правило, теряла сознание. Обычно меня кололи иглами раз восемь или десять,

а потом долго ругали за тонкие вены. Как-то раз мне даже сказали, что у меня «бегающие» вены, что привело меня в возмущение. Однажды врачу даже пришлось позвать другого специалиста, который начал колоть другую руку и сумел найти подходящую вену с третьей или четвертой попытки. От врачей я всегда уходила с кровоподтеками и синяками, которые через пару дней принимали еще более устрашающий вид.

Можете представить мое удивление, когда очаровательная французская медсестра внимательно осмотрела мою руку – как лозоходец! – и выбрала подходящую вену. Одним легким движением она ввела иглу и спокойно взяла анализ. *Voila!*

Я не могу в это поверить. По моим щекам текут слезы.

– *Vous êtes un expert!*^[58] – говорю я. Она действительно настоящий профессионал!

Медсестра вытаскивает иголку и осторожно прижимает к месту укола ватный тампон. Она смотрит на меня и улыбается, знаете, так улыбаются француженки, легко, чуть-чуть приоткрывая завесу над своей эмоциональной жизнью, но не впуская вас слишком далеко.

– *Non*, – лукаво говорит она. – *Je suis un artiste*^[59].

* * *

Я снова и снова возвращалась к тому случаю. Этот короткий утренний разговор стал для меня великим откровением, моментом просветления. Я, наконец, поняла, что делает француженок такими потрясающими. В тот момент во французской больнице я нашла важнейший ответ на мучившие меня вопросы. Эта молодая медсестра открыла для меня главный секрет отношения французской женщины к жизни. Я поняла, в чем кроется источник *ooh la la*.

Мысль о том, чтобы относиться к жизни так, как это делает художник, сейчас мне кажется совершенно естественной. Но мне потребовалось немало времени, чтобы по-настоящему понять, что это означает.

Мне пришлось совершить собственное непростое путешествие, побеседовать с очень многими людьми и осмыслить сделанные открытия. Я измучила себя физически и эмоционально, прежде чем моему сердцу открылась простая истина.

* * *

Я поднимаюсь посреди ночи. На улице идет дождь. Почему-то я ужасно себя чувствую, в висках стучит. Я вызываю медсестру. Она шепчет,

что сейчас даст мне лекарство, и, когда она возвращается, я говорю, что эта головная боль может быть связана с переменой погоды и с начавшимся дождем. Она качает головой и отвечает:

– Non, c'est le vent d'automne^[60].

Осенний ветер. Медсестра рассказывает мне, что он дует в Тулузе каждый год, начиная с октября. И приносит с собой всяческие недомогания – ночные кошмары и ужасные головные боли. В это время года у женщин тяжелее проходят роды. В какой-то миг я смотрю на лицо этой медсестры и воображаю, что передо мной ведьма. Или Жанна д'Арк. Или волшебница из страны Оз.

Реальность медленно отступает, и я оказываюсь на айсберге посреди бескрайнего океана. Я знаю лишь то, что уже девять дней провела в больнице Тулузы и ужасно хочу домой.

Я трижды касаюсь моих красных ботинок и шепчу:

– Нет другого такого места. Нет места, подобного дому. Нет места лучше родного дома.

* * *

Помню, как Мишлен, та самая подруга, которая в Париже помогала мне выбирать голубое боа из перьев, сказала мне: «Мы – французы, и мы любим все украшать цветами». И теперь мне стал ясен смысл ее слов.

Если бы французам нужно было придумать «бренд» для своей культуры и сформулировать, используя только лишь пару слов, то, думаю, они выбрали бы такой слоган: «Быть художником». Я бы даже добавила: «Всегда быть художником». Этот девиз относится ко всем сферам французской жизни – идет ли речь о еде, моде, искусстве вести разговор, любви или профессии. Эти слова применимы и к простейшим, и к самым сложным движениям. Художника чувствуешь и в изысканной парижанке, и в простой девушке, живущей в крохотном городке Валанс-д'Ажан.

Даже когда француженка моет ванную комнату, она делает это с достоинством и грацией. Для нее важнее быть художником, чем быть красивой. И в этом есть смысл. Подумайте: если вы – настоящий художник, то у вас есть и способности, и дар делать красивым все вокруг!

Вы – художник.

Задумайтесь об этом. И неважно, работаете ли вы в больнице или печете хлеб, живете в городе или в деревне. И не имеет значения тот факт, что вы никогда не думали об Искусстве. Все равно вы – художник. Вы творите собственную жизнь. И каждый день у вас есть возможность взять этот кусок человеческой глины и слепить из него что-то прекрасное,

элегантное, вдохновляющее. Вы сами решаете, что красиво, что вам идет и как можно проявить свой внутренний свет. Вы – звезда собственного бродвейского шоу. Вы – художник, и вы – натурщица. Вы – певица, исполняющая собственные песни и танцующая под собственную мелодию. Вы – костюмер, декоратор, продюсер и режиссер...

И конечно же, вы – настоящая звезда великого праздника, называемого жизнью.

Глава 17

И тогда путешествие завершилось...

На рассвете, когда палату заливает бледно-розовый свет, я открываю глаза, сладко зеваю, поворачиваюсь на другой бок и снова погружаюсь в полусон. Кто-то входит в палату, открывает окно, и в комнату врывается теплый осенний ветерок. Я вдыхаю аромат свежего кофе и через несколько минут сажусь и вижу перед собой поднос с завтраком: маленькая чашка кофе с молоком, багет, масло и две маленькие упаковки джема – клубничного и апельсинового.

– Bonjour, – здоровается дама в белом костюме, взбивая мою подушку, чтобы мне было удобнее.

Только представьте себе: нужно было всего лишь сломать щиколотку, чтобы остановить эту безумную гонку и научиться ценить простые радости – например, этот завтрак.

Дома я часто пропускаю завтрак. Да, я пью кофе – много, очень много кофе, но делаю это, не отрываясь от ноутбука. Нет, я вовсе не пишу нечто блестящее, прекрасное и важное. На самом деле я делаю все, что угодно, лишь бы не приниматься за работу. Я проверяю электронную почту! А еще – отзывы на свои книги на Amazon.com. А потом, прежде чем снова вернуться к почте и Facebook, я читаю газеты – и меня невозможно оторвать от забавного видео, в котором показано, как играют котенок и дельфин. Муж уходит на работу, и вдруг я осознаю, что уже полдень, а я так и не позавтракала. К этому времени я уже страшно голодна, поэтому быстро насыпаю в миску мюсли с изюмом и съедаю их, продолжая читать газету.

И за все это время я ни разу не выглядываю из окна – а ведь из моего окна открывается вид на залив Вакуот! Мы живем почти на пляже, в таком месте, где люди мечтают оказаться хотя бы на денек. У нас очень красиво. Люди платят большие деньги, чтобы снять здесь жилье на лето. И знаете, летом к нам приезжают даже французские туристы!

Но я совершенно не ценю ту красоту, что лежит прямо у моего порога.

Поэтому не удивительно, что

пока я лежала во французской больнице, со мной произошло настоящее чудо: я научилась останавливаться, смотреть из окна и наслаждаться завтраком. Я поняла: я люблю завтрак!

И люблю его настолько, что готова ради него остановиться и потратить время. Да, мне нравится намазывать багет маслом, а потом добавлять немного клубничного джема. О, а как же я люблю горячий кофе!

И знаете что? Я не терзаюсь чувством вины за то, что ем масло, хлеб и джем, потому что точно знаю: до обеда больше не будет никакой еды!

И теперь, когда я уже усвоила свой урок, мне пора возвращаться домой.

Да, сегодня я еду домой. Наконец-то! Приехал мой муж Билл! Он удивился тому, что я в такой плохой форме. Естественно, ведь я старалась преуменьшить серьезность положения. И это мне удалось. Я – очень независимая женщина и терпеть не могу кого-то обременять. Но сейчас я целиком и полностью завишу от других. Вселенная явно решила преподать мне несколько уроков. Билл купил билеты на самолет из Тулузы до Лондона, а оттуда в Бостон, и заказал машину, которая встретит нас в аэропорту и доставит к врачу в Фолмут. Ну и, конечно же, летим мы первым классом.

Да уж, это единственный способ прокатиться в первом классе!

Но если говорить серьезно, то мне всю дорогу придется держать ногу на весу. Мне запретили оказывать на нее хоть какое-то давление, и я не могла коснуться левой ногой поверхности даже на секунду. И в таком положении мне предстояло провести ближайшие полтора месяца. Мне выдали французские костыли до локтей, а не до подмышек, но за последние девять дней я не ходила дальше соседнего туалета.

И вот Билл везет меня в инвалидном кресле по аэропорту Тулузы. Мы молимся, чтобы нам удалось выбраться из страны: в Париже только что началась общенациональная забастовка транспортников.

Беатрис и Жан-Пьер шутят, что есть только три способа задержаться во Франции: национальная забастовка, брак с французом или перелом щиколотки. Что ж, я выбила два из трех!

Мы прощаемся, и Билл катит меня к паспортному контролю. Сначала меня не пропускают. На моей ноге гипс, и кто знает, что я скрываю под ним. Может быть, металлическую пластину на шести винтах? Билл показывает мои рентгеновские снимки – и *voilà*! Моя смелость, мое *je ne sais quoi*^[61], мое *ooh la la* производят на них впечатление. Они машут мне на прощание:

– Bonne chance, madame!^[62]

Самолетом British Airways мы летим из Тулузы в Лондон. Должна признаться – так приятно слышать английскую речь! Оказывается, я страшно соскучилась по английскому! По родному языку!

– Америка, я возвращаюсь домой!

В первом классе очень внимательный стюард. Он очень забавен – чисто по-английски, и интересуется, каталась ли я на лыжах. Я отвечаю, что сломала ногу просто на улице во время прогулки. Он смеется, потому что это кажется ему очень странным. И мне теперь тоже.

Наконец, мы в Лондоне. И здесь меня поджидает неожиданная неприятность. Самолет подъезжает не к выдвижному трапу, а останавливается на поле, откуда пассажиров везут в аэропорт на автобусе. К тому же идет дождь, и дует сильный ветер. Не могу поверить. На поле! Автобус! Трап! Предложение спуститься по лестнице я воспринимаю примерно так же, как если бы кто-то предложил мне спуститься со Скалистых гор на санках. C'est impossible!^[63]

Мы отправляемся, и некоторые – навсегда, искать другие состояния, другие жизни, другие души.

Анаис Нин

Мне предлагают альтернативный вариант – специальную платформу, которая поднимается к дверям с другой стороны самолета. Оттуда выгружают тележки с едой – и людей в инвалидных креслах. Нас таких двое – я и пожилой джентльмен из Германии.

Двери открываются, платформа готова. На улице холодно, и на самом деле идет дождь. Когда меня выкатывают из самолета, раздается сильный раскат грома, и мне предлагают немного подождать. Ветер свищет у меня в ушах. Я смотрю на Билла, а он на меня. Я хватаю его за руку и шепчу:

– Я люблю тебя!

И вдруг мы начинаем опускаться. Стюард, который управляет платформой, улыбается мне. Почувствовав мой страх, он говорит:

– Ну же, дорогая, просто закройте глаза и представьте, что вы в Диснейленде!

Домой я привезла много всего – не только металлическую пластину на шести винтах в щиколотке, но и пару красных ботинок, голубое боа из перьев, новые духи и маленький темный флакон Tonique Sexuel.

Но, пожалуй, самое важное – это то, что я по-новому стала любить своего мужа, у меня появилась уверенность в том, что на него можно

положиться в трудной ситуации – и эта спасательная миссия стала для нас только началом. Но это уже другая история. Хочу лишь сказать, что благодаря Биллу, его великолепным кулинарным способностям и его щедрости процесс выздоровления стал очень приятным.

А еще я привезла домой секрет ooh la la. И секрет этот оказался довольно простым. Вот он: открой свое сердце, почувствуй любовь, которая тебя окружает, и наберись смелости быть самой собой.

В этом и заключен французский секрет ooh la la. Француженка всегда остается самой собой. Она точно осознает свое внутреннее «я», и это «я» находится в полной гармонии с «я» внешним. И это наполняет ее уверенностью и окутывает тайной. Это делает ее прекрасной – даже если у нее лишний вес, длинный нос или ее уже можно назвать «женщиной определенного возраста». Это и есть ooh la la.

Хочу вас порадовать: это ooh la la, это уникальное внутреннее «я» всегда с вами. Оно лишь ждет, чтобы вы открыли его. Вам вовсе не нужно ехать во Францию и ломать щиколотку. Достаточно просто посмотреть из окна на облака, почувствовать себя художником, выбрать собственный свет, расслабиться и понежиться, купить новые духи и вспомнить, какой была ваша прапрапрабабушка. Все это поможет вам открыть свое истинное внутреннее «я».

Начните же путешествие сегодня и скажите bonjour своему ooh la la!

Ответы француженок на самые актуальные вопросы

Фредерик

Какие духи ты любишь и почему?

Первые духи, которыми я стала пользоваться, – Cabochard от Gres (cabochard в переводе с французского означает упрямый). И, насколько я помню, бабушка предложила их мне, когда мне было лет 16 или 17 (что очень символично!).

В разные периоды моей жизни, в зависимости от событий, происходивших со мной, мне нравились разные ароматы. В последнее время я полюбила туалетную воду Chance от Chanel. Мне предложила ее попробовать моя подруга-француженка, работающая в Chanel в США. Это было в 2009 году, я тогда как раз приступила к разработке нового проекта, и мне просто необходимо было что-то, что вселяло бы в меня надежду на успех, а так как запах мне понравился, духи стали моим талисманом.

А несколько недель назад, когда мы с Пьером были в аэропорту, я попробовала туалетную воду Idylle от Guerlain. Это была любовь с первого вдоха. Запах напоминал цветочный, но в то же время был очень чувственным. Пьеру он тоже понравился, и он купил эти духи для меня. Эти духи напоминают мне о нашей с Пьером любви с первого взгляда (или со второго!).

Иногда я меняю духи – все зависит от жизненных обстоятельств. На торжественный обед в Париже я выберу Shalimar от Guerlain. Эти духи можно назвать шикарными. А когда на улице жарко, я предпочитаю что-то очень легкое – например, духи от Calvin Klein. Они подходят мне, когда я страшно спешу.

Двадцать лет назад я пользовалась Eternity for Men от Calvin Klein. Они напоминали мне об одном мужчине и нашей невероятной любви.

Мы обожаем французских femme d'un certain âge^[64]. Как ты думаешь, в чем секрет их элегантности, красоты и стильности?

Эти женщины помогают мне преодолевать страх старости. В мире, который преклоняется перед юностью и стройностью, они живут

совершенно спокойно и прекрасно чувствуют себя «в своей собственной шкуре» (у вас в США есть такое выражение?). Они ухаживают за собой, они очаровательны, они хотят быть соблазнительными. Они позитивны и продолжают строить планы. Они хорошо образованы, многих из них интересуют социальные проблемы. С ними всегда интересно поговорить. Они видели, как с годами менялось французское общество. У них есть собственная точка зрения и богатый опыт, которого нет у молодежи, поэтому с ними всегда так интересно разговаривать. У них есть собственные идеи и у них можно многому научиться. Они – свидетели прошлого, но не ностальгируют по ушедшему времени. Они стараются сохранить все лучшее, но в то же время легко приспосабливаются к переменам, произошедшим в обществе, и это доказывает их современность и мудрость.

Эти женщины отказываются довольствоваться только одной ролью: у многих есть внуки, но они не жертвуют своими интересами, чтобы присматривать за ними в любое время. Они уже на пенсии, поэтому свободное время у них есть, но при этом у них масса занятий. Их не устраивает роль няни, хотя время от времени они соглашаются на нее. И все же эти женщины очень щедры. Они не жалеют времени, помогая тем, кто нуждается в чем-либо, принимая, например, участие в работе благотворительных организаций. Они жизнерадостны и любят развлечься, никогда не упуская возможность куда-то выйти.

Они часто очень хорошо знают свой город или регион и всегда могут предложить что-то интересное своим друзьям или родным. С ними никогда не бывает скучно. Они любят жизнь, хотя уже прошли большую часть пути и пережили немало трудностей, а иногда и драм. Жизненные трудности их не сломили, напротив, они научили их наслаждаться каждым моментом жизни. В молодости такое осознание – большая редкость.

Они загадочны, потому что умеют скрывать сомнения и пережитые сложности. Каждая ли из них может сказать, что после замужества ни в кого больше не влюблялась и не думала о том, чтобы бросить все и уйти с незнакомым мужчиной? Мы не должны забывать о том, что эти женщины вступали в брак в 50-е или 60-е годы, а в то время во Франции религия и мораль играли очень важную роль.

У меня сложились особые отношения с тетей. Во французских семьях не редкость такая ситуация, когда близкие отношения устанавливаются не с матерью или отцом, а с другим родственником, который становится наставником и образцом для подражания, потому что разделяет твои взгляды на жизнь. Мое детство прошло рядом с матерью – женщиной,

буквально раздавленной разводом. Маму не интересовали ни мои игры, ни мои мечты.

А рядом с тетей Одиль моя жизнь становилась легкой, как мыльный пузырь, и я мечтала, чтобы это длилось вечно. Тетя постоянно брала меня к себе. Вместе с ее сыном и другими детьми (обычно нас было шестеро) мы шли в кино смотреть мультфильмы или на ярмарку. Особенно приятно было, что тетя веселилась наравне с нами. Она была ребенком среди детей, но к концу дня становилась матерью сыну и женой мужу. Ее способность приспосабливаться к обстоятельствам поражает меня до сих пор. Думаю, что в этом и кроется секрет того, чтобы любить и быть любимой. Я восхищаюсь ее смелостью – тетя не раз принимала трудные решения, которые не всегда вызывали восторг у членов семьи. Она стала для меня образцом свободолюбия! Никто и никогда не мог диктовать ей, что для нее хорошо, а что плохо. Она следовала своему инстинкту и не боялась трудностей. Она не осуждает других. Ей можно сказать все – она умеет хранить секреты и всегда дает советы по самым сложным вопросам.

Меня восхищает и ее готовность учиться. Она выросла в скромной семье, где все много работали, но не имели времени для чтения или походов на выставки. Одиль интересовалась всем – литературой, искусством, природой, социальными науками. Она всегда стремилась понять, изучить и постичь. Она открыта новым впечатлениям. Я наблюдала, как она упорно шла по этому пути много лет. И я стараюсь сама быть такой, потому что вижу в этом ключ к полной самореализации.

Ванесса

Пожалуйста, раскройте мне свой главный секрет красоты. Одна француженка сказала мне, что после душа нужно обязательно окатываться ледяной водой. Есть ли у вас такие же простые секреты?

Смывайте макияж перед сном, пейте воду, увлажняйте кожу. Я начала ухаживать за собой еще в юности, что и всем советую. Однажды я была у дерматолога. Мои подруги любят массаж лица. Мне нравится баловать себя – порой я устраиваю себе паровые ванны: наливаю горячую воду в миску, наклоняюсь над ней и накрываю голову полотенцем.

Француженки славятся естественным макияжем, но мы знаем, что такой имидж требует серьезных усилий. Что вам кажется основным компонентом такого макияжа?

Для меня большое значение имеет тушь для ресниц. Я всегда ею пользуюсь, потому что у меня тонкие, светлые ресницы, но мои подруги,

у которых более яркие ресницы, подкрашивают их не каждый день. Потом румяна – цвет терракоты. Розовая или бронзовая пудра. Помада или блеск для губ. Очень немного. Минимум. Следующий шаг – основа, подводка для глаз, чуть-чуть теней. Брови и ногти во Франции не так важны, как в США. В США ногти должны быть длинными. Там невозможно выйти куда-нибудь без маникюра.

Во Франции не принято судить о людях по тому, продукцию какой косметической фирмы вы используете. То же самое относится к волосам. У меня есть приятель – специалист по макияжу. Он живет в Париже со своим бойфрендом. Так вот, он заметил, что в Северной Америке женщины более изысканны. Он говорит мне: «Что вы, француженки, делаете со своими волосами? Вы совершенно не ухаживаете за собой. Вы даже не расчесываете волосы!»

И правда: многие парижанки могут собраться за пять минут, они не тратят время на укладку волос. Во Франции парикмахеры делают такие прически, которые учитывают геометрию вашего лица.

Вы когда-нибудь терзались чувством вины? Что вызывает это чувство? И как вы от него избавляетесь?

Не уверена... Думаю, что мы похожи на американских женщин. Вспоминается один случай, когда мне было тридцать лет. Я пришла к моей подруге. Мы сидели вдвоем, болтали, обсуждали рабочие проблемы и бойфрендов. У нас был пакет с конфетами – и мы съели его весь! К ужину мы почувствовали себя очень и очень неважно. Помню, как у меня болел живот. Но мы просто посмеялись над этим. И когда сегодня мы видим такие же конфеты, то всегда хохочем. Они называются Dragibus – это что-то вроде жевательного мармелада. Какими же мы были глупыми – настоящими детьми, которые не умеют останавливаться вовремя!

Мы обожаем французских женщин определенного возраста. Как вы думаете, в чем секрет их элегантности, красоты и стиля?

Секрет в стиле и в выборе тканей. К сожалению, постепенно это искусство исчезает. Сегодня мода и внешний облик людей подчиняются стандартам. Надеюсь, стандартизация не сможет одержать полную победу. Всегда есть новые модельеры и новые стили. Вот у вас, в США, есть бренд Net-a-porter.

Расскажите мне о своем парикмахере.

Я всегда хожу к одному и тому же мастеру. Я видела, как женщины приходили к ней с фотографиями актрис и говорили, что хотят выглядеть так же. Но у них были совершенно другие волосы. Вы знаете, француженки чаще пользуются американскими средствами для волос, чем французскими, потому что в Штатах прически очень важны. Нам нравится линия John Freida, сегодня эти продукты можно купить во Франции. Продукцию Revlon найти сложнее – она есть только в салонах. Но сегодня француженки ее покупают. Например, для ногтей – отличный лак OPI.

Что бы вы хотели привезти во Францию из США?

Мне нравятся батончики Raisinettes – во Франции их нет!

Изабель

Пожалуйста, раскройте мне свой главный секрет красоты. Одна француженка сказала мне, что после душа нужно обязательно окатываться ледяной водой. Есть ли у вас такие же простые секреты красоты?

Хороший ночной сон – ложитесь спать пораньше, спите в темноте и тишине, не занимайтесь перед сном энергичной деятельностью. После хорошего сна кожа выглядит отдохнувшей, освеженной, гладкой и сияющей.

Француженки славятся естественным макияжем, но мы знаем, что такой имидж требует серьезных усилий. Что вам кажется основным компонентом такого макияжа?

Я не наношу макияж на кожу – только маскирующий карандаш под глазами, чтобы скрыть темные круги, когда они появляются. А еще немного туши для ресниц и теней для век.

Мы знаем, что для сохранения здоровья нужно пить много воды. А можете ли вы предложить еще что-нибудь подобное?

Нужно заниматься спортом и хорошо отдыхать. Защищайте кожу от солнца, достаточно спите, устраивайте себе хотя бы одну нечаянную радость в течение дня, наслаждайтесь любой мелочью – и тогда вы будете сиять. Дарите любовь окружающим – это сделает вас обаятельной и привлекательной. Культивируйте в себе позитивный настрой.

Какую косметику или одежду вы хотели бы привезти во Францию

из США?

Некоторые американские косметические бренды довольно известны, и в США они стоят дешевле. Это Estee Lauder, Clinique и Maybeline (во Франции эта марка называется Gerny). Я бы купила еще и американские джинсы.

Какие у вас любимые духи и чем они вам нравятся?

Я больше всего люблю духи Chanel – Coco Mademoiselle (вы видели рекламу с Кирой Найтли?). Это очень изысканные, глубокие и женственные духи. С ними чувствую себя женственной и привлекательной. Кроме того, это же Chanel – и это придает ощущение собственной значимости.

Вы когда-нибудь отказывались от покупки платьев, джинсов, юбки, сумочки – и почему?

Отказываться – зачем? Я отказываю себе только в том случае, когда мне действительно не нужна лишняя сумочка, джинсы или юбка. Я умею сопротивляться соблазнам.

Если вы набрали лишние килограммы, то как вы их сбрасываете?

Хотя бы раз в неделю я бегаю целый час. Я перестаю есть нездоровую пищу, особенно viennoiseries^[65] – круассаны и шоколадные пирожные, в которых много масла. Я перестаю переедать, перехожу на фрукты и овощи, питаюсь строго по часам, стараюсь придерживаться сбалансированной диеты. Я пью много воды. Стараюсь поменьше есть на ужин. И очень осторожно отношусь к вину и пиву.

А как вы поддерживаете порядок в доме?

Раз в год или раз в два года я устраиваю генеральную уборку – прохожу по всем комнатам, шкафам и ящикам. Я выбрасываю все некрасивое, ненужное, то, чем я не пользовалась два года, что мне не нравится. Все это я выбрасываю, отдаю, продаю или жертвую. Каждый день я понемногу прибираюсь, каждую неделю убираюсь более тщательно, чтобы дом мой выглядел красивым и аккуратным, а раз в месяц у меня бывает более серьезная уборка.

Вы когда-нибудь терзались чувством вины? Что вызывает это чувство? И как вы от него избавляетесь?

Вины за что?

Мы обожаем французских женщин определенного возраста. Как вы думаете, в чем секрет их элегантности, красоты и стиля?

В их воспитании, так как обычно в их жизни важную роль играют их матери. В старомодном стиле, которому свойственна элегантность, изысканность, своеобразность. В уверенности в себе, мысленно они всегда остаются молодыми, счастливыми и привлекательными, несмотря на возраст.

Расскажите мне о вашем Тайном Саде. Что вы там храните?

В моем Тайном Саду, как вы это называете, есть диван, хорошая книга, горячий чай (ну и еще... шоколадное печенье!!!). И самое главное – здесь царит ТИШИНА. Порой бывает и так – природа, тишина и обостренные чувства.

Кто ваши лучшие друзья и почему?

У меня есть подруга-ирландка по имени Пэт. Это очень мудрая, чуткая, духовная, щедрая, любящая, заботливая, открытая и веселая женщина. В ее голосе звучит такая любовь, что я могу доверить ей все на свете. И меня это очень радует. У меня есть несколько хороших подруг-француженок. Они чуткие и внимательные, и хотя им я не могу доверить свои самые глубокие эмоции и мысли, они все же меня очень поддерживают, всегда выслушивают и дают советы. С Пэт мы познакомились в 1997 году, когда я жила и работала в Ирландии. Она на 30 лет старше меня – в этом году ей исполняется 68 лет. Думаю, мудрость – это ее натура. Она очень много работала над собой, обрела телесную гармонию через медитацию. Но жизнь ее была нелегкой – ей пришлось пройти через ужасные испытания.

Вы не хотели бы что-нибудь добавить? Что-нибудь сказать американским женщинам, чтобы они смогли почувствовать себя немного француженками?

Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду под словами «почувствовать себя немного француженками». Думаю, это очень неправильно, потому что они не смогут изменить свою национальность. Это их наследие и достояние. Американские женщины должны гордиться тем, что они – американки. Не стоит желать стать француженками или кем-то еще.

Сильви

Какие духи вы любите и почему?

Осенью и зимой я пользуюсь духами Dior Addict от Christian Dior. Это женские духи, но мой бойфренд тоже ими пользовался, и они ему подходили. Я открыла для себя этот запах благодаря ему и тоже решила попробовать.

Летом я предпочитаю Cool Water от Davidoff. Мама предложила мне эти духи лет десять назад, и с тех пор я их постоянно покупаю. Прошлым летом я решила немного от них отдохнуть и купила другие – Jeanne от Lanvin, которые мне посоветовала продавщица из Sephora.

Фран

Пожалуйста, поделитесь со мной главным секретом красоты. Какие простые советы вы дали бы другим женщинам?

Хорошая стрижка помогает почувствовать себя обновленной. Массаж головы всегда идет на пользу.

Француженки славятся тем, что прекрасно смотрятся даже без макияжа, но все же известно, что для того, чтобы хорошо выглядеть, все-таки требуется применить немного косметики. Что вам кажется основным компонентом такого макияжа?

Лично мне достаточно чуть-чуть румян.

Мы знаем, что для поддержания здоровья нужно пить много воды. А можете ли вы предложить что-то еще?

Главное – движение. Занимайтесь спортом, гимнастикой, йогой.

Какие три основных секрета вы храните в своем Тайном Саду?

Книга, музыка, произведение искусства.

Приходилось ли вам когда-либо отказываться от покупки платья, джинсов, юбки, сумочки или еще чего-нибудь?

Я не люблю покупать одежду.

Если бы вы набрали несколько килограммов, то какой способ применили бы, чтобы сбросить их?

Спорт и гимнастика. Ну и есть нужно поаккуратнее.

Как вы избавляетесь от лишних вещей в доме?

Я просто часто убираюсь.

Мы обожаем французских женщин определенного возраста. Как вы думаете, в чем секрет их элегантности, красоты и стиля?

Они ухаживают за собой, а потом просто забывают об этом. В их жизни есть нечто более важное. Эти женщины хотят, чтобы их ценили не только за их внешность.

Вы не хотели бы что-нибудь добавить? Не хотите ли что-нибудь сказать американским женщинам, чтобы они смогли почувствовать себя немного француженками?

Путешествуйте. Учите иностранные языки. Будьте любознательны.

Заключение

Ooh la la можно встретить где угодно. И для этого совсем необязательно отправляться во Францию, как это сделала я. Просто так случилось, что я нашла свое *ooh la la* именно там. А вы можете просто открыть дверь, выйти на улицу – и этого может оказаться достаточно. Красоту можно найти в самых неожиданных местах. Выгляните из окна. Посмотрите на облака. Помечтайте.

Все это очень важно.

И тогда вы захотите принять участие в великом спектакле под названием жизнь. Пройдитесь по улице, заплетите свои фирменные косы, надушитесь любимыми духами, наденьте любимую зеленую блузку или голубое боа из перьев.

Чтобы стать незаменимой, нужно быть иной.

Коко Шанель

Позвольте себе быть самой собой. В этом и кроется секрет *ooh la la*.

Все начинается, когда одна женщина в каком-то городе надевает что-то красивое, уникальное, художественное. Это «что-то» может быть очень простым – например, вязаной шапочкой, купленной на местной ярмарке. Но женщина в шапочке посылает безмолвный сигнал другой женщине: «*Будь собой!*» И вот эта другая женщина приходит домой и достает свое любимое платье, давно висящее в шкафу. Она чистит его, несет к портному, чтобы подогнать по фигуре, а потом надевает и отправляется в свет. Ей говорят комплименты, она чувствует любовь – и расцветает. И чем больше она носит это платье, тем более культовым оно становится. И чем более культовым становится платье, тем более культовой становится женщина.

И ее пример вдохновляет других женщин. И они тоже устремляются на поиски своего *ooh la la*.

В море одинаковых лиц, с одинаково гладкими лбами, одинаково накачанными губами, в море женщин с одинаковыми прическами, в одинаковых костюмах и одинаковых туфлях – женщина, которая осмеливается быть художником и творцом собственного «я», начинает революцию и может изменить мир.

Представьте себе мир, в котором все женщины вдруг решили быть

самими собой – такими, как им хочется, прекрасными и удивительными. Это и есть ooh la la, и это ощущение доступно каждой из нас – но найти его в журнале вам не удастся.

Его можно найти только в своем сердце.

Об авторе

Джейми Кэт Каллан – автор пользующихся огромной популярностью книг «Француженки не спят в одиночестве» и «Бонжур, Счастье! Французские секреты красивой жизни». Она – создатель набора импровизационных игр для писателей The Writers Toolbox (издательство Chronicle Books).

Рассказ о том, как Джейми познакомилась со своим будущим мужем и вышла за него замуж, был опубликован в колонке «Современная любовь» в газете The New York Times. Джейми работала в издательском отделе компании Estee Lauder International. Затем в Голливуде, в студии Paramount Pictures она разрабатывала сценарии для актрисы Мэг Райан. Она писала статьи о красоте и уходе за кожей для интернет-магазина GreatSkin. Джейми получила грант на написание книги о француженках в Вирджинском художественном центре во французском городе Овиллар, а затем звание члена художественного совета Массачусетского совета по искусствам. Джейми – популярный оратор. Ее выступления, статьи и книги помогли тысячам женщин обрести истинную joie de vivre – радость жизни.

Вместе с мужем Джейми живет в Кейп-Коде.

Благодарности

Я хочу поблагодарить моего мужа Билла, который долгие месяцы заботился обо мне, готовил и подавал мне великолепные ужины, поражая меня своим безграничным и невероятным терпением.

Я благодарна всем врачам и сестрам из клиники Амбруаза Паре, которые так трогательно заботились обо мне.

Я благодарю своего отца за поддержку и мудрость. Я благодарна моей дочери за то, что она всегда остается для меня источником творческого вдохновения. И я хочу поблагодарить всех моих друзей, которые всегда поддерживали меня. Спасибо вам, Минтер Кротцер, Джессика Ли, Дебора Крайнин, Элизабет Голд, Нэнси Флавин, Дебора Дэвис, Анна Макколей, Тесс Линк и Лори Графф!

Значительная часть этой книги была написана во время моего пребывания в Вирджинском центре искусств. Я благодарна всем его сотрудникам за то, что они уделили мне время, предоставили место и обеспечили тишину, так необходимые для работы. Я никогда не написала бы эту книгу, если бы не великодушие всех тех замечательных французских женщин и американок, живущих во Франции, которые гостеприимно открывали передо мною двери своих домов. Огромное спасибо Марджори Ван Халтерен, Сильвии Гулре, Тане Фовар, Беатрис Ле Нир и Изабель Авриль.

Я особенно благодарна удивительной Поле Мартин – моей наставнице в творческом и духовном странствии. Она поддержала меня, когда я по-настоящему заблудилась. Хочу также поблагодарить свою замечательную учительницу французского Марселину Колтен за терпение, доброту и мудрость.

Я благодарна моему прекрасному редактору из издательства Kensington Одри Ла Фер, моему агенту Ирене Гудмен и специалисту по рекламе Виле Энгшанд.

И наконец, не могу не поблагодарить всех моих сестер (и братьев) франкофилов, а также писателей, которые разделяют мою страсть ко всему французскому. Вы всегда останетесь для меня источником вдохновения. Merci beaucoup^[66] всем моим читательницам, которые писали мне и делились со мной своими историями и секретами. Меня очень тронуло ваше доверие. Эта книга написана для вас.

Сноски

1

Свободная, или неформальная, пятница (Casual Friday – американизм) – обычай носить свободную форму одежды по пятницам во многих западных фирмах.

2

Цветовой анализ внешности – это искусство, направленное на выявление наиболее подходящих внешности человека цветов, которые будут лучше всего соответствовать тону его кожи, цвету волос и глаз.

3

Восходящий знак, или асцендент – в астрологии это знак Зодиака, который восходит на восточном горизонте в момент рождения.

4

Галерея Лафайет – самый популярный и посещаемый торговый центр в Париже.

5

Attendez (*фр.*) – подождите.

6

Морфопсихология – это наука, цель которой – установление соответствия между внешним обликом и характером человека.

7

Nordstrom (Нордстром) – американская торговая сеть, которая предлагает последние коллекции от самых популярных мировых брендов.

8

Paris soirée (фр.) – парижская вечеринка.

9

Выходит в издательстве «Эксмо» с 2014 г., абсолютный бестселлер.

10

Savoir faire (фр.) – ноу-хау, секреты производства.

11

«*Мейфлауэр*» – английское торговое судно, на котором в 1620 г. пересекли Атлантический океан англичане, основавшие одно из первых британских поселений в Северной Америке.

12

Брин-Мор-колледж – частный женский гуманитарный университет в г. Брин-Мор, Пенсильвания. Входит в ассоциацию семи старейших и наиболее престижных женских колледжей на Восточном побережье США.

13

C'est la vie! (*фр.*) – Такова жизнь!

14

Bien sur! (*фр.*) – Да, конечно.

15

Имеется в виду песня группы Searchers «Любовный напиток номер 9».

16

La Vie en rose (*фр.*) – «Жизнь в розовом цвете» – песня каталонца Луиги, ставшая визитной карточкой французской певицы Эдит Пиаф, которая написала к ней слова.

17

Tres romantique! (*фр.*) – Очень романтично!

18

C'est la vie (*фр.*) – Такова жизнь.

19

Автор имеет в виду книгу Памелы Друкерман «Французские дети не плюются едой». М.: Издательство «Синбад», 2013.

20

Enchante! (*фр.*) – Рада познакомиться!

21

Mon mari (*фр.*) – мой муж.

22

Beaucoup (*фр.*) – множество.

23

I am a camera (*англ.*) – «Я – фотокамера» – название песни британской рок-группы Gentle Giant (кроткий великан).

24

The Beach Boys – американская поп-группа.

25

Halloween, s'est terminee! (*фр.*) – Хэллоуин закончился!

26

La vie en rose (*фр.*) – жизнь в розовом свете.

27

Protección (*фр.*) – защита.

28

Oui (*фр.*) – да.

29

Ça va bien! (*фр.*) – Хорошо!

30

Vous comprenez? Sans protection! (*фр.*) – Вы понимаете? Без защиты!

31

Je comprends. Sans protection. (*фр.*) – Я понимаю. Без защиты.

32

Que sera, sera (*исп.*) – «Что будет, то будет» – название песни, исполняемой американской певицей и актрисой Дорис Дей.

33

Femmes d'un certain âge (*фр.*) – женщины определенного возраста.

34

Je suis fatigued par le culte de la jeunesse (*фр.*). – Я устал от культа молодости.

35

Pharmacie (*фр.*) – аптека.

36

Secrets de femmes (*фр.*) – женские секреты.

37

Voyage d'Hermes (*фр.*) – «Путешествие Гермеса».

38

Sensuous Nude (*фр.*) – обнаженная чувственность.

39

C'est impossible! (*фр.*) – Это невозможно!

40

Purru (*англ.*) – щенок.

41

Знаменитое парижское кабаре, основанное в 1951 году.

42

Эндівий, или *цикорий салатный*, – вид травянистых растений, листья которых употребляются в пищу.

43

Café au lait (*фр.*) – кофе с молоком.

44

C'est moi! (*фр.*) – Это я!

45

N'est pas? (*фр.*) – Не так ли?

46

Fête de musique (*фр.*) – музыкальный фестиваль.

47

Строка из песни «Слова любви»: «Он говорит мне слова любви, слова любви весь день!»

48

La vie en rose! – «Жизнь в розовом свете».

49

Light my fire (*англ.*) – «Зажги во мне пламя».

50

Kir (фр. kir) – коктейль из белого сухого вина и черносмородинового ликера Creme de Cassis.

51

Ред Сокс – американская профессиональная бейсбольная команда.

52

Joie de vivre (*фр.*) – радость жизни.

53

Шарлотта Люси Генсбур – англо-французская актриса, певица и автор песен.

54

Je ouvre la fenetre (*фр.*) – я открою окно.

55

C'est vrai? (*фр.*) – Правда?

56

Макарон – французское кондитерское изделие из яичных белков, сахарной пудры, сахарного песка, молотого миндаля и пищевых красителей. Обычно делается в форме печенья; между двумя слоями кладут крем или варенье.

57

Сюзанна Бельперрон (1900–1983) – одна из самых талантливых и влиятельных ювелиров-дизайнеров XX века.

58

Vous êtes un expert! (*фр.*) – Вы – эксперт!

59

Je suis un artiste (*фр.*) – Я художник!

60

Non, c'est le vent d'automne (*фр.*) – Нет, это осенние ветры.

61

Je ne sais quoi (*фр.*) – я не знаю, что.

62

Bonne chance, madame! (*фр.*) – Удачи, мадам!

63

C'est impossible! (*фр.*) – Это невозможно!

64

Femme d'un certain âge (*фр.*) – женщины определенного возраста.

65

Viennoiseries (*фр.*) – выпечка.

66

Merci beaucoup (*фр.*) – большое спасибо.